Павел Подляшук

БОГАТЫРСКАЯ СИМФОНИЯ

ЕЛЕНА СТАСОВА:

Мне выпало счастье вступить в боевой ленинский отряд как раз в ту пору, когда он еще только сплачивался, когда нас было так мало, что мы знали друг друга в лицо и поименно... Единение таких людей, как Бабушкин, Бауман, Красин, Кржижановский, Свердлов, Цюрупа, Калинин, Орджоникидзе, Фрунзе и многих других вокруг Владимира Ильича является результатом их идейной общности, итогом глубоких раздумий, смелых решений, осмысленных действий и, главное, совершенно ясного понимания того, что им иначе нельзя... Быть преданным революционным идеалам, нести в своей душе великую верность Ильичу — это прекрасно, это основа жизни!

Политиздат

ПАВЕЛ ПОДЛЯШУК

БОГАТЫРСКАЯ СИМФОНИЯ

(Документальная повесть о Е. Д. Стасовой)

Москва
Издательство
политической
литературы
1977

П $\frac{10202-237}{079(02)-77}$ 115—77

ОТ АВТОРА

«Какой непоколебимый в силе своей революционер, какой крепкий, прекрасный человек эта Елена Стасова!» — так Максим Горький написал о Елене Дмитриевне Стасовой, героине этой документальной повести.

Долгую и красивую жизнь прожила она. С юных лет избрав тернистый путь революционера-подпольщика, борца за освобождение трудящихся, Стасова всю себя, без остатка, отдала строительству большевистской партии, в рядах которой состояла почти семьдесят лет. Елена Дмитриевна по праву принадлежит к ленинскому ядру Коммунистической партии, к тем, кого мы называем ленинской гвардией. Владимир Ильич ценил и уважал Стасову. А она выразила свое отношение к великому делу Ленина в таких вдохновенных словах: «Быть преданным революционным идеалам, нести в своей душе великую верность Ильичу — это прекрасно, это основа жизни!»

Автору этой документальной повести посчастливилось ряд лет работать под началом Елены Дмитриевны, а потом не раз встречаться с ней, пользоваться ее советами, слушать ее рассказы о замечательной стасовской семье, о революционном прошлом. Но личные впечатления и воспоминания лишь вкраплены в повествование. В его основу положено изучение архивных материалов, периодической печати и книг, а также многочисленные беседы с людьми, знавшими Елену Дмитриевну.

Выражаю сердечную благодарность товарищам — старым коммунистам, бывшим работникам Исполкома и ЦК МОПР, писателям, историкам, архивистам — всем, кто дал мне полезные советы при работе над книгой. Особо хочу отметить неоценимую помощь жены моей и друга — Веры Евгеньевны, ныне покойной.

Госпожа Калашникова

По четвергам — осенью, зимой и весной — в доме Дмитрия Васильевича Стасова бывали музыкальные вечера. Собирались гости: друзья — композиторы и музыканты, друзья-художники, просто друзья, многочисленная родня. К Стасову приносили «на суд» свои новые сочинения властители дум «музыкального» Петербурга — и Милий Балакирев, и профессор химии Александр Бородин, и Модест Мусоргский, и Антон Рубинштейн. Известные виртуозы пианисты, а то и сам хозяин, талантливый музыкант-любитель, без лишних уговоров садились к роялю.

...Затихала музыка. Тотчас же начинались споры о только что услышанном произведении, о назначении искусства, о месте художника, о его роли в общественной жизни. Самым бурно-пламенным спорщиком был брат хозяина дома, Владимир Васильевич Стасов. Яростный борец за самобытность русского искусства, он проникновенно понимал прекрасное и остро воспринимал малейшую фальшь. Владимир Васильевич был ясен в своих пристрастиях. Все свои симпатии он отдавал «могучей кучке» композиторов и столь же могучей поросли талантливых художников-передвижников.

Дочь хозяина, Лена, восхищалась дядей. Прямотой и резкостью его суждений. Благородством натуры и широтой размаха. Независимостью взглядов и энциклопедичностью познаний. Демократизмом и нескрываемо отрицательным отношением к самодержавию. Смелостью во всем. Владимир Васильевич любил Лену. Племянников у него много, он дружил со всеми молодыми Стасовыми. Но Лена с малых лет как-то особенно пришлась ему по душе. Дядя не скрывал этого своего пристрастия (как, впрочем, не хотел и не умел таить свои симпатии во всем, в большом и малом).

Любитель шутливых прозвищ, Владимир Васильевич нарек однажды Лену фамилией Калашникова — в честь молодой лермонтовской героини «Песни про купца Калашникова» — писаной красавицы Алены Дмитриевны. По совпадению имени и отчества, а быть может, и по каким-то другим, ему одному ведомым причинам... И так укрепилось в семье это прозвище, что даже свои письма к Лене он адресовал: «в доме у гг. Стасовых — Елене Дмитриевне Калашниковой».

Итак, четверг. «Папино собрание», как его почтительно звали младшие Стасовы; вечер, наполненный миром чудесных звуков, воздухом высокого искусства. Всегда праздник. Лена ждала его всю неделю. Но еще сильнее влекли ее предвечерние «шагания», которые предшествовали музыкальным вечерам.

Дядюшка приезжал раньше других гостей и участников — к обеду. А после него — так уж повелось — прохаживался с Леной по полутемной длинной гостиной. Вышагивали взад-вперед и — разговаривали. «Как перипатетики» — Владимир Васильевич рассказал девочке про древнегреческого философа Аристотеля и его учеников, про то, как во время прогулок они искали истину. Рассказал в шутку, но им обоим очень понравилось это сравнение. Вот они и шагали. И говорили — вполголоса, доверительно — о чем придется, поверяли друг другу свои секреты, спорили.

Подрастала Лена, вытягивалась, взрослела. «Шагания» продолжались. Естественно, менялись темы разговора, да и их характер: раньше племянница редко прерывала дядюшку, теперь все чаще брала в беседе инициативу на себя...

— А знаешь ли, госпожа Калашникова, кому я нынче письмо послал? — Владимир Васильевич с видом заговорщика вытащил из кармана сюртука сложенный вчетверо листок: — Вот черновик... Угадаешь?

— Николаю Гавриловичу?!

— Ему,— ответил Стасов, выдержав долгую паузу.— Известно тебе, что после всех мытарств вернули Чернышевского в Астрахань и даже дозволили состоять в переписке. Я и написал ему, спрашивая, желает ли он возобновить наше старинное знакомство. Хочешь послушать мое письмо?

Они задержались у окна, и Владимир Васильевич, напрягая зрение, прочитал:

— «Я бы необыкновенно желал этого для того, чтобы поговорить с Вами снова о том предмете, который для меня всего важней и который наполняет мою жизнь: *искусство*». И еще я ему признался, что выше всех русских книг об искусстве ставлю его магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». Ты со мной, я надеюсь, соглас-

на? — обратился он к племяннице и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Мне кажется, что я смогу от него, от Чернышевского, получить такие мысли и советы, которые не найдешь ни у одного писателя современности. Ни у наших, ни у европейских... Просил его писать на адрес Публичной библиотеки. Теперь буду ждать.

— И я буду ждать,— промолвила Лена задумчиво. И подумала: какое совпадение — совсем недавно в папиной библиотеке, в его «чрезвычайном» шкафу, она взяла «Основания политической экономии» Джона Стюарта Милля. А предисловие к той книге написано Чернышевским. Она даже конспект попыталась составить, хотя не все, конечно, поняла. Может, и ей доведется написать ему, поделиться своими мыслями?

Однако ответа Стасову не суждено было получить. В июне власти разрешили Чернышевскому переехать в Саратов. А осенью, в октябре, в столицу пришла горестная весть: измученный преследованиями «вилюйский узник» скончался.

«Чрезвычайный» шкаф в кабинете отца и одна из тумб-колонок его громоздкого письменного стола — та самая, которая всегда распахнута, как бы приглашая порыться в ящиках,— служили Лене настоящим «кладезем премудрости».

Детям позволялось не только входить в папин кабинет, но и пользоваться его сокровищами. В библиотеке Дмитрия Васильевича — множество томов: на русском, французском, немецком языках. В ящиках стола — коллекция портретов декабристов, фотографии парижских коммунаров, а также русских революционеров, которых петербургскому адвокату Дмитрию Стасову довелось защищать на политических процессах... А в «том» шкафу стоят в ряд сочинения Герцена и Чернышевского (Лена знала, что эти авторы не только «запрещенные» писатели, враги царя, но и хорошие знакомые отца, их он глубоко чтил. А Николаю Гавриловичу даже деньги посылал, разумеется тайно). Из заграничных поездок Дмитрий Васильевич ухитрялся привозить нелегально издававшуюся там литературу. Вот герценовско-огаревская «Полярная звезда», вот «Колокол», другие бесцензурные, вольные издания.

Когда отец перевел короткую латинскую фразу, поставленную эпиграфом к «Колоколу»: «Vivos voco!», что означало «Зову живых!», девушку потряс этот призывный клич великого изгнанника.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС среди других бумаг Елены Дмитриевны Стасовой хранятся две странички машинописи — ее записи о книгах, которые «охотнее всего читала в молодые годы». Это, по-видимому, фрагмент какой-то статьи или ответ на анкету.

Читала она очень много. Пятилетней ей подарили «Бабушкины сказки». Эту первую свою книгу читала, не отрываясь, убегала, пряталась под стол, только бы не расстаться со своими сказками.

Потом увлеклась популярными в то время книжками Луизы Олькотт, на смену которым пришли романы Вальтер Скотта. Тогда, наверное, и зародился у нее интерес к истории. Запоем читала и перечитывала Виктора Гюго — его романы «Отверженные», «93-й год». Из русских авторов рано познакомилась с Тургеневым и Львом Толстым, Некрасовым, Лермонтовым, Салтыковым-Щедриным и Короленко. Русских писателей в семье знали очень хорошо, постоянно упоминали в разговорах, наизусть цитировали отрывки.

«Из Тургенева,— пишет Елена Дмитриевна,— я больше всего перечитывала «Накануне», «Рудин», «Дворянское гнездо»; меня в этих романах привлекали характеры героинь, шедших против моральных и иных устоев, и злило окончание «Дворянского гнезда» — поступление Лизы в монастырь.

Вера из «Обрыва» влекла меня к себе своим независимым характером».

И сама Лена с юных лет отличалась таким же характером. Была ершистой, смелой — даже в играх, во взаимоотношениях со сверстниками. «Ей бы мальчишкой родиться!» — говаривала мать, Поликсена Степановна, и трудно было понять, сожалеет она, что такая девчонка растет, негодует или восхищена... Старшие сестры, Зина и Варя, были рукодельницами — Лену это не влекло.

Хотя, впрочем, известен один эпизод, о котором стоит рассказать. В ноябре 1892 года исполнилось пятьдесят лет со дня первого представления оперы Глинки «Руслан и Людмила». 27 ноября на юбилейном спектакле сестре композитора, Людмиле Ивановне Шестаковой, поднесли нарядную звезду, составленную из пестрых атласных лент, на каждой ленте были вышиты нотные строчки из клавира знаменитой оперы. Придумал это подношение Владимир Васильевич, а вышивку на лентах мастерски исполнили три его племянницы — Зина, Варя и Лена. Совсем разные по характерам и взглядам, они объединились по дядюшкиному слову, чтобы принять участие в чествовании памяти великого русского композитора.

На долю Лены, не иначе как по шутливому наущению Владимира Васильевича, досталась нотная строчка мотива: «Тихий сон, успокой сердце девы». Ноты эти она вышила золотой нитью на лиловой ленте.

Литература была одним из первых и главных учителей Елены Стасовой. Она вновь и вновь перечитывала страницы «Овода» Войнич и короленковские рассказы «Сон Макара», «Лес шумит», «В дурном обществе». Стасова вспоминала много лет спустя: «Очевидно, этот большой литературный материал привел меня к тому, что я увлеклась литературной критикой: Белинским, Писаревым и Добролюбовым. Статьи Добролюбова «Темное царство» и «Луч света в темном царстве» заставили страшно много передумать и перечувствовать, так же как и знаменитые статьи Белинского...». О романе Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов», извлеченном из недр все того же «чрезвычайного» отцовского шкафа, она прямо говорила как о своем первом учителе подпольной работы и революционной конспирации.

Но вот книжка отложена в сторону, Лена невольно прислушивается к разговору взрослых — дверь в папин кабинет не притворена. А там давний папин приятель, Анатолий Федорович Кони, в который уж раз толкует о судебном процессе, где он председательствовал. Да, о деле Веры Засулич. О невиданно смелой революционерке, стрелявшей в петербургского градоначальника Трепова. И Кони, и папа выстрела, конечно,

не одобряют, но восхищены силою духа Веры Засулич. Какой молодец! И ведь это превосходно, что суд присяжных ее оправдал!

Этот сенсационный процесс — предмет неиссякаемой гордости Кони. Шутка ли сказать, повел дело так, что присяжным ничего не оставалось, как провозгласить: «Нет, не виновна!..»

У отца хранилась фотография Веры Засулич, и Лена, бывало, подолгу всматривалась в ее черты, все старалась в обыкновенном женском облике разглядеть нечто выдающееся, геройское...

Слушала юная Елена и рассказы Дмитрия Васильевича о нашумевшем «процессе 193-х» — суде над революционными народниками. Отец был на этом процессе защитником и не раз потом припоминал подробности этого громоздкого и громкого дела. Вспоминал и своих подзащитных, которых брал тогда на поруки. От отца впервые услыхала Лена и о «процессе 50-ти», во время которого со скамьи подсудимых ткач Петр Алексеев произнес вещие слова о мускулистой руке пролетариата, которая поднимется и сметет эксплуататоров и угнетателей!

Героические образы, порожденные жизнью, все больше выступали на передний план, как-то отодвигая любимых литературных героев.

Род Стасовых, их большая крепкая семья дали России плеяду выдающихся деятелей культуры и общественной мысли, искусства и демократического движения. Дед Елены Дмитриевны, замечательный зодчий Василий Петрович Стасов, построил немало зданий, вошедших в историю русской архитектуры.

Владимир Васильевич — великий критик. Младший брат его, Дмитрий Васильевич, отец Лены, был одним из организаторов Петербургской консерватории. Бессменный и многолетний председатель столичной корпорации присяжных поверенных, он выступал защитником на политических процессах.

Больше всего на свете Дмитрий Васильевич гордился двумя фактами из своей биографии.

Тем, во-первых, что Герцен в «Колоколе» оповестил мир о его увольнении со службы и кратковременном аресте. Было это давно, в 1861 году. Молодой Стасов

только пошел вверх по чиновничьей лестнице — и вдруг вынужденная отставка и даже тюрьма... «Преступление» его состояло в том, что он собирал подписи под прошением о помиловании уволенных студентов. Однако служебная карьера молодого человека на этом оборвалась. «К счастью!» — резюмировал Дмитрий Васильевич всякий раз, когда об этом эпизоде заходил разговор.

И второй предмет гордости. Из уст в уста передавали в Петербурге слова Александра II: «Плюнуть нельзя, чтобы не попасть в Стасова, везде он замешан». Было это в 1880 году. Царский гнев искренне радовал Дмитрия Васильевича: «Значит, изрядно я насолил дому Романовых, ежели самодержец так сердиться изволит...»

Мать Лены, Поликсена Степановна, разделяла демократические взгляды мужа, с гордостью говорила: «Мы — шестидесятники!», подчеркивая этим свободолюбивые настроения семьи. Она участвовала в устройстве воскресных школ, была председателем общества «Детская помощь», благотворительницей, но не от избытка средств и досуга и не «от нечего делать», как большинство богатых петербургских дам, а по твердому убеждению, что должна делать людям добро.

С мамой Лена не была так близка, как с отцом, но относилась к ней с большим уважением. У них характеры были схожими. Сильные характеры. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о несчастье, которое постигло Поликсену Степановну,— ей пришлось ампутировать руку. Она стоически переносила болезнь и увечье! Воспитывала детей, вела дом, не прекращала свою общественную деятельность, помогала мужу, в буквальном смысле слова служила ему поводырем, когда он потерял зрение. И ни жалобы, ни стона. Только в одном из писем Поликсены Степановны к приятельнице промелькнула горькая шутка: «Есть фамилия Кушелев-Безбородко, теперь явилась новая: Стасова-Безручко...» Зато в другом ее письме можно прочитать: «Мы, люди 60-х годов, какие-то выносливые, боремся с невзгодами и не теряем ни силы физической, ни бодрости духа».

И тетка Лены, сестра отца, Надежда Васильевна, была такой же сильной. В каких только общественных

начинаниях она не участвовала. С именем Надежды Васильевны связаны первые женские воскресные школы, первые артели переводчиц и наборщиц, где неимущие могли получить основы знаний и применить свой труд. Она стала директрисой первых в России Высших женских курсов, вошедших в историю под названием Бестужевских... И все это давалось с бою, ценой огромной энергии. Правительство отстранило Надежду Васильевну от работы на Высших женских курсах, лишило того дела, которому она отдала свою жизнь. Удар тяжелый, но он не сломил ее. Она нашла применение своим силам на других участках общественной деятельности. Работала до последней минуты жизни.

Следует упомянуть и о старшей сестре Елены Дмитриевны, Варваре, довольно известной писательнице. Свои книги она подписывала мужским псевдонимом: Владимир Каренин.

Да, семья, в которой жила, росла и воспитывалась Лена, была высококультурной. Стасовы отличались талантами и передовыми взглядами, чистотой помыслов и устремлений, жаждой общественной деятельности, огромной работоспособностью, смелостью и бескорыстием.

Когда же это началось? Когда смутное недовольство произволом самодержавия, нищетой и эксплуатацией трудового народа, расправами над героями-революционерами, когда все услышанное, увиденное, прочитанное, накопленное в памяти родило стремление к действию, к борьбе?!

Всего верней, что впечатления жизни соединились с впечатлением и чувствами, навеянными литературой.

Елена Дмитриевна однажды рассказала мне, как сильно подействовало на нее стихотворение Гольц-Миллера «Слу-шай!», очень популярное в годы ее молодости. Стоило на семейной ли вечеринке или на благотворительном «литературно-художественном утре» услыхать начальные строчки:

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

и слезы непроизвольно наворачивались на глаза. А ведь Лена была вовсе не сентиментальна.

До тринадцати лет ее обучали дома — так было принято в ту пору в обеспеченных, интеллигентных семьях. Считалось, что домашнее воспитание лучше, прочнее школьного. Сперва занималась с ней мама, у которой, как известно, были и навыки и наклонности педагогические. Географии учил отец. Потом пригласили педагогов — по немецкому, французскому языкам, по математике.

Девочка была очень способной и на редкость усидчивой. При ее-то непоседливости и бойкости могла часами просиживать над уроками. Уже тогда, в детские годы, приучилась сама себе давать задания, себя контролировать. И правило это пронесла через всю жизнь. С малых лет проявилось особенное пристрастие к языкам, позднее — к истории. Учителя никак не могли нахвалиться ею. Но любопытная вещь — больше всего влекли юную Лену уроки математики. Нет, не самый предмет — к математическим наукам особой склонности она никогда не испытывала,— не предмет, а преподаватель. Математике ее обучала Мария Ивановна Страхова.

Эта умная и спокойная, скромно одетая и гладко причесанная молодая женщина славилась в петербургских семьях, как отличный педагог. Так оно и было. Но она — и про то не все ее наниматели знали — увлекалась естествознанием, «поклонялась» Дарвину, благоговела перед борцами и мучениками «Народной Воли». И хотя сама не входила в организацию революционеров, всеми помыслами была с ними, горячо ненавидела несправедливость и социальное неравенство.

Перерешав все примеры и задачки, покончив с «путниками, следовавшими из пункта А в пункт Б», и с «купцами, продававшими цибики чаю», оторвавшись от учебника арифметики, Мария Ивановна отвечала на Ленины вопросы «не по программе» или рассказывала ей про то, что творится на белом свете.

С нетерпением ждала Лена вечеров, которые время от времени устраивала Мария Ивановна для своих учениц. Все было необычайно интересно: читали «в лицах» пьесы Островского или специально подобранные учительницей рассказы из толстых журналов, декламировали. Успехом пользовались вечера «фантазий» — каждая из девочек должна приготовить и прочесть свой фантастический рассказ. На вечерах у Страховой были и споры, и серьезные разговоры, но чаще всего маленькая ее квартирка до краев заполнялась смехом. Так весело было фантазировать, мечтать о будущем!

Среди любимых учениц Марии Ивановны была и Шурочка Домантович, дочь генерала, на год старше Лены Стасовой. Будущая большевичка Александра Коллонтай. В доме у Марии Ивановны, на вечере «фантазий», девочки и познакомились. И подружились — на всю жизнь.

Шурочка более непосредственная, увлекающаяся. Лена сдержанней, сосредоточенней, молчаливей. Но обе влюблены в литературу, в искусство, тянутся к прекрасному. Шура рисует, Лена упоена музыкой. Недавно ходила с отцом на органный концерт. «Бах — это такая силища! Вы не поверите, неделя прошла, а в голове все звучит органный лейтмотив...»

Нашлись общие темы, общие интересы. А вот и главное, сокровенное, то, что привязало друг к другу: обеих беспокоят, волнуют несправедливости, с которыми их на каждом шагу сталкивает жизнь. Сначала безотчетно, а потом все отчетливей нарастает протест.

— Случалось вам, Шурочка, стыдиться своего благополучия?

— Случалось, конечно, и не раз! Но что делать?

Вскоре они узнают, что следует делать. Вскоре обе найдут свой путь.

Мария Ивановна Страхова... Бесспорно, она помогла формированию двух видных деятелей Коммунистической партии — Александры Коллонтай и Елены Стасовой.

...Промчатся годы и десятилетия. Полномочный представитель СССР в Швеции А. М. Коллонтай в ноябре 1932 года напишет из Стокгольма в Москву члену Партколлегии ЦКК ВКП(б), председателю ЦК МОПР СССР Е. Д. Стасовой:

«Вы ведь знаете, Лелюшка, что у меня к Вам всегда остается не только чувство теплой, юношеской привязанности, но больше того — большого внутреннего уважения и любования Вашим обликом. А такое чувство у меня осталось не ко многим».

Коллонтай спрашивала в письме: «Слыхали Вы, что Мария Ивановна умерла с год назад? Для нас она уже давно тень прошлого, но все же, когда я услышала... что нет больше Марии Ивановны — была минута грусти. С нею у меня многое связано...»

Стасова ответила подробным, ласковым письмом. Да, она знает о смерти их общей наставницы. «Вы правы,— говорилось в письме,— это — тень прошлого, но и у меня, как у Вас, с нею было много связано со времен нашей юности. Sturm-und Drang periode *, когда многое формировалось, складывалось, время дорогое и невозвратное. Хорошее было время!»

Лена Стасова поступила в частную женскую гимназию Таганцевой на Моховой улице. Сразу в пятый класс. Эта гимназия отличалась от казенных прежде всего составом преподавателей. Здесь уроки давали известные в Петербурге университетские профессора и приват-доценты.

Училась Лена хорошо. Всегда хорошо, по всем предметам. Увлекалась историей. Изучала ее углубленно. Заинтересовалась однажды жизнью религиозного реформатора Кальвина (привлекли, как она вспоминала впоследствии, строптивость и одержимость этого деятеля) и написала его биографию. А затем взялась за очерк о Карле V. Работала в Публичной библиотеке, подбирала нужную литературу с помощью дяди Владимира Васильевича — он много лет заведовал там отделом искусства. Об исторических работах шестнадцатилетней гимназистки Стасовой дал хороший отзыв профессор Гревс. Он подчеркнул серьезность и добросовестность начинающего историка.

1890 год. Завершено среднее образование. В руках Елены Стасовой свидетельство о том, что она «при окончании семиклассного курса за успехи в науках удостоена награждения золотой медалью».

---

* Время бури и натиска *(нем.)*.

Что же дальше? Она на перепутье. Тянет к занятиям по истории, серьезно заинтересовалась политической экономией, влечет педагогика — в мечтах о будущем Лена уже давно видит себя учителем. А может быть, лучше стать медиком? России нужны врачи! Летом, на каникулах, Лене приходилось не раз помогать матери, когда в стасовскую усадьбу, в Языково-Рождественское, что в Новгородской губернии, приходили больные крестьяне. Мама не доктор, она просто не отказывала людям в помощи, лечила домашними средствами. Не пойти ли в Женский медицинский институт? И она принимается зубрить латынь, врачу ведь без этого не обойтись.

И все-таки Лена пошла в ту же гимназию Таганцевой, в специальный восьмой педагогический класс. Еще год — и она получила свидетельство о том, что «специально изучала педагогику и дидактику, углубленно русский язык и историю и показала отличные знания». Пробный урок — о Пунических войнах — прошел блестяще. Педагогический совет гимназии удостоил Елену Стасову «звания домашней наставницы», попечитель С.-Петербургского учебного округа дозволил ей «принять на себя означенное звание с правом преподавать русский язык и историю».

...Снова четверг. Снова тихий и сумеречный час перед вечером — перед музыкальным собранием в просторной квартире Стасовых на Фурштадтской, 20. И по привычке в длинной комнате шагают дядя с племянницей, седобородый гигант и высокая, стройная девушка. Прочерчивают по паркету незримые маршруты. Но что-то не ладится на сей раз у «перипатетиков», что-то шагают не в ногу.

Нервничает, срывается Лена. Владимиру Васильевичу досталась непривычная роль благоразумного, умудренного житейским опытом старца. Всю жизнь он слышит упреки в горячности, в излишней пылкости, а вот теперь, нате, он принужден успокаивать, сдерживать племянницу.

— Ну, чего ты разбушевалась, Алена Дмитриевна?! Не кипятись! Все пойдет своим чередом. Ты права: пользу приносить всенепременно надо, но спешить зачем же.

— Как вы не понимаете, дядя, что я не могу оставаться в бездействии. Я закисну. И вы думаете, что я способна набивать исторической трухой головы благовоспитанных детишек, быть им верноподданной наставницей? Нет, я желаю действовать, и немедля, понимаете: действовать! От вас я жду совета, а не уговоров. Мне точка опоры нужна. Я на вас надеялась, что вы подскажете, на вас да на Марью Ивановну Страхову, а вы оба со мной, как с маленькой...

— Да погоди ты, Алена, не части! Ежели хочешь меня послушать и послушаться, то вот что я тебе скажу: жди спокойно времени и обстоятельств, не сочиняй себе костюма и декорации торжественной, оставайся проста и естественна, и все будет отлично.

Лена попыталась было перебить, но Владимир Васильевич ее остановил:

— Не сочиняй насильно никакой драмы, ни трагедии, не пускайся в риторику — только не упусти обстоятельств, если они представятся. А представятся они непременно.

Опять она хотела что-то возразить, но Владимир Васильевич договорил:

— Если даже предположить, что обстоятельства такие и никогда не представятся, все равно я не сомневаюсь, что даром ты на свете не проживешь...

Реакция Лены была бурной. Она в возбуждении силилась что-то сказать, но сумела только произнести:

— Но ведь это же, это же стыдно! — и выбежала из комнаты.

Тут уж не на шутку рассердился и дядя. Обиделся.

Продолжением этого объяснения было одно из писем Владимира Васильевича к Елене Дмитриевне. Он сетовал, что его молодая оппонентка не поняла его и «напала на иное, чего у меня вовсе нет и быть не может. Ты доказываешь, что «ничего не надо откладывать» и «ничто само собой не придет»... Да не я ли именно этой самой мыслью всегда жил, живу и буду всегда жить? Не я ли всегда и всем проповедовал, и изустно, и в печати? Да уж меня-то последнего надо было бы в ней убеждать! И уж конечно не я и не тебя стал бы уговаривать в «откладывании» чего бы то ни было! Нет, нет, нет, этого у меня никогда не бывало в голове...».

Владимир Васильевич объяснил племяннице свою позицию: «Для каждого, кто хочет быть настоящим полным человеком, наверное, придут такие часы, дни и годы, когда надо развернуть всю свою душу и силу для помощи физической и моральной многим-многим сотням и тысячам людей. Этих часов и дней можно и должно ждать, они, наверное, однажды придут и будут, и надо для них заблаговременно быть только готовым. Но это все времена экстраординарные — а в простое, обыкновенное время все-таки есть миллионы надобностей, несчастий, слабостей, потребностей и нужд, тоже физических и моральных, которым хороший и понимающий все около себя человек может и должен протягивать свою руку. Вот моя настоящая мысль. Никакого «откладывания» у меня никогда не бывало в голове!»

За этим объяснением последовало неожиданное приглашение:

«Хочешь в ноябре или декабре съездить со мной в Москву на 2—3 дня? Я поеду к Льву Толстому, который вот уже который раз меня к себе зовет...»

Стасов глубоко уважал Льва Великого — так он неизменно называл писателя, восторгался его «нападательной и стенобитной мощью», но взглядов его отнюдь не разделял, при встречах яро спорил с ним, толстовство было ему чуждо... Зачем же он хотел везти Лену к Толстому? Может быть, для того, чтобы познакомить его с представителем «новой молодежи», со своей несгибаемой Леной, которую любил и которой гордился?

Совместная поездка к Льву Толстому, однако, не состоялась.

У высокого порога

Старая фотография. Снята на ней большая комната, сплошь заставленная шкафами, стеллажами, полками. На полках можно разглядеть папки, картонные коробки с этикетками, книги, различные приборы... За столами — шестеро молодых женщин, трое мужчин.

Всматриваюсь: кто же это? Узнаю: в темном платье с буфами Елена Стасова, в белой английской кофточке Александра Коллонтай. Чуть поодаль от них, та, что в фартуке, Мария Ивановна Страхова, она постарше; другие мне неизвестны.

На снимке — сотрудники и активисты Подвижного музея учебных пособий. Снимались они в помещении музея, в единственной его комнате.

Этот своеобразный культурный и просветительный центр возник в Петербурге в конце прошлого столетия. Существовал он, как бы мы теперь сказали, на общественных началах.

Как же попала на это фото молодая «домашняя наставница» Стасова?

В метаниях между медициной и педагогикой прошло несколько месяцев. Верх взяла педагогика. Двадцатилетняя Елена Стасова стала учительницей женской воскресной школы на Лиговке. Полное наименование этого учебного заведения: Лиговские воскресно-вечерние классы для взрослых работниц и подростков.

Первая женская воскресная школа возникла в Петербурге еще в 1860 году. Учительствовали там тетка Лены, Надежда Васильевна Стасова, и совсем молоденькая Поликсена Степановна, тогда еще носившая девичью фамилию — Кузнецова. Через три десятка лет, как бы по наследству, учительствовать стала ее дочь, Елена Дмитриевна. Она преподавала русский язык и словесность, историю и географию.

Большинство учениц Лиговской воскресной школы — работницы хлопчатобумажных мануфактур, что вытянулись вдоль Обводного канала, табачницы с фабрики Богданова. Были и одиночки — все, как официально значилось в бумагах, «из низшего сословия».

На первых порах новая учительница очень волновалась: найдет ли контакт с ученицами? Вначале «шла только по программе», старалась сжато и ясно изложить предмет. И очень страдала, замечая задремавшую ученицу, хотя дремота — это она хорошо понимала — была вызвана хроническим недосыпанием измученной женщины. Но вот однажды зашла речь про то, как живут трудовые люди в других государствах, и ученицы встрепенулись, сон как рукой сняло. В другой раз довелось коснуться запретной темы — о борьбе рабочих европейских стран за свои права. Чуть затронула наболевшее и увидела в глазах учениц такой неподдельный интерес, такую жажду знать, что сразу прошли все страхи и колебания: да, она сможет быть полезной. Вот здесь, среди этих женщин, ее место, она должна их научить, повести за собой!..

Елена Стасова учила питерских работниц азам грамоты и культуры, приобщала к знаниям. А ученицы, те в свою очередь учили ее уму-разуму, знакомя с тяжелой жизнью трудового народа.

Питерские работницы были первыми революционными наставниками молодой учительницы Лиговских классов. У нее появились и другие друзья-наставники — такие же, как она, молодые педагоги воскресных и вечерних школ,— по годам ровесники, но более искушенные по опыту, уже приобщившиеся к революционному движению. Особенно близко она сошлась с Леной Уструговой и Верой Сибилевой.

Познакомившись с Уструговой, сперва подивились совпадению: мало того, что обе Елены, так обе еще и Дмитриевны... «Вот, значит, и вторая госпожа Калашникова объявилась»,— смеясь, Стасова рассказала о том, какое прозвище прилепил ей дядюшка. Очень быстро и как-то незаметно для обеих две Лены стали неразлучными.

От той поры сохранился снимок, сделанный в «фотографическом заведении Чеснокова на Бассейной близ Литейного проспекта». Надпись Уструговой на обороте фото гласит: «Дорогой Лене на память о наших разговорах. Не поминай их худом в будущем. Любящая Лена». И дата: «15.V.1893».

Снимок сохранился в архиве Елены Дмитриевны и впоследствии был передан ею в Музей Революции. К сожалению, не известно, что надписала Стасова на фотографии, которая осталась у подруги... Зато известно, что никогда Елена Дмитриевна «не поминала худом» свою тезку. И через четверть века Стасова в одном из писем назвала Устругову (в замужестве — Плаксину) лучшим другом своей юности...

Лена Устругова — задумчиво-сосредоточенная, спокойная; противоположность ей — Верочка Сибилева. Хорошенькая, круглолицая, очень подвижная и веселая, она была любимицей учеников воскресной школы. Но учить их довелось ей недолго. За участие в революционной работе Сибилеву арестовали и сослали в знойно-пыльную Астрахань, где ее быстро свела в могилу злая чахотка. На всю жизнь сохранила Елена Дмитриевна щемящую грусть о друге, столь рано ушедшем из жизни. Впоследствии и Устругову выслали из Петербурга — под надзор полиции в Уфу. Так именем «само-

держца всероссийского» охранное отделение разметало по свету революционно настроенных молодых учительниц.

Это, правда, случилось позднее.

А пока... Устругова и Сибилева свели Лену Стасову с другими учительницами воскресных школ столицы. Это было своеобразное «братство», состоявшее из людей бескорыстных, идейных, с чистой душой взявших на себя нелегкий труд — учительство. В непогоду, в петербургскую слякоть, в летнюю жару и в осенний дождь на медленно плетущейся конке, на пыхтящем паровичке, а то и «по образу пешего хождения» отправлялись они на окраины, за дальние заставы — на уроки. Тащили с собой стопки книг, учебные пособия, зачастую самодельные. Под косыми взглядами городовых и околоточных проходили в скромные, неприспособленные школьные помещения. При молчаливом, а часто и при весьма громко выраженном неудовольствии властей всяких рангов приступали к занятиям.

Не боясь громких слов, скажем: то был подвиг. Каждодневный. Учили не за страх, а за совесть. И наградой им было то, что ученики тоже занимались на совесть. Один немолодой рабочий, слушатель воскресной школы на Шлиссельбургском тракте, выразил это так: «Занятия толкают мою мысль». Могли ли учителя желать лучшей оценки своего педагогического труда?! Ради этого стоило преодолевать все и всяческие трудности, житейские неудобства и полицейские преследования.

Ширился круг знакомств и дружеских связей Лены. В него вошли учительницы воскресно-вечерних школ: Апполинария Якубова, Прасковья Куделли, нижегородки — сестры Невзоровы, Зина и Соня, Надя Крупская. Каждая из этих девушек была постарше Лены Стасовой года на два, на три. А по жизненному опыту, по педагогическому стажу — и того больше. Но главное,— она это чувствовала! — эти новые ее знакомые были связаны каким-то большим, интересным делом.

Скоро тайное стало явным. Елена узнала, что эти простые, приветливые, очень разные молодые женщины были революционерками.

Скептичная, ироничная, а иной раз заносчивая Лена Стасова — недаром дядюшка Владимир Васильевич называл ее шершавой — с детским обожанием смотрела

на своих коллег. Ее влекло к ним. Но не сразу они приняли Лену в свой тесный круг.

— Какой спектакль!

Вчера вечером Лена с родителями была в театре, смотрели «Ганнеле», пьесу немецкого драматурга Гергарда Гауптмана. Своими впечатлениями она спешит поделиться с Зиной Невзоровой и Нарочкой Якубовой. Но те, оказывается, уже видели пьесу и относятся к ней критически:

— Что ж, вы правы, Лена, спектакль трогает... Смерть и воскрешение бедной, забитой девочки. И Христос в образе странника, и сонм поющих ангелов, уносящих на небеса измученную жизнью Ганнеле... Все это, конечно, очень жалостно, но вдумайтесь в идею пьесы: опять навязшая в зубах проповедь любви к ближнему, опять патока христианского всепрощения! Нет, не звучит эта «Ганнеле»! Прочитайте-ка, Лена, драму «Ткачи»! Автор тот же, а идеи другие. Мысль зовет к борьбе!

И Зина Невзорова достала тощую книжку в бумажной обложке, перелистала страницы, с чувством прочла вслух:

Божий суд идет на всех богачей,
Божий суд на всех, кто презирает ткачей...

— Говорится: божий, а подразумевается: человечий! Вы только взгляните на эти гравюры,— и Зина показала два вклеенных в книжку рисунка — «Голодный тиф у силезских ткачей» и «Ткачи разрушают машины».— Это вам,— она повернулась к Стасовой,— не ангелы с крылышками. Настоящая жизнь, не сладкий розовый сироп!

...Подвижной музей учебных пособий возник по почину педагогов воскресных и вечерних школ Петербурга. Учителя остро ощущали недостаток наглядных пособий. Трудно вести урок, скажем, по географии без карт, глобуса, рисунков. Нужны таблицы, гербарии, простейшие физические приборы, необходимы учебники, задачники, пособия. Учителя приносили с собой в класс кто что мог. Получалось у одного густо, у дру-

того, увы, пусто. Тогда-то и родилось предложение: собрать воедино все, чем располагают педагоги, сосредоточить в одном месте и пользоваться по мере надобности, соблюдая очередность. Словом, как в библиотеке.

Счастливая мысль. Подвижной музей расположился на первых порах в комнате при библиотеке Л. Т. Рубакиной, на углу Большой Садовой и Большой Подьяческой. Место удобное, в центре города, библиотека пользуется популярностью, а Николай Александрович Рубакин, фактический владелец библиотеки, известный деятель просвещения, библиограф и писатель, охотно поддержал новое общественное начинание. Многие помогли учительницам — отдавали хранившиеся в семьях приборы, книги, коллекции минералов, гербарии... Заведовать новым музеем поручили Марии Ивановне Страховой. Разумеется, работала она безвозмездно, как, впрочем, и все, кто был связан с воскресными школами.

Подвижным музеем Мария Ивановна заведовала более десятка лет: и тогда, когда музей перешел в ведение «Императорского технического общества», и тогда, когда переехал в новое помещение на Прилукской улице. Но где бы ни размещался музей, его активисты всегда находились под негласным надзором полиции, а у дверей музея постоянно околачивались невзрачные фигуры, в которых без особого труда узнавались филеры, или, как их тогда называли, «гороховые пальто». Не только тайно — вполне гласно! — полиция нет-нет да и наведается в музей. Года не проходило без обысков и допросов.

Архивное дело свидетельствует: когда в марте 1904 года жандармы нагрянули с очередным обыском к Страховой, ей среди других обвинений инкриминировались «сношения с Еленой Стасовой».

...Вернемся, однако, к первым шагам Подвижного музея. Создавали его тщательно и любовно, с азартом.

Комната на Большой Подьяческой скоро стала не только местом хранения и выдачи учебных пособий, но и местом встреч. Своеобразным клубом.

Елена Дмитриевна была одним из «крупных вкладчиков». Перетаскала сюда все, что нашлось в отчем доме на Фурштадтской, взяла многое у дяди, у других родственников и близких знакомых. Чтобы содержать музей, требовались деньги, небольшие, правда, но деньги. Складчины учительниц хватило ненадолго. При-

шлось начать сборы. И тут Стасова тоже была из первых...

А однажды ей осторожно предложили собрать пожертвования на политический Красный Крест, чтобы помочь узникам царской тюрьмы. Якубова посмотрела ей прямо в глаза и сказала вполголоса, но весьма внушительно:

— Прошу вас, будьте сугубо осмотрительны. Обращайтесь только к людям верным. Тайну соблюдайте тщательно. Мы верим вам.

На прощанье она крепко пожала руку.

Это подчеркнутое «мы» и это крепкое рукопожатие наполнили Ленину душу радостью и гордостью.

В Подвижном музее Стасова встретила Шурочку Домантович, к тому времени она, замужняя женщина, носила уже фамилию Коллонтай. Семейная жизнь нисколько не изменила ее. Шурочка, веселая, беззаботная с виду, охотно бралась за любое общественно полезное дело. Былая дружба Лены и Шуры возобновилась — теперь их объединила общая работа в музее и в политическом Красном Кресте. Затевали литературные вечера, балы-маскарады, ставили «живые картины», устраивали лотереи. Использовали для этого свои знакомства в «обществе», собирали порой изрядные суммы, которые шли на помощь политическим заключенным.

Работа в Подвижном музее еще больше связала Елену Дмитриевну с группой революционно настроенных учительниц, ведших нелегальную работу.

Доктору Серебряному, тюремному врачу Шлиссельбургской крепости, удалось как-то убедить начальство, что заключенных в одиночных камерах следует занять физическим трудом. Узникам разрешили заняться переплетным делом, позволили мастерить препараты для музея, приводить в порядок минералогические коллекции. Словом, на какое-то время установились прямые контакты между музеем и одним из самых суровых царских казематов. В Шлиссельбурге же были заключены в ту пору народовольцы, в их числе — Вера Фигнер.

Организаторы музея посылали «в переплет» не просто старые книги, а именно ту литературу, которую ждали политические заключенные. Елена Дмитриевна, узнав, что Вера Фигнер хотела бы прочесть Марксов «Капитал», решительно сорвала с тома целехонькую твердую обложку и присоединила книгу к пачке потре-

панных толстых журналов, предназначенных в переплет.

— Так, сама не став еще марксистом,— шутливо вспоминала она,— я начала пропаганду марксистского учения...

Среди тех, с кем Елена Дмитриевна общалась, учительствуя в воскресной школе, хочется привлечь внимание читателя к еще двум фигурам.

В сентябре 1964 года курсанты Московского пограничного военного училища пригласили Героя Социалистического Труда Е. Д. Стасову на вечер, посвященный памяти Вячеслава Рудольфовича Менжинского, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, одного из тех, кто по праву принадлежит к ленинской гвардии. Приехать Елене Дмитриевне было не по силам, а не откликнуться на такое приглашение не в ее правилах. И она написала (конечно, продиктовала, глаза уже почти совсем не видели) несколько слов. Привожу их:

«Вячеслава Рудольфовича я знала с детских лет, так как наши матери были близкими подругами. Помню, как его, еще мальчика, я учила плаванию. Как сейчас, вижу молодого, энергичного, живого, всегда аккуратно одетого Вячеслава Рудольфовича в классах воскресной школы для рабочих. Уже тогда он был образованным марксистом, толковым пропагандистом и искусным конспиратором...»

Еще одна дружеская связь, корни которой протянулись из стасовской семьи. С детства знала Елена Дмитриевна Александру Михайловну Калмыкову, часто навещавшую ее родителей. Бывало, тетя Шура остановится с Леной на минутку, погладит девочку по пепельным волосам, спросит: «Ну-с, каковы успехи?» — и тотчас же скроется в отцовском кабинете.

Когда весной 1926 года Калмыкова скончалась, Крупская посвятила ее памяти небольшую статью в «Правде»:

«Она читала лекции в вечерней Смоленской школе за Невской заставой. Лекции эти были необычайно талантливы и смелы. Я помню одну слышанную мною лекцию о государственном бюджете... С каким вниманием ее слушали рабочие!.. На Литейном проспекте у Алек-

сандры Михайловны был книжный склад популярной литературы. Она очень много делала тогда для издания и распространения популярных, дельных, лучших книг. Но склад Калмыковой служил и другим целям — он был своеобразной явкой, где происходили постоянно разные свидания, куда съезжались люди с разных сторон».

И дальше вспоминала Надежда Константиновна: «Владимир Ильич частенько забегал в склад к Александре Михайловне, много говорил с ней... Александра Михайловна доставала ему книги, связи... Надо сказать прямо,— без поддержки Александры Михайловны трудно было бы создать «Искру». Она дала нужные на издание газеты деньги, помогала ей все время, вплоть до раскола... Владимир Ильич относился к ней с чрезвычайным доверием...»

К этой краткой характеристике, пожалуй, стоит прибавить, что молодая учительница Лиговской школы Елена Стасова водила на книжный склад к Калмыковой своих учениц. А потом не раз пользовалась услугами и связями «вдовы сенатора» — так именовалась Александра Михайловна в полицейских документах. Что же касается полиции, то Калмыковой не приходилось жаловаться на недостаток внимания: штрафами, вызовами в участок и высылками из столицы ее не обходили...

Была ли Стасова строгой учительницей? По складу характера, по темпераменту вроде бы должна быть строгой и требовательной, даже придирчивой. И в воскресной школе? Нет! С бездельниками, с лентяями можно и нужно быть строгим. Но в воскресной школе таких не было. Ленивцу там просто делать нечего... Своими ученицами Елена Дмитриевна гордилась, не могла нарадоваться их успехам, всячески старалась разжечь любовь к знаниям. Зато предельно строга была к себе.

Она вспоминала, как готовилась к занятию по истории русского церковного раскола и раскольников. Тема эта возникла по просьбе учениц — решено было посвятить истории раскола внеклассное чтение. Несколько вечеров провела учительница Стасова в Публичной библиотеке, проштудировала немало исторических трудов и пришла к своим слушателям во всеоружии. Показала то положительное, что принесла борьба расколь-

ников с царизмом. Когда же говорила о мракобесии раскольников, красочно пересказала эпизод «самосожжения за веру», из «Хованщины» Мусоргского...

— Я лишний раз убедилась,— вспоминала она впоследствии,— что, чем популярнее хочешь изложить предмет, тем основательнее надо изучить его, так как, только зная предмет во всех мелочах и подробностях, можно сделать его простым и понятным для неподготовленного слушателя.

Сборы на политический Красный Крест, небольшие разовые поручения товарищей, пропаганда, облеченная в форму урока. Подготовка к занятиям. И чтение, чтение, серьезное, систематическое... Дня не хватало. Но она с юных лет следовала простой и древней мудрости: не откладывать на завтра того, что надо сделать сегодня. Это правило помогало справляться с огромными нагрузками. Так было и потом. Всю жизнь. Но теперь...

Елена Стасова штудирует марксистскую литературу. Маркса она читала в подлиннике, на немецком языке. Огромное впечатление произвел на нее «Коммунистический манифест». Однажды Лена Устругова тайно передала ей желтенькие, напечатанные на гектографе тетрадки. Содержание их ясно отвечало на вопрос, поставленный в заглавии: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» На обложке обозначено: «Издание провинциальной группы социал-демократов». Что это за группа, в какой провинции она действует?

Так Стасова впервые, не зная еще, кто автор, познакомилась с ленинской работой. Ее увлекла логическая стройность авторских доказательств, публицистическая страстность письма.

Начало 1896 года было ознаменовано в Петербурге массовыми стачками. В феврале вспыхнула забастовка на табачной фабрике Лаферма. Доведенные до отчаяния, работницы собрались на сходку в фабричном дворе. Их разогнали. Петербургский градоначальник фон Валь приказал решительно подавить «бунт у Лаферма». Толпу работниц окатили ледяной водой из пожарных шлангов. «Зачинщиц» арестовали. Тогда и на дру-

гих табачных фабриках женщины побросали работу. Снова аресты, преследования, увольнения...

Среди пострадавших оказались ученицы Лиговских классов. Елена Стасова не скрывала своего негодования действиями властей.

За стачками папиросниц прокатилась волна забастовок на других заводах и фабриках Питера. Одна из учениц тайком передала Елене Дмитриевне листок, отпечатанный на множительном аппарате и озаглавленный: «Рабочий праздник 1 мая (по-нашему 19 апреля)». Стасову потрясла простота и сила слов, оттиснутых на маленькой страничке. Она читала: «...все богатство мира создано нашими руками, добыто нашим потом и кровью. Какую же мзду получаем мы за наш каторжный труд?

...Тьма и неволя — вот те средства, которыми держат нас в угнетении капиталисты и все делающее в угоду им правительство.

...Наша сила в единении, наше средство — дружное, единодушное и упорное сопротивление хозяевам.

...И поднимется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства...»

Был в листовке уже знакомый ей призыв из «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и подпись: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Но больше всего поразила приписка. Вслед за машинописным текстом печатными буквами было выведено: «Товарищи! В нашей среде появился под видом рабочего известный сыщик и предатель Василий Кузьмич Кузьмин. Остерегайтесь его!»

Несмотря на расправы, вопреки им, стачечное движение в столице не шло на убыль. Наоборот, ширилось. И гребнем волны явилась знаменитая стачка петербургских текстильщиков. В ней участвовало более тридцати тысяч рабочих — цифра для той поры невиданная. А руководил движением «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Стасова к тому времени уже знала, что во главе «Союза» стоит молодой Владимир Ульянов, младший брат того студента, Александра Ульянова, которого казнили в 1887 году за покушение на царя Александ-

ра III. Вот теперь и Владимир оказался в тюрьме на Шпалерной, в «предварилке». От Зины Невзоровой, от Нарочки Якубовой Елене Дмитриевне приходилось уж не раз слышать об огромной эрудиции, силе воли и организационных способностях этого молодого руководителя «Союза борьбы».

За решетку попали и подруги Лены: Вера Сибилева и самая закадычная — Лена Устругова.

По просьбе взволнованной и огорченной дочери Дмитрий Васильевич, использовав свои старинные связи в судейских кругах, навел справки о них. Выяснил: дело нешуточное, ничего хорошего ждать не приходится. Департамент полиции получил твердую директиву — искоренить крамолу в столице. Раз и навсегда.

Позвав Лену в кабинет, Дмитрий Васильевич предупредил ее, чтобы не питала иллюзий:

— Подруг твоих ожидает суровая кара. «Голубые мундиры» как с цепи сорвались...

Увидев, как удручена дочь, обнял ее:

— Лена, милая, одно прошу тебя: будь осмотрительна. Не ввязывайся в истории...

Она начала было с жаром возражать:

— Да что ты, папа! Ты ведь знаешь...

Но, оборвав на полуслове, выбежала из кабинета. Дмитрий Васильевич с печалью посмотрел ей вслед. Он-то хорошо знал свою дочь.

Аресты продолжались. Зина Невзорова и Апполинария Якубова жили вместе в светлой комнатке на Васильевском острове — веселая, хорошенькая, с вздернутым носиком Зина и широкоскулая, молчаливая Нарочка. Непохожие друг на друга, они тем не менее отлично ладили. Не раз получала Лена от них революционные брошюры, пачки листовок:

— Схороните пока. У вас будет верней. Мы ведь теперь у полиции на мушке, филеры так и шныряют...

Прятала тщательно — и у себя на Фурштадтской, и у знакомых, чьи квартиры были еще надежней и не могли вызвать у жандармов никаких подозрений.

Среди этой нелегальной литературы были и экземпляры призывного листка. Его написал Владимир Ульянов, а обращен он был к бастовавшим рабочим и работницам шерстоткацкой фабрики Торнтона.

Летом 1896 года, в часы «пик» забастовочного движения, в дни самого безудержного полицейского разгула, Елене Стасовой доверили хранение печати «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Вспоминая об этом, Елена Дмитриевна пришла к такому умозаключению: «Думаю, что товарищи сделали это потому, что уже хорошо меня знали. Очевидно, товарищи обнаружили во мне во время моей «подсобной» работы конспиративные и организаторские способности...»

К этому примерно времени относится письмо Владимира Васильевича Стасова. Из Парголова, с дачи, 16 июля 1897 года он писал Елене Дмитриевне. Вернее, отвечал на не дошедшее до нас ее поздравительное письмо. Поздравлений ко дню рождения великий критик получил, как обычно, множество. Но из всего этого потока выделил, как он пишет племяннице, одно-единственное письмо — «твое, и сохраню его, мне кажется, навсегда. Столько в нем сидит правды, дела, характера, честности к самому себе и другим, столько важного и значительного. Ты знаешь, я давно обратил на тебя внимание,— потому что образом мыслей и делом ты меня к тому заставила».

Несколькими строками дальше Владимир Васильевич объясняет, что заставить его покориться кому-либо можно силой мысли или силой таланта, силой убеждения или силой хорошего дела. «Вот этими двумя последними оружиями ты наступила мне на горло и заставила находить что-то в тебе».

Стасов не хочет, однако, перехвалить Лену. Нет, он писал письмо сложному, интересному человеку. Не ангелу. Живому человеку, у которого есть не только достоинства. «Ты иногда слишком резка, несправедлива, многого вовсе не знаешь, а берешь на себя решать окончательно и бесконтрольно,— говорилось в письме.— Наконец, иной раз совершенно одностороння и узка! Но что прикажете делать, когда хорошие качества существуют в человеке только ценою множества слабостей и дряни!» Владимир Васильевич подчеркивал, что при всем том хорошего и важного в ней куда больше.

«Только молю судьбу,— писал он,— чтоб ты никогда ничего не сдала, никогда не изменяла бы хорошему

коренному и никогда не переставала бы работать и головой, и руками, и совестью, и сердцем. Что-то из тебя будет? Хватит ли у тебя пороха на всю жизнь?»

Ответим на это коротко: хватило! И Владимир Васильевич сумел убедиться в этом за десятилетие, которое ему еще предстояло прожить.

В самом начале 1898 года, после ареста товарища, который ведал техникой Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, Елене Стасовой поручили это нелегкое и опасное дело. Вот с того дня стала она членом партии, в рядах которой достойно пробыла без малого семь десятилетий! Всю же предыдущую немалую революционную работу она считала лишь «оказанием услуг».

В сентябре 1965 года, за год с небольшим до смерти, Елена Дмитриевна опубликовала в газете «Красная Звезда» статью под заглавием «Весь жар сердец — делу партии».

«...Мне выпало счастье,— писала Стасова,— вступить в боевой ленинский отряд как раз в ту пору, когда он только сплачивался, когда нас было так мало, что мы знали друг друга в лицо и поименно.

И вот теперь этот отряд вырос в двенадцатимиллионную, сильную, победоносную ленинскую Коммунистическую партию Советского Союза.

...Я часто вспоминаю слова Ильича: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»

Сильные слова. Сильные потому, что в них выражена непоколебимая вера Ильича в то, что веку угнетателей, веку эксплуататоров наступает конец, что близок приход новой эры — эры социализма.

И эта ленинская вера вдохновляла и воодушевляла всех нас — его соратников, всех тех, кто вступал в ряды партии, кто шел путем революционной борьбы.

Оглядываясь на прожитое, я часто задаю себе один и тот же вопрос: в чем же секрет нашего единения?»

Ответ на этот кардинальный вопрос своей жизни старая большевичка четко сформулировала в той же статье.

«...Единение таких людей, как Бабушкин, Бауман, Красин, Кржижановский, Свердлов, Цюрупа, Калинин,

Орджоникидзе, Фрунзе, и многих других вокруг Владимира Ильича является результатом их идейной общности, итогом глубоких раздумий, смелых решений, осмысленных действий и, главное, совершенно ясного понимания того, что им иначе нельзя. Это смысл всей их жизни!»

...Эти начальные страницы жизни своей героини автор хотел бы закончить строками из тургеневского «Порога». Стасова очень любила это чудесное стихотворение в прозе — песнь о революционерке, переступившей высокий порог, о девушке, которая во имя идеи без боязни устремилась навстречу опасностям.

Но в ту пору, о которой шла речь выше, в год вступления в ряды партии, романтическая экзальтация Лены отошла в прошлое. Порыв подкрепился знанием. Она уверенно встала в ряды революционеров-ленинцев.

Будни и праздники подполья

...В тишине продребезжал звонок. Дверь открыла высокая, с гордой осанкой женщина. Из-за стекол пенсне пристально осмотрела звонившего. Тот промолвил:

— Я хочу видеть Жулика.

— Я Жулик...— И после краткой паузы пригласила: — Входите!

...В другом доме, в другой раз на звонок вышла та же высокая женщина в пенсне.

— Можно Антонину Иванну? Я к ней от Софьи Палны...

— Можно. Это я.

— Отлично. Я принес вам журнал и меховое платье...

— Тащите сюда. Платье у вас в журнале?.. А хвоста за вами нет?

— Все чисто.

...В приемной страхового общества «Надежда», что на Невском, повстречались две хорошо одетые дамы. Обе — так совпало — пришли сюда, чтобы справиться об условиях страхования недвижимого имущества, раз-

говорились и вот уже оживленно беседуют о каких-то милых пустяках. У одной из дам огромная коробка с тортом, изящно перевязанная лентой. Поговорили и пошли к выходу. Швейцар с поклоном отворил большую зеркальную дверь. Дотошный наблюдатель мог бы, однако, обнаружить, что принесла торт в «Надежду» одна из дам, а унесла — другая... Но, к счастью, на этот раз дотошного наблюдателя поблизости не оказалось.

...В мастерскую скульптора Гинцбурга — на Васильевский остров, в здание Академии художеств,— однажды к вечеру явилась высокая женщина в пенсне:

— Вы мне должны помочь, Илья Яковлевич. Позвольте на денек, не больше, оставить у вас кое-какие документы.

Хозяин — он был маленького роста — снизу вверх посмотрел на гостью:

— Ну что ж, коли должен, так должен. Располагайтесь,— и скульптор широким жестом показал на гипсовые статуэтки, глиняные модели, эскизы, образцы, в беспорядке расставленные на полу, на столах и полках.

Гостья, не теряя времени, стала засовывать в полое нутро статуэток какие-то бумаги. Уходя, поблагодарила хозяина за гостеприимство. Но все же выразила сожаление:

— Зря вы все-таки работаете с миниатюрными формами. Ваяли б статую государя императора в рост, да еще на коне — сколько б туда бумаг упрятать можно было...

...На повороте, перед крутым спуском, конка замедлила ход. В этот миг с задней площадки соскочила дама в ротонде. И не оглядываясь, проскользнула в подъезд ближайшего дома. Два бесцветных господина в котелках, прыгнувшие тоже, один за другим, но чуть позже, когда лошади уже резво потащили вагон по спуску, в недоумении остановились.

— Вот нечистая сила, куда она снова запропастилась! — в сердцах воскликнул один.— Как сквозь землю провалилась!..

— Почему сквозь землю? — флегматично возразил другой.— Тут рядом парадное проходное. Давно уже на соседнюю улицу выскочила. Теперь опять ищи-свищи...

Такие эпизоды составляли повседневную жизнь революционера-подпольщика. Любой из случаев, пунк-

тирно намеченных выше, мог бы по праву послужить началом рассказа о петербургском революционном подполье, в котором Елена Дмитриевна начинала играть немалую роль.

Могло быть и трагическое начало этой главы. На строго конспиративном заседании, в чужой, на часок «одолженной» квартире, с одним из подпольщиков, студентом, известным под псевдонимом Дно, вдруг случился острый приступ психической болезни. Есть от чего растеряться! Но Стасова, быстро овладев собой, одного за другим вывела из дома товарищей, вызвала врача и передала в его руки больного.

Могло быть начало и трагикомическое. Придя на явку с литературой, запрятанной под платьем, Стасова попросила двух товарищей-мужчин отвернуться к окну, а сама быстро разделась, чтобы достать из тайников одежды подпольные брошюры. И в этот миг — ах! — вошла в комнату прислуга хозяина квартиры...

Много начал. Но эта книга не приключенческая повесть. Ее цель — как можно полнее раскрыть будни, напряженные и чаще всего невидные, будни революционного борца, подпольщика. В этих буднях героическим был любой день, каждый шаг. Они требовали от человека огромного хладнокровия и собранности. Расчета и смелости. Трудолюбия, при котором нет мелочей, и молниеносных решений. Тренированной памяти и широкого кругозора. Тонкого чутья и умения выделить главное.

Все это приходит, разумеется, с опытом, обретается практикой. Но не только опыт. У Елены Дмитриевны был талант. Да, талант революционера, увлеченного, страстного, беззаветно преданного великой идее.

Нельзя обойти еще один штрих, точно подмеченный самой Еленой Дмитриевной. Она вспоминала: «Было много тяжелого, но основное в том, что мы были уверены в своей правоте и что бороться было радостно и весело». Радостно и весело!

В этих словах чувствуется вся Елена Стасова. До глубокой старости она умела радоваться сделанному, искренне, по-детски веселиться... А тогда, в подполье, весело было одерживать верх над «голубыми мундирами», водить их за нос, ускользать от опасности... Пускай это маленькие успехи, но ведь и они приближают общую победу!

К тому, о чем рассказано вначале, необходимы два коротких пояснения. Жулик — первый псевдоним Елены Дмитриевны. Как узнать теперь, почему ей было дано такое имя? Можно только предположить, что по контрасту: человек был резко правдивым, ненавидел всякое лукавство — и вот жулик... А «журнал», о котором тоже шла речь, обозначал на условном языке подпольщиков чемодан с двойным дном, «меховое платье» — нелегальную литературу. В переписке, да и в личном общении приходилось прибегать к такого рода иносказаниям. Конспирации ради.

Вот строки из письма Менжинского. Написано оно в 1933 году, когда Стасовой исполнилось шестьдесят лет.

«Мало осталось товарищей, которые своими глазами видели начало твоей подпольной работы в Питере 90-х — 900-х годов,— писал Менжинский,— а я работал под твоим началом около четырех лет, видел твои первые шаги в качестве партийного руководителя и могу смело сказать, что до сих пор не встречал работников, которые, вступивши на поле подпольной деятельности, сразу оказались такими великими конспираторами и организаторами — совершенно зрелыми, умелыми и беспровальными.

Твой принцип — работать без провалов, беспощадно относясь ко всем растяпам, оказался жизненным и после Октября, даже в деятельности такого учреждения, как ВЧК — ОГПУ. Если мы имели большие конспиративные успехи, то и твоего тут капля меду есть — подпольную выучку, полученную в твоей школе, я применял, насколько умел, к нашей чекистской работе».

Стасовой поручили хранить и распределять партийную литературу: подпольные брошюры и листовки, полулегальную книжную продукцию — «для народа».

«Мало-помалу моя работа в партии расширялась,— вспоминала Елена Дмитриевна,— и в моем ведении были не только склады литературы, но вообще все, что касалось технической стороны работы Петербургского комитета, то есть обеспечение всевозможных квартир для собраний, явок, ночевок, получение, хранение и печатание листовок, снабжение литературой местной организации, установка техники (гектографов, типо-

графий). Несколько позднее на меня была возложена переписка с партийными организациями России и с заграничным центром».

Обширнейший круг обязанностей! И все это в условиях глубокого подполья, когда полицейские ищейки следуют буквально по пятам, а любой твой неверный шаг грозит провалом.

В ту пору Ленин и его соратники, организаторы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», составлявшие центральное ядро «Союза», отбывали сибирскую ссылку. Потом Владимир Ильич вынужден был эмигрировать.

Как-то так получилось, что личное знакомство Стасовой с Лениным произошло много позже. Хотя они могли встретиться, и не раз. На Кабинетской улице, в комнатке у Невзоровых, Зины и Сони. Владимир Ильич бывал у сестер, посещала их и Лена Стасова. Однако не повстречались... Или вот зимой 1895 года Владимир Ульянов слушал лекцию о Французской революции, которую учительница Прасковья Куделли прочитала в Смоленских вечерне-воскресных классах за Невской заставой. Стасова на этой лекции не присутствовала. А должна бы... Таких точек соприкосновения возникало множество, и это понятно — ведь вращались в одном кругу. Однако познакомиться не пришлось...

Но тем не менее, вступив на путь революционной борьбы, Елена Дмитриевна всю жизнь руководствовалась ленинским учением. Не допускала отклонений от ленинской линии. Только один-единственный раз в жизни Стасова воздержалась. Это было при голосовании ленинского предложения о Брестском мире. Не поняла тогда компромисса, выдвинутого Владимиром Ильичем. Голосовать «за» не стала, а «против» — рука не поднялась. Ошибку свою осознала быстро...

Из Питера были высланы подруги Стасовой — учительницы воскресных школ. Надя Крупская отбывала ссылку вместе с мужем, Владимиром Ильичем Ульяновым, далеко в Сибири, Верочка Сибилева доживала последние дни в Астрахани — пришло письмо: скоротечная чахотка, спасения нет! Лена Устругова, та в

Уфе. «Выслана под гласный надзор полиции вне столичных губерний и университетских городов сроком на три года» — так гласит жандармский документ.

С Уструговой они изредка переписываются, но что-то тревожит Стасову ее настроение. Высылка, отрыв от родной почвы плохо влияют на Лену Устругову. В ее письмах чувствуется апатия. «Не пришлось бы поминать худом»,— вспомнила Стасова надпись подруги на той старой фотокарточке.

Душевные связи подруг оборвались: Лена Устругова, вышедшая замуж за доктора Плаксина, так и осталась бывшей «лучшей подругой». Коля Плаксин, ее муж, в студенческие времена работал вместе с ними в политическом Красном Кресте, а сейчас «поумнел» — отошел от политики, увлекся частной практикой, стал модным врачом. И жену постепенно оторвал от революционной среды. Что ж, так случалось не только с ней. Во всем этом Елена Стасова убедилась во время своей поездки в Уфу.

Поездка эта была связана со стихийным бедствием, обрушившимся на Уфимскую губернию. Газеты приносили тревожные сообщения о небывалой засухе и неизбежном ее спутнике — голоде. Солнце выжгло поля, пересохли реки. Крестьянские семьи — башкирские, татарские, русские — вымирают от недоедания. Нужна помощь — экстренная, немедленная. Кто же поможет?

Елена Дмитриевна рвется туда, где народ в беде, ей кажется, что она сумеет помочь. Надо собрать побольше денег. А там, в Уфе, можно открыть в голодающих деревнях столовые, будем кормить и лечить людей, поможем им продержаться до нового хлеба. Не зря же Лев Толстой с дочерьми и другими добровольными помощниками работал «на голоде» в Тульской губернии. Среди тех, кто помогал писателю,— Стасова это знала — была и Вера Величкина, социал-демократка, подпольщица.

— Скорей, скорей в Уфу!

Товарищи из Петербургского комитета вняли ее просьбе, отпустили, попросив, однако, не очень-то задерживаться. Елене Дмитриевне удалось собрать довольно большую сумму — деньги «на голод» дали, конечно, и отец, и дядья, и родственники. И многие знакомые и даже мало знакомые лица. Отказать Елене Дмитриевне не так-то просто — она умела добиваться своего.

Из Уфы Стасова отправилась в Стерлитамакский уезд, в волости, раскинувшиеся вокруг заштатного городишка Заинска, который был эпицентром бедствия (заштатным он был объявлен еще Екатериной II «в наказание» за то, что население помогало Емельяну Пугачеву).

Ехала Елена Дмитриевна на лошадях. Дорога пылила, и все вокруг, насколько видел глаз, было подернуто плотным серым покровом. Пересохшая земля прорезана глубокими трещинами, выжженные поля безнадежно голы. В деревнях заколочены избы — хозяева ушли «по кусочки», но подаяния им ждать неоткуда — голод во всей округе. Во многих семьях тиф, цинга. Служат молебны, вымаливая дождь. Но тщетно — в небе ни облачка, пылает багрово-красное, огромное злое солнце...

Стасова взялась за дело. В двух деревнях — в Старом и в Новом Багряше — устроила столовые. Вставала на рассвете, ложилась поздней ночью. Три-четыре часа сна — и опять на ногах. Хлопоты по закупке продуктов, надзор за приготовлением и раздачей пищи — еда еще не сварилась, а у кухни растягивается длиннющая очередь, и стар и мал, терпеливо и отрешенно ждут свою миску варева.

«Тютей Зелена» (сестра Елена), так зовут ее в деревнях, имеет богатейшую медицинскую практику. Ни врача, ни даже фельдшера поблизости в округе нет. Пришлось вспоминать все, что знала.

Работа «на голоде» стоила Елене Дмитриевне колоссальных физических сил и нервного перенапряжения. Разве накормишь одним караваем сотни голодных? С каждым днем она убеждалась в тщетности своих усилий. Да и власти — земский начальник, исправник, всякие там волостные старшины и стражники — не только не помогают — препятствуют на каждом шагу.

Но пора было возвращаться в Петербург.

Из Уфы она приехала почерневшей от солнца, похудевшей и злой. Злилась на порядки Российской империи, на царских слуг. На равнодушных уфимских обывателей. И на себя — за то, что хотела, но не смогла основательно помочь голодным. Елена Дмитриевна еще и еще раз убедилась, что благотворительностью делу не поможешь.

С удвоенной энергией вновь взялась за «партийную технику»...

Не могу не отступить от повествования об уфимской поездке Стасовой. Хочется посмотреть на те места спустя три четверти столетия. И Заинск, и деревни, его окружающие, находятся сегодня в непосредственной близости от Набережных Челнов, от грандиозной стройки Камского автомобильного завода. Там сверкают огни, по степным дорогам идут вереницы тяжелых автомашин, сверхмощные краны высоко подняли в небо ажурные башни.

Таков сегодня бывший «заштатный» Заинск!

Итак, опять Санкт-Петербург, столица Российской империи. Слякотная зима 1900 года. Рубеж между веком минувшим и веком новым. Преддверие двадцатого столетия, которому суждено стать эпохой пролетарских революций, перехода человечества от капитализма к социализму.

...В тишине квартиры продребезжал звонок. Дверь тотчас же открыла высокая женщина, с лица которой еще не сошел степной загар. Из-под стекол пенсне — пристальный взгляд на пришедшего. Знакомый пароль: «Я хочу видеть Жулика». И знакомый отзыв: «Я Жулик...»

Все, как и прежде. Работа продолжается.

В декабре 1900 года за границей вышел в свет первый номер ленинской «Искры». Начал осуществляться замысел Владимира Ильича: сплотить революционных социал-демократов вокруг боевой общерусской газеты. В первом номере была напечатана статья «Насущные задачи нашего движения», написанная Лениным. «Искра» звала:

«Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо подготовлять организацию, настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда между различными видами нашей работы».

Учительница Елена Стасова запомнила эту статью. Ее решение было бесповоротным: посвятить революции всю свою жизнь. И с каждым днем, с каждым новым шагом она взваливала на себя все более тяжелую ношу. Главным образом как техник и организатор.

Иван Иванович Радченко, член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент «Искры», извещал редакцию, Ленина:

«Примите к сведению: на случай моего провала в *Питере наследник мой,* и сейчас стараюсь вводить его в курс дела, так что и на время выезда моего вполне меня заменит *Елена Дмитриевна Стасова.* Очень энергичный, преданный делу, конспиративный человек с обширным кругом знакомств». После этой весьма лестной характеристики в письме дается уже известный читателю пароль: *«Я хочу видеть Жулика...»*

Письмо написано «химией». Подпольщик должен был владеть искусством «химической» переписки. А это совсем не просто. Следовало сперва сочинить, так сказать, безобидный текст, придумать какие-то обыденные, правдоподобные вещи, не возбуждающие подозрений цензуры, если письмо подвергнется перлюстрации. Затем уже между строк тайнописью (молоком либо специально изготовленными чернилами) изложить настоящую суть дела. Получатель «читал» письмо — прогревал, к примеру, листок над свечой, и скрытый текст проявлялся... Иногда для верности и «химическое» письмо шифровалось. Тогда, после проявления, приходилось прибегать к еще одному этапу: расшифровке.

Вся связь редакции «Искры» с Россией шла через Крупскую. Бывали времена, когда Надежда Константиновна получала до трехсот писем в месяц. А в Петербурге вся переписка с искровским центром за границей — с Лениным и Крупской — постепенно концентрировалась в руках Стасовой.

«Ключом» для шифра договорились сделать «Колыбельную» Некрасова. Позднее взяли басню Крылова «Дуб и трость». Елена Дмитриевна объяснила этот выбор: в басне оказались решительно все буквы русского алфавита, что облегчало пользование шифром. И Крупская и Стасова так набили руку в шифровальном деле, что помнили наизусть, в какой строке какая имеется буква. Навык позволял и шифровку и расшифровку производить довольно быстро.

Письма к Ленину из России шли обычно по промежуточным адресам — в Германию, Францию, Англию, а оттуда уже пересылались в редакцию «Искры».

Для большей верности «внешнее» письмо тогда старались писать на языке страны, куда оно адресовалось.

Стасова отлично справлялась и с этой задачей — она свободно знала французский, немецкий и английский языки. После изучила шведский, итальянский и польский, понимала и по-грузински. Недаром Владимир Ильич в шутку окрестил ее «язычницей»...

«Весь Петербург» — так назывался толстенный справочник, выпускаемый каждый год; в книге тысячи и тысячи адресов, сотни и сотни объявлений разных фирм, всевозможная коммерческая и культурная информация... Дмитрий Васильевич Стасов осенью обычно приобретал этот увесистый том, содержавший сведения на будущий год. А прошлогодним завладевала Елена Дмитриевна. Каким-то хитроумным, ей одной известным способом «Весь Петербург» становился хранилищем адресов, необходимых для переписки, для рассылки литературы. Не только в столице — во всей России, в Европе... Хранилищем ее конспиративных связей.

Из-за границы революционная литература, прежде всего «Искра», поступала различными путями. Широкое развитие получил так называемый «мелкий транспорт». «Искра» печаталась на очень тонкой и очень прочной бумаге. Когда выходил номер «Искры», с десяток экземпляров осторожно заделывали в переплет какого-нибудь рекламного издания, альбома или прейскуранта. И посылали в Россию...

...Из Лейпцига в Санкт-Петербург, по адресу: «Фурштадтская улица № 20, квартира № 7, госпоже Елене Стасовой, учительнице»,— пришел объемистый пакет. От фирмы, торгующей школьным оборудованием. В том пакете — роскошный рекламный проспект, рисунки и чертежи парт новейшей конструкции, грифельных досок, учительских кафедр. Получательница, госпожа Стасова, отнеслась к новинкам с большим вниманием. Поздним вечером у себя в комнате перелистывала страницы, с любопытством разглядывая иллюстрации. Потом ловким движением оторвала плотную обложку проспекта и стала ее смачивать теплой водой, специально принесенной с кухни. Когда же бывшая обложка расслоилась на множество отдельных тонких листков, продолжила работу — губкой тщательно удалила с бумаги остатки клея... Следующий этап: сушка листов над сильной лампой-молнией... И «операция» завершена.

В руках Стасовой пачка номеров «Искры». Долгожданная ленинская газета! Завтра утром она пойдет туда, куда предназначена,— на окраины столицы, за ее заставы, на заводы, в рабочие каморки, в студенческие грошовые квартиры.

Будет переходить из рук в руки, высекая в сердцах искру, из которой разгорится пламя. А пока эти тонкие, еще чуть влажные листки аккуратно упрятаны в черный портфель, с которым не расстается учительница Стасова.

...Черный, битком набитый портфель с некоторых пор стал постоянной принадлежностью Елены Дмитриевны. В нем носила она тетрадки учениц, но чаще всего — нелегальную литературу. Если же, паче чаяния, в портфель нечего было класть, набивала его просто бумагой. Создавала впечатление, что портфель полон. Это был простейший психологический прием. Сыщики привыкли к тому, что Стасова не расстается с портфелем. Он им перестал бросаться в глаза — и когда бывал заполнен чистой бумагой, и когда — как на этот раз — был загружен свежими номерами «Искры».

Однако по адресу Елены Дмитриевны, на квартиру ее родителей, «Искра» приходила не так часто. Обычно пользовались адресами лиц «нейтральных», не возбуждавших интереса охранки. Тут пригодились многочисленные стасовские знакомства и связи.

Вплоть до Ильи Ефимовича Репина, давнего друга их семьи. Репин помнил Лену еще совсем маленькой девочкой — художник писал тогда портрет ее матери. Ну, разве в силах он отказать Елене Дмитриевне, когда она просит на часок приютить ее с товарищами в мастерской или оставить у него вот этот сверток, «совсем небольшой», или ассигновать некоторую сумму денег «на наши нужды»? Какие это «наши», ему ясно без особых объяснений!

Не только Репин или Гинцбург — большинство друзей и приятелей Дмитрия Васильевича и Владимира Васильевича знали (или догадывались) о том деле, которому посвятила себя Лена. То был круг передовых, радикально настроенных, прогрессивно мыслящих интеллигентов. Людей, как правило, сочувствующих революции. Сами они не были революционными борцами. Но это не мешало им восхищаться стойкостью и смелостью молодых подпольщиков. Лену Стасову в этой

среде окружал некий ореол. О ней шептались в гостиных, восхищались открыто и скрыто: непреклонная!

И помогали ей — разумеется не заходя чересчур далеко — иные по велению души, иные потому, что трудно отказать. Но помогали.

Пример в этом подавал Владимир Васильевич. Летом, уезжая на дачу, ключи от городской квартиры оставлял Лене. Бывало, что и нелегальную литературу укрывал в своем кабинете — в императорской Публичной библиотеке.

Долгие годы и десятилетия заведовал Владимир Васильевич художественной частью Публичной библиотеки, дослужился до высокого чина тайного советника (что в «табеле о рангах» Российской империи соответствовало генерал-лейтенантскому званию). Когда ему предложили стать директором библиотеки, отказался наотрез, не желая занимать административный пост.

Убеждения Лены уважал и помогал ей охотно, иной раз даже шел на известный риск. Искренне радовался, когда удавалось «натянуть нос» полиции.

— Ну что, госпожа Калашникова! Ай да мы, ай да молодцы!.. Приятно, знаешь,— говорил он, смеясь и заговорщически сверкая глазами,— тупиц надутых объехать на вороных!..

— А мне вдвойне приятно! — вторила она в тон.

— Но будь, пожалуйста, осторожней.— Стасов сразу становился серьезным.— С огнем не играй!..

— Вы-то ведь не осторожничаете?!

По положению корреспонденция из-за границы, получаемая на имя тайного советника Стасова в адрес библиотеки, на почтамте не вскрывалась. По этому адресу посылалась и «Искра» — номер поступал в фонд секретного отдела библиотеки. Но в конверте был и другой конверт, чуть поменьше, в нем — еще один номер газеты, он-то и шел прямым путем... в Петербургский комитет партии.

В шифрованном письме И. И. Радченко (партийный псевдоним Аркадий) писал редакции «Искры» и просил посылать корреспонденцию на адрес библиотеки: «Разумеется, вначале добавьте еще паскудное слово * (как

* Очевидно, Радченко имел в виду слово «императорская» в названии библиотеки.

следует быть, официально) *тайному советнику Владимиру Васильевичу Стасову,* все честь честью и титул не забудьте...»

А сам Жулик в другом письме напоминал: «Пожалуйста, посылайте все новые фасоны тайному советнику, тогда они скоро попадают в мои руки».

Хочется назвать здесь еще один адрес, которым Елена Дмитриевна пользовалась для получения писем из-за рубежа. Адрес квартиры видного ученого-ботаника и путешественника Владимира Леонтьевича Комарова. Будущего президента Академии наук СССР. Нет, он сам не входил в революционные организации, но считал долгом совести помогать подпольщикам.

По словам старой большевички Марии Моисеевны Эссен (партийный псевдоним Зверь, Зверка):

«Елена Дмитриевна работала с огромным напряжением и исключительной пунктуальностью... У нее были огромные связи в обществе, и она мастерски использовала их для партийной работы. Благодаря ей мы имели массу квартир для явок, собраний, безопасных мест для хранения литературы... Елена Дмитриевна умела заинтересовывать людей нашей работой, создавать атмосферу активного содействия».

М. М. Эссен писала, что либеральная публика относилась сочувственно к революционерам в начале века. Позднее, во время революции 1905—1907 годов, когда классовые противоречия обострились, когда в воздухе запахло порохом, многие двери, которые были прежде гостеприимно открыты, «захлопывались у нас перед самым носом, да мы в них уже больше и не нуждались. Революция вышла на улицу. Но это было позже...». И еще одно существенное замечание: Мария Эссен считала, что, великолепно используя в интересах партии свои общественные связи, Елена Стасова сама не делала никаких уступок, всегда оставаясь принципиальной до конца.

Курьезный случай произошел однажды у Стасовой с Марией Эссен. Жулик и Зверь еще не были знакомы, а работать предстояло согласованно. Назначены день, час и место встречи. Обе пунктуально являются на это место: на постоянную выставку в Академии художеств, и обе не обнаруживают друг друга в толпе посетителей.

Эссен вспоминала, что ради конспирации «оделась нарочно сногсшибательно» и долго бродила по залам, ища какую-то типичную курсистку, «нигилистку». Не раз проходила мимо статной, элегантно одетой дамы в мехах, близоруко поглядывавшей в лорнет. Разве могла она догадаться, что это и есть тот товарищ, который ей необходим? Очень уж чужой показалась нарядная дама...

Свидание в тот день так и не состоялось. «Переконспирировали,— рассмеялась Стасова, когда они наконец повстречались.— Обеим урок. Перебор в нашей работе не лучше недобора... Все должно быть, как, бывало, скажет моя няня, в аккурат!»

К сожалению, «в аккурат» получалось не всегда...

Возвращается однажды Елена Дмитриевна домой, в руках —большущая картонка со шляпой. А шляпы тогда носили огромных размеров, чем больше, тем шикарнее. Почти у самой цели, в парадном подъезде дома на Фурштадтской, на глазах у швейцара, который почтительно приветствовал знакомую квартирантку, вдруг оборвался ремень, стягивающий картонку. И посыпалась из нее... литература.

Швейцар, разумеется, кинулся помогать. «Ничего, Никифор, милый, не беспокойтесь. Я сама!» — Елена Дмитриевна без суеты собрала разлетевшиеся брошюры и спокойно прошествовала дальше по лестнице. Будто ничего не приключилось. «А у самой,— признавалась потом Стасова,— душа в пятки ушла...»

Конечно, этот случай исключительный, форс-мажорный. «Хотя,— добавляла Елена Дмитриевна к рассказу об этом эпизоде,— обязана я была как следует проверить ремень на картонке. Небрежность могла окончиться провалом».

Небрежности она не прощала прежде всего себе, но и другим. «Растяпа»,— в ее устах звучало как самое бранное слово. «Тяп-ляп и вышел карап»,— произносила она с негодованием. И товарищ, выполнивший поручение спустя рукава, пренебрегший жесткими правилами конспирации, нарушивший строгие законы подполья, воспринимал эту поговорку как выговор. Ну, а за серьезные ошибки и провинности распекала беспощадно. Токарь по металлу Александр Васильевич Шотман, которому пришлось работать в питерском революционном подполье вместе со Стасовой, вспоминал, что

товарищи прозвали ее «генералом». Побаивались, опасаясь разноса, если сделаешь что не так. Но уважали, знали: к себе она куда строже, чем к другим. Всегда!

Забота о партийных средствах, о финансах с первых лет пребывания в партии входила в круг обязанностей Елены Дмитриевны. Чтобы пополнить кассу, приходилось действовать по разным линиям. Устраивала концерты, лекции, вечера, лотереи, чаще всего — «в пользу неимущих студентов». Как правило, посетителями этих зрелищ и затей были либерально настроенные и состоятельные люди. Они знали, что часть сбора, а иногда и львиная его доля пойдет на нужды революции. Знали — и охотно поддерживали устроителей.

Принято было проводить лекции или диспуты в частных домах. Хозяева не только предоставляли квартиру, но и от своего имени рассылали приглашения друзьям, знакомым, а порой и знакомым своих знакомых... Приглашения эти выглядели примерно так:

«Поликсена Степановна и Дмитрий Васильевич Стасовы просят Вас (имя рек) посетить их в пятницу (такого-то числа, во столько-то часов вечера). Приват-доцент Туган-Барановский прочитает реферат о новейших веяниях в области политической экономии в Западной Европе».

А иной раз просто приглашали на чашку чая, без обозначения программы. Никого не удивляло при этом, что в прихожей на подзеркальнике стоял поднос, а около него дежурила дочь хозяев, Лена. На поднос клали деньги, по желанию и по средствам — кто сколько может: от серебряного полтинника до кредитных билетов и ассигнаций крупного достоинства. Запись пожертвований не велась, дабы не давать полиции «документальных доказательств». А полиция, конечно, интересовалась и устроителями, и посетителями, и темами рефератов, и суммой сборов.

Очередная «чашка чая» на квартире у Стасовых. Публики много, и она, как чаще всего случалось на таких сборищах, разношерстная. Почтенные адвокаты и их супруги, художники и музыканты из близкого Стасовым круга, кое-кто из чиновного мира. В задних ря-

дах — как на галерке — сгрудилась молодежь, Не всем хватало стульев. Не беда — потеснились, сидят по двое на одном стуле, а то и стоят. Слушают.

Помощник присяжного поверенного Петр Бернгардович Струве, восходящая звезда «легального марксизма», в своем реферате рекомендует вниманию собравшихся сочинения немецкого марксиста Бернштейна. Мысли, высказанные этим ученым-немцем, доказывает Струве, весьма своевременны и интересны. Они, эти мысли, «новое слово в учении Карла Маркса».

Профессорская эрудиция Петра Струве, одного из властителей дум либерального Петербурга, не вызывает в аудитории ни сомнений, ни возражений: публика, заполнившая кресла, по совести сказать, не очень-то разбирается в марксизме.

Все идет чинно, благородно, только в кружке молодежи, там, у дверей, время от времени слышен заглушенный рокот, нет-нет да и прозвучат оттуда хлесткие реплики. Докладчик закончил, выслушал благодарственное слово хозяина и приготовился к дальнейшим комплиментам.

Не тут-то было. Из задних рядов стремительно вышла молодая женщина и подошла к столику в центре зала. Она была необыкновенно хороша, волнение очень красило ее.

— Простите,— она поклонилась Дмитрию Васильевичу Стасову, который занимал председательское место,— но мы не вправе молчать!

— Кто это «мы»? — переспросил Струве, снисходительно улыбаясь.

— Мы — это революционные марксисты! — немедля последовал звонкий ответ.— А ваш Бернштейн — это же оппортунист чистейшей воды! Ведь он полностью порвал с марксизмом!

И она стала говорить. В короткой убедительной речи доказала, в чем не правы и этот Бернштейн, и Струве, «пророк его».

Закончив, молодая женщина столь же порывисто вернулась на свое место у выхода.

— Ну и расчихвостила! — раздался оттуда высокий и резкий голос Елены Стасовой.— Вы просто молодчина, Шуринька!

Да, это была Шуринька — Александра Михайловна Коллонтай. В своей «Автобиографии» она писала впо-

следствии: «Взяла слово для горячей защиты ортодоксов («левых»)». Она признавала: «Это была дерзость».

Разумеется, дерзость. Так расценили ее выступление и публика, собравшаяся на реферат, и сам шокированный лектор, и Дмитрий Васильевич Стасов. Когда гости разошлись, он сказал об этом дочери. А та не скрывала восторга. Горячо объяснила отцу, что молчать они не намерены, что осквернителям учения Маркса будут давать бой при каждом удобном случае... Отец, покачав головой, пришел к довольно неожиданному выводу:

— Надо мне, Лена, почитать вашего Маркса. Понять, чего вы копья ломаете...

О другом «недозволенном» сборище у Стасовых можно узнать из архивного дела департамента полиции.

Секретный сотрудник охранки, скрывшийся под вымышленной фамилией Харьковцев, доносил по начальству, что 6 ноября 1900 года «полицией переписаны собравшиеся в квартире Стасова для слушания реферата Туган-Барановского... Собралось до полутораста человек... входная плата по 2 р... сбор в пользу Красного Креста...».

Из донесения явствует, что к тому времени, когда в квартиру нагрянули штаб-ротмистр Федоренко с приставом Литейной части, с околоточными и унтер-офицерскими чинами полиции, реферат «О кризисе марксизма» был уже окончен; двое из присутствующих собирались возражать докладчику. Как раз в эти-то минуты и появилась полиция, парадный и черный ход караулили городовые, а штаб-ротмистр, войдя в зал, щелкнул шпорами и попросил хозяина перечислить поименно всех собравшихся.

Дмитрий Васильевич сказал, что все, кто находится в доме, его гости. Однако назвать всех не захотел. Объяснил, что не сам приглашал людей — приглашали другие с его разрешения.

«Затем,— гласит полицейская бумага,— было приступлено к переписи всех присутствующих». Процедура длилась долго. Записывали подробно, невзирая на возмущение и протесты. Ротмистр, то и дело щелкая шпорами, призывал к спокойствию.

По словам того же Харьковцева, срыв сборища произвел должное впечатление и, «вероятно, на некоторое

время отобьет охоту у лекторов читать безбоязненно свои рефераты, а устроителей давать свои квартиры, прения на коих носят, несомненно, революционный характер».

...Что же касается самого Стасова, то «не так давно еще его квартира служила для укрывательства нелегальных, только за последние годы он ввиду преклонного возраста несколько поотстал и сделался осторожнее».

Кого же переписали полицейские? Список велик. Назову только несколько имен.

Врач Викентий Викентьевич Смидович (известный писатель Вересаев). Доктор философии Михаил Михайлович Филиппов и его жена Любовь Ивановна. Вдова сенатора Александра Михайловна Калмыкова. Студент университета Александр Александрович Веселовский. Помощник присяжного поверенного Михаил Вильямович Бернштам. Петр Бернгардович Струве. Вдова кандидата прав Мария Ивановна Водовозова... Словом, цвет тогдашней петербургской либеральной интеллигенции.

И тут же — группа учительниц воскресно-вечерних школ: Прасковья Францевна Куделли, Мария Ивановна Страхова, Людмила Рудольфовна Менжинская. Попал в список и инженер-технолог Степан Иванович Радченко, член руководящего ядра петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», участник I съезда РСДРП, избранный в Центральный Комитет. К счастью, все это тогда не было известно полиции.

Переписаны были, конечно, и хозяева: Дмитрий Васильевич, его жена, их сын Борис и дочь Елена. Всего сто пятьдесят «душ», среди которых «много лиц, уже давно известных своей крайней политической неблагонадежностью». Так определил в докладе департаменту полиции начальник петербургского охранного отделения полковник Пирамидов, «автор» этой жандармской акции.

Однако на сей раз полицейские власти переусердствовали. В Петербурге быстро стало известно о налете на стасовскую квартиру. Безобидная лекция в частном доме — и не просто в чьем-то доме, а у Стасова! — и вдруг грубо врывается полиция. Нет, это уж слишком. Явный произвол.

Масла в огонь подлила графиня Панина, представительница древнейшей дворянской фамилии, родственни-

ца одного из министров. В ту пору либеральная меценатка, она присутствовала на лекции и, как все, попала в «переписку». Она передала о своем возмущении в «высшие сферы». И результат — самому градоначальнику Клейгельсу пришлось лично звонить Дмитрию Васильевичу по телефону и приносить извинения: «Это, знаете, полиция проявила излишнюю прыть...»

Но наблюдение за «беспокойным» домом на Фурштадтской было усилено. В негласном порядке, конечно.

В одном из шифрованных писем Жулика в редакцию «Искры» про это сказано так: «... за мной очень похаживают, и весьма серьезно».

Тогда-то на смену Жулику явилась Гуща. Пришло время менять партийный псевдоним. Прежний слишком уж примелькался.

Псевдоним изменен — работа продолжается. Больше того, усиливается.

Рождение Абсолюта

Пролетарский Петербург готовился к 1 Мая 1901 года. Столичный комитет РСДРП большими силами тогда не располагал. Тем важнее было доказать и показать, что организация жива, что она действует! И несмотря на «изъятия» (полиция изрядно «потрудилась» на заводах столицы, да и в студенческой среде аресты были массовыми), решено выпустить майский листок. Выпустить, раздать на заводах и, мало того, разослать десятку-другому высокопоставленных лиц. Обер-прокурору синода Победоносцеву, например, и министру внутренних дел Дурново, и другим особам самого высокого ранга. Пускай получат майский подарок!..

Сочинили листовку. Отпечатали на гектографе. (Написал я эти две короткие фразы, и перо задержало свой привычный бег. Подумалось: слишком уж просто это сейчас выглядит в рассказе, хотя неимоверно трудно доставалось подпольщикам. Надо было приобрести и хранить бумагу, варить для гектографа массу, для чего прежде всего раздобыть желатин и глицерин, покупая их в разных лавках и аптеках, дабы не возбуждать подозрений. Печатать. Сушить. Складывать. Конвертовать. Надписывать адреса. Развозить. И все под неусыпным оком полиции!)

День-деньской, с утра и до вечера, Елена Дмитриевна на квартире сочувствующей социал-демократам учительницы Марии Ивановны Девель с помощью хозяйки и учительницы воскресной школы Веры Майковой подбирала и писала адреса «их превосходительств» (пользуясь для сего тем же заслуженным справочником «Весь Петербург»).

Когда стемнело, разделив с Майковой конверты, пошли опускать их в почтовые ящики, двинулись по заранее составленным маршрутам, по разным улицам, чтобы письма попали в разные ящики...

Ну, наконец дело сделано! Поздно ночью Елена Дмитриевна добралась до дому. Скорей бы только лечь — силы на пределе...

В столовой, на подносике, покрытом салфеткой, ждет ее привычный стакан молока и любимый пеклеванный хлебец. Как бы поздно она ни вернулась, всегда находит этот скромный ужин, заботу мамы. Она торопливо пьет молоко, предвкушая отдых. Но тут из своей комнаты выходит Боря, брат:

— Как ты поздно, Лена! А я спать не ложусь, жду. Тебе записка. И на словах просили передать, чтобы ты завтра — да нет, это уж сегодня! — доставила на Путиловский завод Лидии Николаевне Бархатовой, фельдшерице,— ты ее знаешь? — знамя для демонстрации. К семи утра, не позднее!

Быстро покончено с молоком, и она — по черной лестнице, чтобы не будить швейцара и не разжигать нездорового любопытства,— тихо выходит на улицу.

Зябко. Ночь сырая, с Невы тянет холодом. Не сразу находится ночной извозчик, потом его кляча плетется неспешной рысцой через весь Питер — к Путиловскому.

Полотнищем знамени Елена Дмитриевна обмотала себя, тщательно упрятав его под пальто. А то, не ровен час, остановит какой-нибудь полицейский патруль. Ночь сегодня тревожная — фараоны наверняка тоже готовятся к демонстрации!..

Нет, дрожь ее не от страха — от холода, хочется поскорее доехать, а, как на грех, лошадь уж очень медленно трусит по мостовой. И возница под стать лошади. Ну прямо Иона Потапов из знаменитого чеховского рассказа. Может, и у него тоска?

В конце концов доехали. Стасову ждали. Знамя до-

ставлено, передано в надежные руки. Утром красный стяг взметнется над рядами путиловских рабочих!

Таков один из дней подпольщика, даже не день — сутки.

Положение в Петербургской организации социал-демократов было тогда сложным. В комитете тон задавали «экономисты», которые через газету «Рабочая мысль» насаждали на русской почве идеи тред-юнионизма, отвлекали рабочих от политической борьбы. Ленин метко назвал экономизм «попятным направлением в русской социал-демократии».

Стасова ожесточенно спорила с представителями «экономистов». Ей претили полумеры, она рвалась к настоящему революционному делу, а тут проповедуют борьбу только за экономические уступки. Двигаться медленным шагом, робким зигзагом?.. Нет, это не по ее характеру.

С выходом в свет ленинской «Искры» Стасова прочно усваивает позиции революционной социал-демократии, становится твердой искровкой. Вместе с друзьями — Иваном Радченко, Варей Кожевниковой, Владимиром Краснухой, Николаем Штремером и другими искровцами столицы, вместе с Пантелеймоном Лепешинским, Петром Красиковым, Александром Стопани, вынужденными жить в Пскове,— она ведет борьбу за торжество ленинских идей, против «экономистов».

Тонкие, убористо набранные номера «Искры» — главное подспорье в этой борьбе. Главное оружие. Вот что писал один из рабочих корреспондентов в «Искре», в седьмом ее номере, вышедшем в августе 1901 года:

«В прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал: «С чего начать?», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено... хочется нам письмо в эту самую «Искру» вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть. Вы небось смеетесь и скажете, что всего в газете не напишешь, это так, а все-таки в этот раз я прочитал то, что еще нигде не было написано. Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой идти, как в бою воевать».

Письма Ленина учили агентов «Искры» «в бою воевать». Порой сердитые, требовательные, даже гневные,

они всякий раз ставили неотложные задачи, нацеливали, объясняли.

Ограничусь одним примером — письмом Ленина к Стасовой из Лондона в Петербург, посланным 16 января 1903 года.

«Теперь уже ясно как день,— писал Владимир Ильич,— что вышибаловцы надувают вас и водят за нос, уверяя в согласии с «Зарей» и «Искрой». Немедленно выступайте с боевым протестом (если не в силах издать, тотчас шлите сюда, а копию во всяком случае), ведите решительную войну и выносите ее шире в среду рабочих. Всякая проволочка и всякое примирительство с вышибаловцами было бы теперь не только архиглупо, но и прямо позорно. И пока есть у вас Богдан, нельзя и на безлюдье жаловаться (подмога послана). Отвечайте немедленно, какие шаги предпринимаете».

«Вышибало» — так едко-иронически прозвали передовые рабочие Питера главаря экономистов Токарева, «вышибаловцы» — его последователи. А Богдан — партийный псевдоним Ивана Васильевича Бабушкина, любимого ленинского ученика, переехавшего в конце 1902 года в Петербург: «...подмога послана»!

Иван Иванович Радченко образно назвал такие письма Ленина «бомбами». Много лет спустя, вспоминая революционную работу в начале века, он писал Стасовой:

«И Вам служили столь же крепкой поддержкой, как и мне, письма-бомбы Ильича, который, где распекая, где одобряя и воодушевляя, всегда вселял мужество и желание бороться, даже издалека всегда верно схватывая ситуацию, помогая конкретными советами и вхождением в самую суть дела».

К началу 1903 года во всех рабочих районах Питера верх взяли твердые искровцы. Победили как идейно, так и организационно. Елена Дмитриевна, вспоминая то время, бывало, не без гордости говорила: «И моего тут капля меду есть...»

Однако полицейская слежка усиливается.

Неотступно и бесцеремонно ведется «наружное наблюдение».

В совершенно секретной «записке» петербургского охранного отделения от 20 августа 1903 года ротмистр Сазонов дотошно фиксирует «дела и дни» некоего «по-

литического преступника», именуемого в наблюдении Шуваловским.

Итак: «14 июля в 9 ч. 45 м. утра Шуваловский приехал в Санкт-Петербург и отправился на вокзал Балтийской ж. д., где, по-видимому, его уже ждали неизвестные филерам молодой человек и молодая женщина, вместе с которыми он и уехал на ст. Елизаветино. Здесь Шуваловский и его спутники отправились... в квартиру земского врача Владимира Пантелеймоновича Краснухи, который лично встретил их близ вокзала. Приехавшие пробыли здесь весь день и возвратились в Петербург в 9 ч. 30 м. веч., причем барышню Шуваловский проводил в д. № 31 по Литейному проспекту, а неизвестный мужчина был проведен филерами в д. № 7 по Могилевской улице».

Филеры наблюдали круглосуточно.

Читаем дальше:

«Негласными справками дознано, что спутниками Шуваловского в его поездке на ст. Елизаветино были: 1. Штремер Николай — Эдуард Николаев, 25 л., врач детской больницы принца Ольденбургского... 2. Стасова Елена Дмитриевна, 30 л., дочь статского советника...». В той же записке характеризуются Краснуха и Штремер как «личности неблагонадежные в политическом отношении», указано, с кем и когда общалась Елена Стасова, по каким делам она «проходила».

Отмечено: «Квартира Стасовых достаточно известна департаменту (полиции.— *Авт.*) как место общения неблагонадежных элементов столицы». В частности, про Шуваловского сказано, что он 23 июля пробыл у Стасовой на ее городской квартире два с половиной часа... А Штремер 28 июля заезжал к ней на несколько минут. Все, все зафиксировано, чуть ли не поминутно.

Еще одна подробность. Охранка давно заинтересовалась личностью Эрнестины Киль, проживавшей на станции Парголово Финляндской железной дороги, в деревне Старожиловке, на даче Безрукова. Этот адрес — полиция знает! — служит для конспиративной переписки деятелей «Искры» с заграничными ее представителями. «Совершенно негласным путем удалось выяснить, что по указанному адресу проживает известное департаменту семейство Стасовых».

Тут жандармский ротмистр явно пытается набить себе цену. Конечно же никакого «совершенно негласно-

го пути» не требовалось, чтобы выяснить загородный адрес Владимира Васильевича Стасова — дачу в Старожиловке он снимал десятки лет подряд, что было известно всей столице.

Ротмистр докладывал, что на даче Стасова гостит его племянница, Елена Стасова.

Жандармы гоняются за Шуваловским, устанавливают его связи, рисуют его «портрет»: «Темный блондин выше среднего роста, около 30 лет, с небольшой бородкой французского образца, в очках, одет в черное летнее пальто и такого же цвета «пушкинскую» шляпу».

Наконец департамент полиции принял решение — Шуваловского «заарестовать». В списке лиц, подлежащих вместе с ним «безусловному аресту», значатся: Николай Штремер, Елена Стасова, Владимир Краснуха, братья Майковы и акушерка Варвара Кожевникова. Не подлежит сомнению, пишут охранники, что все они являются представителями «Искры» в Петербурге, а Шуваловский, он же Аркадий,— уполномоченный «Искры» Иван Радченко.

«Группу «Искры»» департамент полиции квалифицировал в качестве одной «из наиболее вредных по своему направлению фракций социал-демократической партии».

Что ж, на этот раз «голубые мундиры» не ошиблись.

...Круг сужался. Опыт подсказывал Стасовой, что дело близится к развязке, что не сегодня-завтра Аркадий окажется за решеткой. А с ним — и его друзья, помощники. Кто заменит их? Как сохранить и укрепить партийные связи?

Владимир Васильевич в одном из писем жене брата, Поликсене Степановне, сообщает, что к нему, в Публичную библиотеку, «случайно забрели» как-то Лена со Штремером, перекусили пирожками с рисом и ватрушечками, которые принесли с собой... «У Лены какие-то дела были, задержали...»

«Случайно забрели». «Какие-то дела...» Дел много, например такие...

В охранку попало письмо, адресованное из Петербурга в Мюнхен по условленному адресу некоего Рихарда Этцольда. Письмо «химическое». После соответствующей обработки жандармы прочитали:

«Дорогие товарищи, пишу вам по пунктам и исключительно о текущих делах...» Это вначале. А в конце автор письма уточняет, что всегда будет писать «о всех делах по части транспорта и техники — это моя область».

В письме указан адрес для отправки «Искры» через Стокгольм. Надо испробовать этот путь, может быть, дело пойдет на лад. Если понадобится, автор письма съездит в Швецию, чтобы наладить переправу...

В конце указано: «Пишет Жулик».

Почему Елена Дмитриевна сочла нужным прибегнуть к старому псевдониму, сказать трудно. Но вот что любопытно — ротмистр Сазонов путем ряда хитрых умозаключений пришел к выводу, что подпись: «Жулик» — принадлежит Пантелеймону Николаевичу Лепешинскому. Жандармы пошли по ложному следу...

...Костя Крестников устраивал вечеринку. Повод для этого был: окончив курс учения в Военно-медицинской академии, он успешно защитил диссертацию. Теперь уже не Костя, а доктор медицины Константин Алексеевич пригласил друзей отметить это событие у него на квартире.

Елене Дмитриевне нравился Костя, нравилось, как легко и бесшабашно оказывал он серьезные услуги. Стоит только заикнуться, как он с этакой русской удалью тотчас же готов прийти на помощь. Его квартира служила явкой, здесь не раз прятали нелегальную литературу. Костя нравился Елене не только как помощник по работе, но и «вообще». Но про это «вообще» она не рискнула бы сказать даже задушевной подруге.

А он? Он был очень внимателен к Лене и, обычно такой оживленный, говорливый, становился в ее обществе задумчивым и серьезным.

Елена Стасова и Варвара Кожевникова участвовали в этом торжестве. Было весело, шумно и бестолково. Ели пироги, пили херес, чай. Танцевали. Елена Дмитриевна с виновником торжества лихо отплясывала мазурку. Пели хором извечный студенческий «Гаудеамус» и «Быстры, как волны, все дни нашей жизни»...

Расходились поздно. Костя вызвался было провожать, но Елена Дмитриевна, словно ее подменили, сухо сказала, что предпочитает ходить одна, без провожа-

тых. Так удобнее. Попросила только на память о вечере экземпляр Костиной диссертации.

— Что вы, Леночка? На кой ляд вам эта абракадабра?!

— Нужна!

— Ну, тогда извольте...

И она ушла одна — шагала по ночному Питеру, стараясь совладать со своими чувствами, ругая себя за то, что поддалась настроению, и жалея себя, что ушла...

На следующий день в комнате Вареньки Кожевниковой, которая жила на Выборгской стороне, при клинике Вилье, где служила, Лена и Варя листали тонкую печатную тетрадку в бумажной обложке оливкового цвета. Заглавие: «К морфологии крови при свинке». Это и была диссертация Крестникова. Вряд ли даже Кожевникова, имевшая медицинскую профессию, могла проявить интерес к столь специальному труду. Зачем же им понадобилась тетрадка? Понадобилась.

Тщательно просчитала Стасова строки, а затем между ними стала каллиграфически четко и мелко вписывать новый текст. Перо тонкое, чернильница — видавший виды аптечный пузырек с этикеткой «Наружное».

Кожевникова диктовала, читая вслух брошюру, оттиснутую на гектографе. Это был рассказ-фантазия «О писателе, который зазнался». Нашумевшая, запрещенная цензурой новая вещь Максима Горького. Каждое слово его воспринималось как откровение. И сама биография Алексея Пешкова, нижегородского мастерового, и его произведения, выразительные, запоминающиеся, открывавшие читателю глубинные пласты народной жизни,— все привлекало и волновало передовую русскую интеллигенцию.

В семье Стасовых сразу полюбили Максима Горького — с первого его сборника «Очерки и рассказы». Владимир Васильевич, принеся родным эту книгу, горячо советовал ее прочитать.

— Говорят,— и глаза его сияли от возбуждения,— что наборщики типографии Богельмана, где печатался этот томик, прерывали работу, складывали гранки и сообща читали. Знаете их отзыв: «Этот писатель действительно наш, берет за живое!» Такую оценку заслужить — дорогого стоит!..

Горьковская новелла «О писателе, который зазнался», хотя автор и снабдил ее подзаголовком «Фанта-

зия», была довольно злой сатирой на мещанскую публику, в угоду моде поднимавшую до небес посредственных авторов. И на них самих, которым шумная известность щекочет нервы.

...Кожевникова мерно диктовала: «Карась любит, чтобы его жарили в сметане, а писатель — чтобы его коптили в дыму славы!»

Стасова сосредоточенно вписывала химией букву за буквой между строк диссертации Крестникова. Долгая и трудная работа: ведь нужно переписать девять страниц убористого печатного текста.

Но вот и конец. Кожевникова с чувством диктует заключительные горьковские строки: «...я верю... скоро придут иные люди, люди смелые, честные, сильные,— скоро!»

Стасова устало протирает пенсне:

— Все-таки не напрасно мы, Варя, посылаем эту Костину «свинку» в Женеву. Смелое слово. Молодец этот Горький, не страшится плыть наперерез волне! Недаром же Владимир Ильич просил нас держать его в курсе всего того, что выходит из-под пера этого волжанина. Недаром и цензура так зверствует. Боится...

...Над диссертацией пришлось потрудиться изрядно. Поздно. Обе устали. Стасова спешит попасть на конку, прощается, ее поражает, что рука Вареньки такая горячая и влажная. Задерживает на миг в своей руке, с тревогой вглядывается в лицо. Глаза подруги блестят, щеки пылают. Елену Дмитриевну пугает этот лихорадочный блеск, этот подозрительный румянец. Наверняка жар. Неужели это страшная болезнь?

— Я тебя загоняла, Варенька. Ложись поскорей, укутайся. Чаю выпей.— И, вспомнив что-то, прибавила: — Завтра днем отдыхаем, всякую заботу побоку! А вечером пойдем к дядюшке, у него музыкальное собрание. Услышим новое. Музыка — эликсир для усталых душ.— Прервав себя, усмехнулась: — Что-то я высоким штилем изъясняюсь. А между прочим, наши с тобой души вовсе не усталые. Разве что ноги или глаза, но отнюдь не души...

...Вновь и вновь листаю архивную папку — «дело» департамента полиции, на синей канцелярской обложке которого круглым писарским почерком выведено: «О ко-

митете Петербургской группы революционной организации «Искра»». Протоколы, дознания и донесения, «служебные записки» и телеграммы помогают восстановить картину заранее продуманного полицейского разгрома искровской организации.

В ночь на 4 ноября 1902 года одновременно в Петербурге, Пскове, Торжке, Новгороде и на станции Елизаветино были произведены обыски и аресты. Ивана Радченко схватили ночью на псковском вокзале, в тот момент, когда он садился в вагон отходившего поезда. В тот же ночной час вломились в квартиру Лепешинских в Пскове. И в квартиру доктора Краснухи на станции Елизаветино. И к Варваре Кожевниковой, и в квартиру Стасовых, в Питере, на Фурштадтской...

«Улов» жандармов был не слишком обилен, хотя Радченко не успел избавиться от шифрованных рукописей и писем; у Лепешинского захватили «рукописи и стихи преступного содержания»; у одного из товарищей нашли револьвер, у другого — типографский шрифт... А вот у Владимира Краснухи — только теплый пепел в печке, след сожженных бумаг.

У Стасовой полиция, как ни старалась, «ничего предосудительного не обнаружила», поэтому Елену Дмитриевну не арестовали, взяли лишь подписку о невыезде.

Хотя вопрос, арестовывать или не арестовывать, как видно, решился не сразу. На одном из полицейских документов какой-то чин карандашиком начертал: «Что предполагаете сделать в отношении Стасовой?» На это чуть ниже последовал чернильный ответ: «Г. министру о Стасовой доложено 13.XI».

Судебного процесса правительство решило не устраивать — все обвиняемые упорно отрицали свою связь с «Искрой», а некоторые вообще отказывались давать показания. Расправа последовала без суда. После полугодового сидения в тюрьме «по высочайшему повелению» в Восточную Сибирь были сосланы: Иван Радченко — на пять лет, а Пантелеймон Лепешинский — на шесть (полицейское «дело» характеризует его как «рецидивиста» — он уже отбывал ранее ссылку, однако отнюдь «не исправился»). Варю Кожевникову сослали на три года в Астраханскую губернию — «снисхождение» сделали по причине чахотки, которая вскоре и свела ее в могилу.

Аресты, высылка друзей и соратников, постоянный надзор полиции, который из негласного становился почти открытым,— все это, разумеется, наносило большой урон организации, затрудняло работу. Но на место плененных бойцов в строй вставали новые.

«Мы были уже неистребимы»,— писала об этом времени Стасова.

Пришла пора выбирать делегатов от Питера на II съезд партии. Про одного из делегатов договорились без споров. Мандат вручили рабочему-металлисту Александру Васильевичу Шотману, партийному организатору Выборгского района, твердому искровцу. Вторая кандидатура тоже поначалу казалась бесспорной — кандидатура Гущи — Стасовой. Правда, Гуща находится под пристальным наблюдением охранки. Об этом и Крупская предупреждает в одном из писем: «За Гущей следят, поэтому ей ехать легально очень опасно...» Попробовать уехать нелегально? Что ж, Гуща готова рискнуть.

Но тут возник вопрос: кому же заменить ее на посту секретаря Петербургского комитета? Члены комитета заявили: замену подобрать невозможно. Шотман писал потом, что с этим пришлось согласиться:

«И действительно, только ее энергии, ее колоссальным связям во всех слоях Питера, уменью подбирать людей мы были обязаны тому размаху, сплоченности и твердости, какую проявил в это время искровский Петербургский комитет РСДРП».

Стасовой, конечно, очень хочется попасть на съезд, верховный орган партии, которому предстоит принять программу и устав организации. Она мечтает о встрече с членами редакции «Искры», о встрече с Лениным, с теми, с кем уже пять лет идет вместе! Но она сама принимает решение, подчиняя собственные интересы интересам организации.

— Да, товарищи, вы правы, придется остаться.

После II съезда партии Стасова безоговорочно примкнула к большевикам. Верным ленинцем была до конца своих дней.

В одном из ее шифрованных сообщений, посланном из Петербурга в редакцию «Искры», есть такие строки: «Письмо Ленина общее читала с восторгом и во всем с

ним согласна». В другом письме: «...будем вести свою линию, и если даже будем очень немногочисленны, то все же от своего не отстанем».

Вернулся из-за границы делегат съезда Шотман. Вот выдержки из его рассказа о встрече с Еленой Дмитриевной:

«Одна из ее явок помещалась в больнице принца Ольденбургского на Литейном проспекте, в комнате не то врача, не то фельдшерицы. Увидев меня, она очень обрадовалась и закидала меня вопросами, так как я был первым делегатом, привезшим сведения о съезде. Без колебаний одобрила она мое поведение на съезде (Шотман отстаивал линию Ленина.— *Авт.*). ...Долго мне пришлось рассказывать, как проходил съезд, она интересовалась всякой мелочью, касавшейся работы съезда...»

Шотман сообщил Стасовой, что арестован товарищ, который был партийным организатором на Выборгской стороне. Елена Дмитриевна встревожилась: а что, если за этим арестом крылся не просто провал, а чье-то предательство? Надо предупредить товарищей.

Шотмана попросила два дня никуда не отлучаться из дома, в котором он остановился. Через два дня назначила новую встречу.

Тревога была не напрасной. Выяснилось, что в различных районах города прошла волна арестов, главным образом среди рабочих. Стасова предложила Шотману немедленно выехать из Питера. Снабдила его явками в Псков, деньгами на дорогу.

— Будьте сугубо осторожны,— предупредила Елена Дмитриевна.— Помните, вы делегат съезда! Наш делегат. И вам придется еще не раз рассказывать о съезде так же подробно, как рассказывали мне. Счастливого пути! — она ласково взглянула на товарища. И Шотман еще раз убедился, каким внимательным и заботливым может быть суровый, нагонявший страх «генерал»...

Осенью 1903 года полиция арестовала некую Веру Стрекопытову. Схватили ее с пачкой нелегальных листовок.

Молодая женщина не проявила стойкости. Жандармский ротмистр Конисский записал с ее слов, что в августе 1903 года она познакомилась с женой врача Матильдой Рокицкой, которая под конспиративным именем Евгении Петровны заведовала распространением нелегальных изданий. По поручению Евгении Петровны вскоре побывала в доме № 9/11 по 7-й Рождественской улице, где некая Анна Александровна вручила ей около тысячи экземпляров воззваний Петербургского комитета РСДРП, попросив отнести в дом № 25 по Надеждинской улице. Там она встретилась с высокой брюнеткой, отчество которой Константиновна. Жандармам не стоило большого труда дознаться, что Константиновна — Софья Константиновна Каверина, внучка и воспитанница Владимира Васильевича Стасова, а квартира на 7-й Рождественской принадлежит ему, тайному советнику, почетному академику.

«В августе месяце,— строчил и строчил ротмистр Конисский,— означенный Стасов находился на даче, и квартира его находилась под присмотром прислуги Марии Фокиной. Последняя показала, что в квартиру иногда заходила племянница Стасова — Елена Дмитриевна».

Арестовали Каверину (Владимир Васильевич очень сокрушался, что и Софья-младшая, как ее звали родные, попала за решетку). При обыске у Кавериной отобрали «фотографическую группу лиц» — снимок стасовской семьи.

Стрекопытова опознала на фото Анну Александровну, от которой получила листовки. Сомнений не возникало — то была Елена Дмитриевна! И Каверина снялась вместе с другими...

Из тюрьмы Соня просила передать: жандармам стало известно, кто руководит всей техникой комитета. Пусть Лена будет начеку. Не сегодня-завтра за ней явятся! И еще одно неприятное известие от Сони: по ее словам, в охранке расшифровали псевдоним Гуща.

Елена Дмитриевна и сама понимала, что псевдоним примелькался. Пора его менять.

Вот краткая история рождения нового имени, пришедшего на смену Гуще. Когда Стасова посоветовалась с Эссен, та сразу же согласилась, что изменить имя необходимо. «Бог с ней, с Гущей. Я бы предложила на-

звать тебя Категорический императив — уж очень ты категорична в своих выводах, слишком прямолинейна во взаимоотношениях...» Да, Категорический императив, безусловно, подошло бы, но чересчур сложно, трудное словосочетание, неудобное для шифровки...

И вдруг ее осенило: Абсолют — вот подходящее имя!

Елене Дмитриевне Категорический императив не понравился, Абсолют ей больше по душе! Пускай и в этом имени звучат какие-то нотки иронии, но зато в нем словно бы сконденсировались ее абсолютная прямота, абсолютная преданность делу революции.

С той поры партийное имя Абсолют закрепилось за Стасовой. По мере необходимости она брала и другие подпольные имена. Но они служили временную службу и уходили в небытие, оставив след в партийных документах, полицейских бумагах да еще в тетрадях историков... Имя Абсолют сопровождало Елену Дмитриевну всю ее долгую жизнь.

В декабре, на святках, Елена Дмитриевна поехала погостить к своим друзьям, Штремеру и его жене, поселившимся на станции Молосковицы Балтийской железной дороги. Штремер работал в земской больнице.

Быстро промелькнули короткие рождественские праздники. Прогулки по заснеженным лесным тропинкам, длинные вечера у жарко натопленной печки, разговоры, задушевные, откровенные, когда нет нужды таиться, когда тебя понимают с полуслова и ты отвечаешь таким же дружеским пониманием.

Стасова привезла друзьям последнюю литературную новинку, ходившую в Петербурге в списках,— поэму в прозе Максима Горького «Человек». Она рассказала об авторе, с которым только что познакомилась. Это было на платном литературном вечере, где Горький читал свою поэму. Собранные на вечере средства, и немалые, он отдал в кассу большевистской партии.

Стасова восторгалась писателем. Восторгалась и поэмой, прозвучавшей как гимн Человеку. И ей, и друзьям ее удивительно созвучными и сильными показались заключительные слова горьковского произведения: «Так шествует мятежный Человек — вперед! и — выше! все — вперед! и — выше!»

О Горьком, о его поэме думала Елена Дмитриевна, когда извозчичьи сани подвозили ее с Балтийского вокзала к дому на Фурштадтской.

Дома ждали новости.

Телеграмма из Киева: Клэр — Кржижановский, Глеб Максимилианович, избранный на II съезде членом ЦК РСДРП, просил срочно приехать — есть неотложные дела.

Вторая новость: ею усиленно интересуются, ищут. Пристав вызывал дворника, наводил справки: куда уехала, когда вернется?

31 декабря 1903 года ротмистр Конисский с согласия товарища прокурора окружного суда Беляева принял постановление: Елену Стасову «привлечь, обыскать и арестовать».

Но Стасовой и на этот раз удалось ускользнуть от жандармов. Что ж, ясно: нужно уезжать из Питера. В тот же день она воротилась в Молосковицы.

На Балтийском вокзале ее провожал бравый офицер, военврач Костя Крестников. Попросила его приехать. Не только потому, что его присутствие ей было приятно. И для «прикрытия»: не пойдут же филеры по следу офицера...

Поезд трогается.

— Прощайте, Костя!

— До свидания, Леночка, до самого скорого свидания!

Кружным путем едет она в Киев.

Впереди — неизвестность. А на душе отчего-то легко. То ли от мимолетных проводов на Балтийском вокзале, то ли от поэтических горьковских строк, которые мысленно повторяла:

«Так шествует мятежный Человек — вперед! и — выше!»

Вдова Беклемишева

Ранним утром поезд пришел в Нижний Новгород. Пассажирка второго класса, высокая дама с небольшим дорожным несессером в руке, подождала, пока схлынет вокзальная толпа, прошла в буфет, выпила чаю, написала открытки и направилась к выходу на городскую площадь. Путь преградил станционный жандарм:

— Извольте следовать за мной в дежурную комнату! По приказанию-с штаб-ротмистра! Прошу без возражений...

Дама, однако, возражала. Под носом у жандарма прошмыгнула в дамскую комнату, мелко-мелко изорвала приготовленные к отправке открытки, выкинула клочки в уборную, после чего вышла к жандарму:

— Ну ладно, пойдемте, братец. Чего это взбрело в голову вашему штаб-ротмистру меня задерживать?

Так 24 июня 1904 года в Нижнем Новгороде была арестована вдова коллежского секретаря Елизавета Павловна Беклемишева. Паспорт ее оказался в полном порядке, обыск ручного чемоданчика, да и личный обыск результатов не дали. Тем не менее, невзирая на решительные протесты задержанной, ее отвезли в тюремный замок. Поместили в одиночную камеру.

Пока вдова коллежского секретаря осваивалась с незнакомым ей тюремным бытом, в обе столицы по полицейскому телеграфу пошли срочные депеши: «Арестована!» А в ответ поступило телеграфное приказание начальства: «Доставить без промедления под конвоем в Москву!»

Через два дня, 26 июня, в Москве, в губернском жандармском управлении, «особого корпуса жандармов» поручик Фуллон приступил к допросу Елизаветы Беклемишевой.

Достаточно было бросить беглый взгляд на этого Фуллона, с которым только что помимо ее воли судьба столкнула вдову Беклемишеву, чтобы убедиться: хлыщ! Лощеный, нафиксатуаренный тупица.

И Беклемишева на первый же вопрос допрашивавшего ее офицера дает ответ, высокомерный и неожиданный:

— С незнакомыми людьми я, сударь, разговаривать не привыкла!

Жандарм обескуражен.

— Простите,— бормочет он,— но как же тогда поступить?

— Ну, хотя бы представиться даме, ежели нас никто не потрудился познакомить...

— Извольте! — Он вскакивает, щелкает шпорами.— Поручик Фуллон!

Арестованная, вскинув пенсне, небрежно кивает:

— Очень приятно...

Елена Стасова. 1898 год.

*В Подвижном музее учебных пособий.
Снимок конца 90-х годов XIX столетия.
На фото: крайняя слева А. Коллонтай,
рядом с ней Е. Стасова,
стоит (в фартуке) М. Страхова.*

Е. Д. Стасова, Н. Н. Штремер и В. Ф. Кожевникова.

Тюремный снимок 1904 года.

№ 2165 г 9

1-9-04

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

7е ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

Об Елене Стасовой

15/VII 190 4

4

Обложка полицейского дела о Елене Стасовой (1904 год).

Далее следует длинный-предлинный допрос. Жандарм пытается добиться от вдовы Беклемишевой признания, что вовсе она никакая не вдова, а попросту воспользовалась чужим паспортом. Она же сбивает его с толку, одновременно прощупывая, выясняя, что знают жандармы, а чего не ведают. Но, увы, им слишком многое известно.

Фуллон спрашивает:

— А может быть, вы Стасова, Елена Дмитриевна?

Она тотчас же парирует:

— А почему я должна быть Стасовой?

Волынка тянулась долго. Поручику все никак не удавалось направить допрос в надлежащее русло, а арестованная не хотела отказать себе в удовольствии поиздеваться над жандармом. Хотя отчетливо сознавала, что игра ее на сей раз проиграна. И все же...

Поручик, отчаявшись выбраться из лабиринта, приступил к писанию протокола.

— Признаете ли вы себя виновной?

Она отвечает вопросом:

— А кого вы спрашиваете?

— Беклемишеву.

— А кто вам сказал, что я Беклемишева?

Самодовольное лицо поручика вытягивается. Пауза. Видно, как адски трудно Фуллону выпутаться из тупика. Наконец он приходит в себя:

— Я спрашиваю Елену Дмитриевну Стасову.

— А Стасова от каких бы то ни было показаний отказывается.

Опять пауза. Поручик вытирает лицо платком.

— Тогда я спрашиваю Беклемишеву.

— Ее и спрашивайте. За нее я не отвечаю...

Стасова отлично понимала, что охранка знает, с кем имеет дело. Но и на последующих допросах Елена Дмитриевна отказывалась отвечать. На подмогу недотепе поручику пришли более опытные полицейские и прокурорские чины. Она упорствовала:

— Показаний давать не намерена!

В такой тактике был свой резон. «Что «голубым мундирам» известно, то при них и останется,— думала она,— а от меня никаких дополнительных сведений они не получат! Никаких!»

Елена Дмитриевна чувствовала, что «села» прочно. Это стало особенно ясным, когда помощник прокурора

предъявил ей фотографии Николая Баумана и Артура Циглера:

— Этих-то господ, я надеюсь, вы знаете?

— Этих? В первый раз вижу...

Как попала Елена Дмитриевна в Нижний, а потом и в московскую тюрьму?

Прибыв в Киев по вызову члена ЦК партии Кржижановского, она не смогла там задержаться — произошел крупный провал, многие товарищи арестованы. Кржижановский проинструктировал Стасову, дал необходимые поручения и советы. А первейший из них — поскорей уехать из Киева.

Елене Дмитриевне, когда она в спешке покидала отчий дом, удалось захватить с собой только самое необходимое, да и денег взяла в обрез. Кошелек ее пуст. И Кржижановский, к сожалению, помочь не может — партийная касса, как на грех, тоже пуста.

Безвыходное положение?! Выход, однако, нашелся.

— Где у вас тут ломбард?

И она решительно сняла золотую цепочку, на которой висели часики и брошь с аметистом. Заложив их, добыла денег на дорогу.

Зима 1904 года прошла в разъездах. Орел. Курск. Смоленск. Минск. Вильно...

Задача Абсолюта — установление связей с товарищами, разъяснение ленинской линии. Борьба за партию, против меньшевиков и примиренцев. Участие в создании Северного бюро Центрального Комитета РСДРП.

Региональные бюро — Северное, Южное, Восточное — организовались для связи заграничного большевистского центра с партийными комитетами России. Эти бюро были в то время главной опорой Ленина, важнейшим звеном партийной работы.

Кочевье из города в город. Явки. Меблированные комнаты. Ночевки в квартирах товарищей. Или в квартирах незнакомых людей, куда тебя определили на ночлег. Прием не всегда радушный. Иногда отчужденно-вежливый, а бывает, и недружелюбный, когда хозяин всем видом своим показывает, что постоялец ему в тягость... Питание всухомятку, беготня по незнакомым

улицам в незнакомых городах, стук в чужие двери, звонок в неизвестную квартиру... И все время в напряжении: как бы не привести за собой «хвоста», не возбудить интереса к своей персоне...

Трудная жизнь революционера-подпольщика.

Она устает. Нервы напряжены до крайности. Но она не ропщет. Да, такую вот жизнь она искала, к такой жизни шла сознательно и с этого пути не свернет!

...Тогда в Питере, в предновогоднюю ночь, Крестников ее проводил на вокзал, усадил в поезд...

Сам Константин Алексеевич прибыл в столицу лишь на побывку. Жил он в Минске, работал в военном лазарете. И еще одна перемена случилась в Костиной жизни — он женился. Прощаясь на Балтийском вокзале, Крестников приглашал Лену приехать в Минск, погостить у них.

— Познакомлю вас с Лизой, надеюсь, вы сойдетесь...

Тогда это был обычный, ни к чему не обязывающий разговор, элементарная вежливость. Скоро, однако, Елене Дмитриевне пришлось воспользоваться приглашением.

Партийные обязанности привели ее в Минск. Явка, которую она имела в этом городе, оказалась не очень-то надежной, и Елена Дмитриевна переехала к Крестниковым. И в другой раз, попав в Минск, опять остановилась у них.

Нет, дружба с Лизой Крестниковой не завязалась. Но помощь она Елене Дмитриевне оказала существенную — отдала ей свой старый, отслуживший службу, но вполне пригодный паспорт. «Вид на жительство» вдовы коллежского секретаря Елизаветы Павловны Беклемишевой.

Добавим попутно, что брак Крестникова и Елизаветы Павловны был непродолжительным и не слишком счастливым. Но это уже другая тема...

Весной 1904 года «вдова коллежского секретаря Беклемишева» обосновалась в Москве. Первые дни жила в квартире Леонида Борисовича Красина — имела к нему явку,— а вскоре сняла комнату у Петровских ворот, в Успенском переулке, что позади старой Екатеринин-

ской больницы. И, как писала потом Стасова в своей книге воспоминаний, «принялась за свою обычную секретарскую работу».

В состав Северного бюро РСДРП входили тогда Грач, Август Иванович и Курц. К ним присоединился Абсолют. Эти революционные псевдонимы принадлежали Николаю Эрнестовичу Бауману, Петру Ананьевичу Красикову, Фридриху Вильгельмовичу Ленгнику. И Елене Дмитриевне Стасовой.

Хотя паспорт, по которому Стасова прописалась в Москве, был «чистым», охранка весьма быстро пронюхала связи «вдовы Беклемишевой» и установила за ней неотступное наблюдение. Филеры ходили по пятам.

В полицейских бумагах сохранился «Дневник наблюдения по гор. Москве за проживающей в д. Шиловой по Успенскому переулку вдовой коллежского секретаря Елизаветой Павловной Беклемишевой, 38 лет, по кличке «Длинной», в период времени с 15 мая по 20 июня 1904 года». В «Дневнике» зафиксирован чуть ли не каждый шаг «негласно поднадзорной».

Возьмем для примера запись, относящуюся к 19 мая:

«Выйдя из дома в 12 1/4 час. дня и посетив почтовое отделение (сдала посылку), Беклемишева отправилась в д. Давыдовой (быв. Спиридоновой) по Мясницкой улице (проживает окончивший курс С.-Петербургского Университета, из дворян, Ник. Ник. Цуханов, 32 л.), где пробыла 15 мин., и посетила: Химико-бактериологический институт (занимается саксонская подданная Розалия-Зинаида Иванович); лечебницу мед.-филантропического общества (не установлено) и дом Санкт-Петербургского Общества страхований по Театральной площади (где проживает зубной врач Пауль-Иоганес Дауге). Выйдя отсюда через 15 мин. и посетив на 5 мин. д. Долгова по Георгиевскому пер. (проживает главный контролер Московско-Курской, Нижегородской и Муромской ж. д. действительный статский советник Андрей Алексеев Желябужский, 59 лет, с женой Марией Федоровной, 36 лет), возвратилась домой».

Из тех, у кого побывала в тот день Елена Дмитриевна и кого внесли в свой дневник филеры, не все известны нам. Но два имени вошли в историю партии. Это Павел Георгиевич Дауге, большевик, видный деятель революции. Это Мария Федоровна Андреева, актриса Художественного театра, большевичка, будущая жена

Максима Горького, ради которого она покинула своего первого мужа, важного чиновника Желябужского.

Еще одно краткое пояснение к только что процитированному филерскому дневнику. Мы прочли там кличку Длинная. Такова была практика «наблюдения» — жандармы давали поднадзорному свое имя, под которым человек проходил в полицейских документах. Стасову тогда назвали Длинной. А вот позднее, через несколько лет, в другом «наблюдении» жандармы нарекли ее Дельной. Не правда ли, куда более точно?

Берем еще одну полицейскую бумагу, относящуюся к тому же маю 1904 года. Начальник московского охранного отделения подполковник Ратко докладывал департаменту полиции, что под Москвой, в Петровско-Разумовском, «была констатирована сходка интеллигентов в количестве 5-ти чел., из которых филерам удалось провести трех лиц, а именно: женщину, кличка Длинная (в революционных кружках называется «Екатерина Петровна»), а по установке оказавшаяся вдовой коллежского секретаря Елизаветой Павловной Беклемишевой (живет по чужому паспорту), одного молодого человека, кличка «Загородный», и технолога Дмитрия Дмитриева Буданова, кличка «Роговой». Один же из двух лиц, утерянных наблюдением, по своей наружности весьма напоминает известного департаменту полиции Баумана».

Страницей дальше высказано предположение: Длинной, вероятно, принадлежит псевдоним Абсолют...

Если раньше московская охранка бродила впотьмах, то к началу лета картина для нее стала проясняться. Она решила приступить к «ликвидации» Северного бюро партии социал-демократов, на что подполковник Ратко и испрашивал дозволения у своего петербургского начальства.

...Жаркий июнь. Елизавета Беклемишева съехала с квартиры в Успенском переулке — очень уж докучали филеры, их наглость переходила все границы. Сняла дачу в подмосковном Кускове, благо туда можно ездить и по Нижегородской и по Казанской железной дороге. Дача, так сказать, с двумя выходами. Перемена местожительства и некоторые несложные изменения в наружности — смена платьев, прически — позволили ей

на время оторваться от преследователей. Филеры ее потеряли, правда ненадолго, но и это давало некоторый выигрыш. Пусть небольшой, всего на несколько дней, выигрыш этот ей жизненно необходим...

Именно тогда в Москву был прислан отпечатанный типографским способом «журнал» — «Ведомость о лицах, подлежащих розыску». Она секретно направлялась «господам губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам, начальникам губернских жандармских управлений...». И так далее и тому подобное. В этой ведомости фамилия Стасовой значится под номером 91. Изложены некоторые данные о Елене Дмитриевне, о ее ближайших родственниках. Предписано: «По разыскании надлежит обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение начальника С.-Петербургского жандармского управления».

Да, объявили всероссийский розыск петербургские жандармы, от них Елене Дмитриевне удалось уйти зимой, в ту морозную ночь под Новый год.

Теперь жандармы московские идут по ее следу, собирают и группируют данные, регистрируют улики и готовятся посадить за решетку всю группу московских большевистских руководителей.

Полиция располагает еще одной уликой — перехвачено письмо, которое «вдова Беклемишева» отправила за границу по условленному адресу. Письмо написано «химией», но жандармам удалось проявить текст. И прочесть:

«Пишет Абсолют.

Дорогие друзья, не писала вам давно, так как решительно было недосуг. У всех нас одно время появились неприятные признаки, пришлось многое изменять, хлопот было отчаянно много и главным образом мне, ввиду моего более счастливого положения. Теперь мало-помалу дело приходит в норму, но все же много еще придется повозиться. Кое-что хотим несколько сократить на летние месяцы.

План действий таков: двигаться группой, завоевать комитет — и дальше. Валентин устранился от дел, и всем теперь будет ведать Руль. За Валентином слежка, а потому и скрылся. Пока всего лучшего. Горячий привет».

Дорогие друзья, к которым обращался Абсолют,— это Ленин и Крупская. Псевдоним Валентин принадле-

жал представителю Центрального Комитета Гальперину, в ту пору он примыкал к примиренцам.

Свое письмо Елена Дмитриевна отправила 14 июня.

Ей отвечала Надежда Константиновна. Ответ шел кружным путем, через Нюрнберг, по московскому адресу Дауге.

И это послание было перлюстрировано в охранке и приобщено «к делу». В руки Стасовой оно попасть не успело.

В ночь на 19 июня в Москве и на подмосковных дачах полиция произвела массовые обыски, девять человек арестовали, с семерых взяли «подписку о невыезде».

Список «представителей Российской социал-демократической партии и Центрального Комитета оной», которых, как писал начальник московской охранки, «представилась неотложная необходимость арестовать», открывал Николай Бауман. О нем в полицейском документе сказано: «Бауман один из самых серьезных деятелей и притом очень практический человек».

Когда ночью нагрянула полиция, Бауман и его жена Капитолина Медведева забаррикадировали двери, «почему, объясняли жандармы, войти в квартиру пришлось силой». Баварский подданный Артур Циглер, будучи арестован на даче в Перове, бурно протестовал... по-немецки, ибо по-русски не умел сказать ни слова.

Что касается Елизаветы Беклемишевой, то ей в ту ночь удалось ускользнуть от полиции. Московская охранка спешно послала своих «наблюдательных агентов» в Кострому, Ярославль и Нижний Новгород — на перехват! В Нижнем ее настигли.

Ну, а дальше? 26-го Беклемишеву доставили в Москву, определили в Таганскую тюрьму. В тот же день она познакомилась с поручиком Фуллоном...

Через трое суток после первого допроса, когда стало вполне очевидно, что жандармам все известно, а игра «в кошки-мышки» успела наскучить, она призналась:

— Да, я Стасова!..

Фуллон торжествовал. Он стал выговаривать арестованной:

— Ну, стоило ли время тянуть?! Сопротивление лишь усугубит ваше положение!

Стасова с нескрываемым презрением поглядела на жандармского офицера и тихо промолвила:

— Еще неизвестно, чье положение будет хуже. И когда.

Прошло две недели сидения в Таганке, и другой поручик, Орчинский, вкупе с жандармским врачом Прохоровым оформили так называемый «протокол примет» заключенной Стасовой. В этом документе, составленном 9 июля, одиннадцать параграфов. Доктор Прохоров произвел необходимые обмеры и внес в протокол данные о длине и ширине головы, длине среднего пальца и мизинца левой руки, длине и ширине правого уха, длине распростертых рук, длине ступни левой ноги, росте — стоя и сидя. «Протокол примет» был нововведением московских жандармов.

В нем было зафиксировано, что Елена Дмитриевна Стасова, учительница, великоросска, лет от роду имеет 31, телосложения среднего, цвет волос у нее темно-русый, а цвет глаз — серый. Из особых примет отмечены рубец на указательном пальце правой руки и родинка на правой стороне шеи.

Когда этот унизительный обмер окончился, Стасова тихо спросила доктора Прохорова:

— И не совестно вам, медикусу, заниматься этой жандармской инвентаризацией?!

Врач не ответил — то ли не нашелся, то ли не пожелал вступать в пререкания. Но шея его над белым халатом побагровела.

Тогда же, в тюрьме, был сделан и фотоснимок по установленному образцу: анфас и профиль. Когда вглядываешься в это «произведение» полицейского фотографа, бросается в глаза гордая осанка арестованной. И спокойный, может быть, чуть ироничный взгляд. Будто думает о чем-то своем, а ко всем тюремным процедурам, да и к самому аресту относится как к делу, хотя и неизбежному, но временному...

Стасова, объявив жандармам, что она и есть Стасова, от дальнейших объяснений отказалась наотрез. Не пожелала отвечать на вопрос о виновности и вообще не захотела разговаривать.

Руководствовалась советами из нелегальной брошюры «Как держать себя на допросах», изданной в Женеве и широко распространенной в кругах русских революционеров. Логика весьма простая: чем меньше говоришь, тем меньше проговариваешься!

Сперва ее таскали на допросы по «московскому делу». Молчала.

Потом, когда в Петербурге стало известно об аресте Стасовой, столичное охранное отделение попросило своих московских «коллег» допросить арестованную и по числящемуся за ней «петербургскому делу».

Жандармский полковник Касаткин в пространнейшем секретном «отношении» просил добиться от Стасовой показаний «по нижеследующим вопросным пунктам». Дальше эти восемь «пунктов» излагались:

«1. Признает ли она, Стасова, себя виновной в принадлежности к С.-Петербургскому Комитету Российской социал-демократической рабочей партии, т. е. в совершении преступления, предусмотренного 126 ст. Угол. Улож.

2. В чем выражалась ее, Стасовой, преступная деятельность в целях вышеупомянутой партии; когда и где она, Стасова, пользовалась при своих сношениях прозвищем «Анна Александровна»; не пользовалась ли она еще и другими прозвищами; что ей, Стасовой, известно об организации и составе названной партии...

4. Когда, в течение времени с мая месяца 1903 года находилась в отлучке из г. С.-Петербурга она, Стасова; где в С.-Петербурге проживала; как часто посещала она летом 1903 г., в отсутствие своего дяди В. В. Стасова, его квартиру в д. № 24 по 7-й Рождественской ул.; что она при своих посещениях в означенной квартире делала, а именно: какие нелегальные издания туда доставляла, кто и с какими целями являлся к ней в эту квартиру; кому были передаваемы ею там нелегальные издания для относа в другое место...»

Не стоит дальше цитировать этот документ. До самого конца он составлен с такой же степенью подробности.

Елена Дмитриевна только саркастически улыбалась, когда поручик Фуллон — опять Фуллон! — с выражением зачитывал ей петербургские вопросы. Усмехалась и помалкивала.

Лишь раз, не удержавшись, спросила: а не родственником ли его, поручика, является столичный полковник Касаткин? Фуллон тотчас же ответствовал:

— Никак нет-с!

А потом, уставившись на Стасову, в свою очередь поинтересовался:

— Собственно говоря, какое это имеет значение?

На что последовал немедленный ответ:

— Никакого! Ровным счетом...

Допрос все же привел Елену Дмитриевну в столь веселое настроение, что она при очередном обходе начальника тюрьмы на стандартный вопрос, имеются ли жалобы либо просьбы, заявила, что да, просьба есть. И высказала желание, чтобы ей отвели вторую камеру — в одной будет сидеть по «московскому делу», а в другой — по «петербургскому»... Начальник тюрьмы вначале оторопел, но вскоре нашелся, ответил шуткой на шутку:

— Казенными квартирами мы обеспечим, за этим дело не станет!

Летом 1904 года непопулярная русско-японская война, в которой самодержавие терпело поражение за поражением, рост революционной активности рабочего класса, крестьянские волнения, студенческое движение с требованием политических свобод — все это заставило царизм несколько изменить внутреннюю политику, пойти на кое-какие уступки и послабления. Наступила, как тогда говорили, «либеральная весна». Это, естественно, отразилось и на тюремных порядках. Именно тогда, когда Стасовой довелось проходить «первый курс» своего «тюремного университета».

На общей прогулке, дважды в день, удавалось встречаться с товарищами. Сквозь решетки раскрытых окон ухитрялись передавать с этажа на этаж, из камеры в камеру записки. Больше того, из окон переговаривались в открытую, вели дискуссии, даже пытались читать рефераты. Через уголовных заключенных, с которыми встречались на прогулке, посылали на волю записки. Да и некоторые надзиратели не прочь были за известную мзду выполнить заказы арестованных на литературу, на продукты. Книги доставляли беспрепятственно.

Бауман, с которым у охранки особые счеты,— спи-

сок его прегрешений был велик, не забыто и участие в знаменитом побеге из киевской Лукьяновской тюрьмы — содержался в изоляторе. И все же участвовал во всей довольно оживленной общественной жизни политических заключенных Таганки.

Бауман пользовался большим авторитетом у всего «тюремного населения»; уголовные величали его «дядя Коля», хотя этому «дяде» не так давно сравнялось всего-навсего тридцать (они с Еленой Стасовой одногодки).

Попутно скажу, что и Стасова, хотя еще вовсе не была опытным тюремным «сидельцем», удивительно быстро снискала всеобщее уважение. Товарищей расположила к себе стойкостью. Уголовных арестантов — смелостью. Надзирателей — независимым поведением. И тех, и других, и третьих — потрясающей работоспособностью.

И, сидя в тюрьме, Стасова не изменила привычке систематически трудиться. День точно распределен. К тюремному регламенту (подъем, уборка камеры, прием пищи и т. п.) прибавился свой строжайший распорядок. На сон отведено шесть часов в сутки — не больше. (Впрочем, к этому она приучила себя уже давно, «на воле».) Утром — три часа на изучение юридических наук. Читала университетские учебники по государственному, уголовному, гражданскому праву. Изучение юриспруденции входило в разработанный ею комплекс знаний, необходимых революционеру. Чтобы, если понадобится, быть во всеоружии. Чтобы бороться с противником — всякими судейскими и прокурорскими чинами — его же оружием: ссылками на законы и уложения, на параграфы и пункты... Кроме всего прочего, Елена Дмитриевна считала, что юридические науки приучают к логическому мышлению.

Затем шитье, штопка, уборка камеры. Это давало своего рода физическую зарядку, смену ритма. Потом занятия языками, чтение книг на английском, французском и немецком языках; с детских лет она привыкла работать со словарями, и в Таганке добилась того, что доставили в камеру нужные ей словари.

Ну, а потом, к вечеру,— благо темнеет летом поздно — чтение газет и политической литературы. В том числе и подпольных изданий, проникавших в Таганскую тюрьму чаще всего в обложках безобидных научных или религиозных книг. Так пронесли сюда и труд

В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», вышедший в Женеве и только что привезенный в Россию.

Стасова с пылом взялась штудировать страницу за страницей. Всей душой она была с автором этой книги против буржуазно-интеллигентского индивидуализма в партии, за пролетарскую организацию и дисциплину. Удивительно точно и четко писал Ленин: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации». Всем своим практическим революционным опытом Стасова готова подтвердить эти ленинские слова.

День заполнен до предела (вот он, «тюремный университет»!). Львиная доля его занята самообразованием.

Определенное время, и немалое, отводилось также писанию писем на волю, шифрованных разумеется. Из Таганки письма шли и за границу, к Ленину и Крупской.

Так, известно письмо, полученное Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной от Ленгника и группы большевиков, находившихся в Таганской тюрьме. Из Москвы оно послано 4 сентября. Письмо проникнуто оптимизмом, от него веет духом борьбы. Да, узники Таганки готовы продолжать борьбу за партию, против меньшевиков и примиренцев. Они намечают план наступления и сообщают об этом Ленину, советуются с ним.

Бодрое настроение отличает таганских «сидельцев». О, это радует, воодушевляет большевиков, находившихся в эмиграции. Вести из России, приходившие в Женеву, на улицу Каруж, 91, где жили тогда Ульяновы, все сообщения свидетельствовали о нарастании революционного подъема в стране. Скоро, скоро грянет буря!

Из Швейцарии встречным потоком также шли письма.

Вот одно из них, тайными путями дошедшее к большевикам Таганской тюрьмы. Надежда Константиновна по поручению Ленина сообщала о том, что наконец-то удалось организовать свое издательство («Издательство В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина»). Теперь многие организационные трудности позади, большевики получили возможность выпускать свою литературу. Необходимы новые литературные силы. Издатели серьезно рассчитывают и на тех товарищей, которые сейчас отделены от воли толстыми стенами и ржавыми решетками Таганки.

Конечно, стены и решетки страшно затрудняли общение, но оно продолжалось. Стасова вспоминала, что политические заключенные Таганки ухитрялись даже

тогда выпускать рукописную газету, в одном из номеров которой была помещена заметка о ленинской работе «Шаг вперед, два шага назад».

Азбучная истина: знание языков всегда приносит пользу. Елена Дмитриевна смогла убедиться в этом еще раз, когда надзиратель передал ей просьбу (заметьте: просьбу, не приказ) начальника тюрьмы — объясниться с арестованным баварцем Циглером. Ни слова этот немец по-нашему не разумеет, ничего ему не втолкуешь, самые простые приказы не выполняет. Так уже постарайтесь ему объяснить...

Сперва Стасова собралась было отказаться от столь лестного предложения, но быстро смекнула, что можно извлечь пользу для дела — и с товарищем общаться, и линию поведения совместно выработать.

Месяца два, а может и больше, Стасова выполняла обязанности переводчика. До той минуты, когда безъязыкий Циглер не решил расстаться с придуманной им ролью и не заговорил на чистом русском языке!

Несколько раз начальник тюрьмы через надзирателей обращался к заключенной Стасовой с приватной просьбой: не согласится ли она сделать небольшой перевод с французского? Она соглашалась. Тексты для переводов были учебными, несложными — о королях франков, Меровингах и Каролингах...

Ларчик открывался просто: сын начальника тюрьмы, обучавшийся в кадетском корпусе, не проявлял желания изучать иностранные языки. За этого-то недоросля Елена Дмитриевна и выполняла учебные задания. На общей прогулке при встречах с товарищами посмеивалась:

— А кадетик мой явные успехи выказывает. Опять высший балл за перевод получил. Им с папенькой приятно, да и мне небесполезно — все-таки упражнение!..

За стенами Таганки бушевала жизнь, внутри все шло по-заведенному. Передачи с воли да редкие свидания с родными, на что требовалось особое разрешение, вносили разнообразие. Словно ветерок свежий залетал в тюрьму.

Стасова мечтала о приезде своих из Питера. И вот днем, в неурочный час, отрывочная команда надзирателя: Собирайтесь. На свидание!

— Экая жарища,— Владимир Васильевич отдувался и вытирал лицо платком.— Духотища. Пылища.— Он умолк, подыскивая еще словцо, оканчивающееся на «ща», и потянул носом воздух. В Таганке пахло застоявшейся сыростью, гнилой капустой, еще черт знает чем.— М-да!..

Начальник тюрьмы подобострастно подхватил:

— Да, знаете, ваше высокопревосходительство, парфюм у нас не того... Место заключения-с, изволите видеть...

— Вижу, знаю...

Он и не пытался скрыть раздражения. Все, все злило его: пыльная в этот томительный день Москва, длиннополый сюртук, в который он заставил себя облачиться, унылый тюремный «пейзаж». «Скоты, скоты»,— повторял он про себя, бросая орлиный взгляд на начальника тюрьмы. А тот, будто не ощущая раздраженности гостя, почтительно сопроводил его в камеру для свиданий.

Почтительно — так требовали от начальника его начальники: «Помните, милейший, сей старец — тайный советник, почетный академик, у всей Европы на виду... По пустякам не возбуждайте... И содействие окажите, поелику возможно... Однако, не переступая...»

Начальник тюрьмы не переступил. Свидание тайного советника Владимира Васильевича Стасова с заключенной Стасовой Еленой, состоявшееся 7 сентября, проходило, как положено, в камере для свиданий, сквозь две решетки. Длилось, правда, чуть больше положенного. И присутствовал при сем не какой-нибудь дежурный надзиратель, а самолично начальник Таганской тюрьмы...

Когда ввели Елену и она заняла свое место на скамье, по ту сторону плотных железных прутьев, первые мгновения оба ужасно волновались, но ни тот, ни другая старались этого не выказать.

— Ну, здравствуй, госпожа Калашникова! — ласково сказал Владимир Васильевич. Повернувшись к начальнику тюрьмы, он пояснил: — Этим псевдонимом, знаете, в свое время я наградил племянницу. За мной первенство...

Начальник тюрьмы ничего не понял и счел за благо промолчать.

Между тем разговор — сквозь решетки — завязался быстрый, сбивчивый, «торопящийся во весь галоп» (так

потом определил Владимир Васильевич, написав брату Дмитрию о встрече с Леной).

Стасов заехал в Москву, возвращаясь в Питер из Ясной Поляны; свежи были впечатления о Толстом, и он спешил поделиться ими с племянницей. Рассказал «в лицах» о пребывании в усадьбе, о людях, которых повидал. Передал поклон от самого Льва Великого — Стасов иначе писателя не называл.

— Известно ему стало, куда и по какой надобности я собрался. Лев Великий пожелал тебе доброго здравия...

Разговор перекинулся на дядюшкиных любимцев, Владимир Васильевич не преминул сообщить о каждом: о Максиме Горьком, о Федоре Шаляпине, об Элиасике (так все звали стасовского закадычного друга, скульптора Илью Гинцбурга), о последнем своем увлечении, шестнадцатилетнем гимназисте Самуиле Маршаке: «Талантлив, бестия, чрезвычайно. Дорогого стоит этот молодчик. Ты еще увидишь, Лена...»

Стасов словно бы и позабыл, что рядом — начальник тюрьмы. Хотя боковым зрением все время наблюдал за ним. Но «барин с эполетами» — так назвал его Стасов в том же письме к брату — помалкивал, лишь изредка позволяя себе улыбнуться.

Лена была счастлива. Она гордилась этим могучим стариком, кровным родством с ним, его крутым нравом. А главное — близостью духовной. И он, рассказывая иной раз всерьез, иной — балагуря, нет-нет да и бросит на нее мимолетный взгляд. Вроде бы ничего — весела, бодра, по-прежнему храбра,— вот только побледнела и чего-то голос стал хриплым.

Ответила Лена, что хрипота пустячная, от простуды, но уже проходит. Не обращайте внимания, дядя.

...Время свидания давно истекло. «Барин с эполетами» все настойчивее покашливал, давая понять, что пора, дескать, прощаться. За решеткой, на Лениной стороне, появился стражник... А они все никак не могли наговориться, перекидывались торопливыми фразами.

Уходя, Стасов спросил, не надобны ли ей деньги. Может, книг нужных не хватает? Пришлю...

— Все есть. Ни в чем не нуждаюсь. Спасибо.

Уже спускаясь с лестницы, Стасов дал волю своим чувствам, восхищенно пробурчал, будто в бороду: «Ну какова?! Не согнулась! Наш, стасовский корень!»

«Барин с эполетами» сделал вид, что не слышит этой тирады. Уж больно много забот принес ему «стасовский корень». Не раз докладывали ему подчиненные о строптивости этой политической...

Уехал Владимир Васильевич, и Стасова вернулась к ставшим уже привычными тюремным будням.

Однако, ненадолго.

В Таганке политические начали голодовку. Причина: возмутительно долго держат в тюрьме товарищей, следствие по обвинению которых закончено много месяцев назад, давно пора передавать дело в суд, а жандармы не торопятся. Умышленно тянут.

На общей прогулке тринадцать политических договорились через десять дней объявить голодовку, поставив ультимативное условие, чтобы не позднее 10 ноября каждому установили срок судебного разбирательства.

Власти пытались преградить путь голодовке. Зачастили в тюрьму разного сорта «голубые мундиры», всяких мастей чиновники — полицейские, прокурорские, судейские и иные прочие. Посыпались уговоры и обещания, посулы и угрозы. Все их усилия, однако, не подействовали: тринадцать стояли стеной. Голодовка будет! Более того. Решили: ежели к 16 ноября требования тринадцати товарищей не будут полностью удовлетворены, к голодовке примкнут остальные политические Таганки, до восьмидесяти человек.

Весть о голодовке быстро распространилась по Москве, по стране и за ее границами. Об этом позаботились и сами заключенные, и их товарищи, оставшиеся на свободе, и их родственники.

Социал-демократическая организация высших учебных заведений Москвы отпечатала и распространила специальную прокламацию. Заглавие листка: «Голодовка в тюрьме».

В тексте коротко и четко излагались обстоятельства, заставившие узников Таганки прибегнуть к такому сильнодействующему средству. В листке говорилось: «...голос наших товарищей (участников голодовки.— *Авт.*) является не только протестующим против тех мер угнетения, которые употребляются правительственными чиновниками по отношению к заключенным, но и голосом, *изобличающим* ту двусмысленную политику, за которую ухватилось русское правительство после позорных пора-

жений на Дальнем Востоке и которой оно пытается усыпить негодующее общественное мнение».

Прокламация разоблачала. И призывала продолжать беспощадную борьбу с правительством, не поддаваясь на обещания и другие уловки.

Стасова не принадлежала к тринадцати застрельщикам протеста по той простой причине, что «дело» ее еще не было закончено. Но она тотчас же и безоговорочно решила присоединиться к голодовке — на втором ее этапе.

«Никто из нас не может и не имеет права не поддержать требований товарищей»,— убеждала она колеблющихся. Об этом же написала Владимиру Васильевичу, мотивируя свое предстоящее участие в голодовке.

Требования тринадцати не были удовлетворены полностью и в срок; 16 ноября все политические заключенные Таганки отказались от пищи.

Как всегда, в урочный час открывалась форточка в дверях камеры. Надзиратель громко объявлял: «Обед» — и в дверную прорезь просовывался котелок с супом. Тюремная баланда, еще вчера столь тошнотворная и приевшаяся, сегодня благоухала, казалась роскошным блюдом... Но котелок с едой немедленно выталкивался в ту же форточку, в которую его ставили. И хлеб и сахар — все убрать!

Приходил врач, прослушивал пульс, читал нотацию, убеждая щадить здоровье. Стасова молчала, отворачивалась, не тратила силы на пререкания... Все же на прогулку — дважды в день по десять минут — выходила. Не без труда поднималась с койки. Да и на тюремном дворе, вопреки обыкновению, не вышагивала, а присаживалась на скамейку. Берегла жизненную энергию.

Никаких особых ощущений в дни голодовки Елена Дмитриевна, как ей вспоминалось, не испытывала. Разве только сны снились. Обычно сновидений не бывало, а тут подряд, и снилась всяческая еда!.. Ну, и работать с обычной нагрузкой не удавалось, читала беллетристику, старалась думать о приятном, радующем глаз, например о цветах: как выглядят розы, как пахнут... Голодовка сделала свое дело: на шестой день требования политических заключенных были удовлетворены.

Стасова довольно спокойно перенесла голодание. А вот ее близкие обеспокоились ужасно. Нетрудно понять стариков Стасовых. Они знали, что здоровье дочери

серьезно подорвано: больны легкие, начинается цинга. Ведом им был и характер их Лены — ее упорство, упрямство; понимали, что она не отступится от принятого решения, чего бы ей это ни стоило!..

В одном из писем Владимир Васильевич назвал голодовку в Таганке «страшным и трагическим делом». Зато после победы заключенных в его письме прозвучали торжествующие нотки: «Как это счастливо, как чудесно! Все мы в восхищении». В другом письме — возврат к той же волнующей всю семью теме: «Самое утешительное, конечно, из последнего времени то, что наша Лена спасена от большой беды... тучи благополучно разошлись, и голодовка сама собою кончилась. Это — великое счастье...»

Родные пустили в ход все связи, чтобы добиться освобождения Елены Дмитриевны под залог. Власти наконец дали согласие, запросив с Дмитрия Васильевича тысячу рублей. По тогдашним временам деньги очень большие. Узнав об этом, Елена Дмитриевна советовала отцу торговаться; ей известно, что отпускают и за гораздо меньшую сумму.

Освобождению под залог предшествовала переписка Елены Дмитриевны с отцом, раз и навсегда прекратившая попытки родных убедить Лену не рисковать, ослабить темп революционной работы, отдохнуть. Она знала, как трудно Дмитрию Васильевичу собрать залоговую сумму, понимала, что деньги эти пропадут. Она сильно любила родных, не хотела их огорчать и все же отступать не собиралась.

На уговоры отца она в письме из тюрьмы отвечала так: «Пойми, дорогой, что в этом моя жизнь, в этом и только в этом... без этого моего дела я не способна жить, это плоть от плоти моей...» Да, душа болит, когда она думает, сколько огорчений приходится переносить из-за нее старикам родителям, но иначе жить она не может, не станет!

С той поры ни отец, ни кто-либо из родных не пытались воздействовать на Елену Дмитриевну. Понимали, что все попытки напрасны. К естественной тревоге родителей за дочь примешивалось — и тогда и позже — чувство гордости. Вот какая она у нас несгибаемая!

В официальной справке департамента полиции объявлено, что Стасова 16 декабря 1904 года «отдана под залог в размере 1000 руб., местом жительства избрала С.-Петербург». В столице, разумеется, должна находиться под особым надзором.

Но прежде чем откроются массивные ворота Таганской тюрьмы, прежде чем она вдохнет свежий морозный воздух за тюремной оградой, Елена Дмитриевна должна попрощаться с товарищами. С теми, кто остается. Она спешила передать адреса явок, номера телефонов. К удивлению и даже восхищению товарищей, Елена Дмитриевна помнила все необходимые сведения — номера домов, квартир, телефонов и прочее. Какими-то одной ей ведомыми приемами Стасова так натренировала свою память, что все «держала в голове». Когда ее спрашивали, где умудряется она хранить свои записи, приставляла палец ко лбу: вот! При этом и не старалась удержать горделивую, мальчишескую улыбку: знай, брат, наших!..

Товарищи, остававшиеся в тюрьме, надавали Елене Дмитриевне немало поручений и просьб, главным образом, конечно, личных! Было и одно важное коллективное поручение большевиков — заключенных Таганки. Связано оно с яростными спорами: как революционеру вести себя перед судом? Вопрос отнюдь не простой. В те дни он стал особенно актуальным потому, что летом 1904 года власти утвердили новое уголовное уложение: отныне дела политических рассматривались не в административном порядке, как прежде, а судебными палатами в открытом заседании с прокурором и адвокатами. Этот новый порядок был некоторой уступкой правительства общественному мнению. Правда, дальнейшие события показали, что и «открытый суд» свирепствовал не менее жандармского.

Товарищи поручили Абсолюту поскорее написать Старику, попросить Владимира Ильича, чтобы он ответил: как вести себя на суде? какой придерживаться тактики? приглашать ли адвоката? признавать ли себя членом партии или вообще отказываться от показаний и объяснений?

Словом, возникали десятки принципиальных и практических вопросов.

Выйдя из тюрьмы, Стасова тотчас же изложила эти вопросы в письме Владимиру Ильичу. Быть может, он

напишет брошюру, где изложит свою точку зрения? Хорошую службу сослужила бы такая книжечка.

Ленин сразу же ответил на письмо Абсолюта. Известно, что 4(17) января пришло оно в Женеву, а 6(19) было написано ленинское «Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме».

«Я бы не считал удобным,— писал Владимир Ильич,— сейчас же, без указаний опыта, пускать брошюру». Он предложил кому-нибудь из товарищей написать статейку для газеты «Вперед». Это было бы, пожалуй, самое лучшее для начала дискуссии. «Лично я не составил еще себе вполне определенного мнения,— продолжал Владимир Ильич,— и предпочел бы, раньше чем высказываться решительно, побеседовать пообстоятельнее с товарищами, сидящими или бывавшими на суде».

Но Ленин высказал в своем письме «предварительные соображения» по вопросу, который волновал товарищей.

Забегая вперед, отметим, что эти «предварительные соображения» очень пригодились большевикам. В том числе и самой Стасовой. В годы ее мопровской деятельности (об этом будет рассказано в соответствующем месте повести) много раз приходилось учить борцов-антифашистов достойному и целесообразному поведению в суде. Основополагающими при этом всегда были ленинские замечания. И до наших дней в странах капитала тысячи и тысячи революционных борцов, когда им приходится предстать перед классовым буржуазным судом, руководствуются ленинскими «предварительными соображениями». Вооруженные ими, ведут бесстрашную борьбу с судейским произволом.

В конце письма Владимир Ильич снова подчеркнул: «Надо дождаться некоторых указаний опыта. А при выработке этого опыта товарищам придется в массе случаев руководиться взвешиванием конкретных обстоятельств и *инстинктом революционера»*.

Последние два слова выделены Лениным. Инстинкт революционера! Как часто он выручал и саму Стасову.

На этом, однако, Владимир Ильич не поставил точку. В письме имеется приписка, полная тепла, заботы о товарищах, желания их приободрить:

«Большой, большой привет Курцу, Рубену*, Бауману и всем друзьям. Не унывайте! Дела у нас теперь пошли хорошо. Со скандалистами мы развязались наконец. С тактикой отступления порвали. Теперь мы наступаем. Русские комитеты тоже начинают разрывать с дезорганизаторами. Газета своя поставлена. Практический центр свой (бюро) есть. Газеты вышло два номера, на днях (23.I.1905 нового стиля) выходит 3-ий. Надеемся выпускать еженедельно. Желаю здоровья и бодрости!!».

— Мы еще повоюем! — уверял Ленин друзей.

О, как стремилась Стасова скорей стать в строй. Бледная, с кровоточащими деснами, надсадно кашляющая, она и не помышляла об отдыхе.

Мы еще повоюем!

Декабрь 1904 года. Петербург. Елена Дмитриевна дома, на Фурштадтской, среди родных. В гостиной украшают елку — столица готовится к рождественским праздникам. У Стасовых двойной праздник — Лена вернулась!

Год ее не было в отчем доме. Да. Целый год прошел, трудный, тревожный. Чего прибавил он ей? Опыта. Революционной и жизненной закалки. Чего убавил? Здоровья. Но энергия, устремленность, убежденность и вера большевика не уменьшились ни на йоту. Напротив, возросли.

Дом, уют, тепло семейной встречи, святочные развлечения. Значит, передышка? Куда там. Буквально на следующий же день после приезда Абсолют приступает к делу.

«Вдова Беклемишева» уходит в небытие. Абсолют действует.

„Работа была очень горячая“

Чуть ли не единственный раз в жизни довелось Елене Дмитриевне испытать мертвящий страх, поддаться панике.

Хочу быть понятым правильно: вовсе не утверждаю, что чувство страха было чуждо Стасовой. Нет. Всякие

---

* Курц — один из партийных псевдонимов Ф. В. Ленгника, Рубен — Б. М. Кнунянца.

в жизни выпадали минуты. Но она всегда владела собой, мгновенно подавляла испуг, брала себя в руки. А тут, когда толпа, шарахнувшись от ружейных залпов, понесла, кинула, словно щепку, в бурлящий поток, лишила воли, тут обуял ее страх.

Случилось это 9 января 1905 года, в день Кровавого воскресенья. Большевики отрицательно относились к попу Гапону, к провокационной идее, которую он проповедовал среди питерских рабочих,— идти с иконами и хоругвями к Зимнему дворцу, нести царю-батюшке прошение... Однако, когда Гапону удалось организовать шествие ко дворцу, Петербургский комитет решил, что большевики пойдут в общих шеренгах. Без оружия, конечно. Членам же комитета участвовать в манифестации не разрешалось: опасались провокаций, арестов, приняли необходимые меры предосторожности.

Стасова, член комитета, в шествии не участвовала. Но в тот день по каким-то делам отправилась на Галерную, в другой конец Петербурга. Возвращаясь, в центре, на Большой Морской, недалеко от Невского, попала под обстрел. Там не было манифестантов, просто обычные прохожие: одни торопились по своим делам, другие степенно прогуливались — тем чудовищнее были залпы. Выстрелы напугали публику. Все бросились врассыпную. Память отчетливо запечатлела эти жуткие минуты. Удушающее состояние страха и бессилия, когда разум велит одно, а ноги сами несут тебя...

Прошел час, другой — и Стасова снова в работе. Заседание комитета, выработка экстренных мер, связь с районами, редактирование листовок, написанных по горячим, пропитанным кровью следам.

За ночь готова и отпечатана на мимеографе большевистская листовка с броским заглавием: «Ко всем».

Слова призыва Петербургского комитета партии простые и ясные, они доступны действительно всем и каждому:

«Товарищи! Кровь пролилась, она льется потоками. Рабочие еще раз узнали царскую ласку и царскую милость. Они шли искать правды у царя и получили от него пули. У Нарвской заставы, у Троицкого моста, на Невском — везде десятки убитых, сотни раненых. Стреляли без предупреждения. Вы видите, что значит *просить* царя, что значит надеяться на него. Так научитесь же *брать силой* то, что надо, научитесь надеяться только

на себя». Листовка звала к стачке, к борьбе, к вооружению. Она напоминала: «Мы, социал-демократы, говорили уже вам раньше, что у царя и чиновников ничего нельзя взять просьбами и мольбами, что на них действует только сила, что они беспощадные враги, а не друзья ваши. Теперь вы сами видите это на деле. Так идем же вместе!»

Цифры жертв Кровавого воскресенья в листовке «Ко всем» оказались сильно преуменьшенными. Когда ее спешно печатали, мрачный итог еще был неполным. Пострадало во много крат больше, чем считали в ту первую ночь: свыше тысячи убитых, около пяти тысяч раненых.

Кровавое воскресенье не только развеяло последние остатки веры рабочих в «доброго царя-батюшку», оно явилось началом революции.

«Рабочий класс,— писал В. И. Ленин,— получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни». Это слова из ленинской статьи, напечатанной в газете «Вперед» (№ 4) через девять дней после петербургского расстрела мирного шествия рабочих. Она озаглавлена «Начало революции в России». В этой и в других статьях и заметках, написанных из швейцарского «далека», Ленин с гениальным проникновением в существо происходивших в России событий поставил первейшую задачу дня: вооружение народа.

Стасова вспоминала: «Работа была очень горячая».

И прежде, и особенно теперь она заботилась о подборе людей для революционного подполья и в этом была непревзойденным мастером. Раздавала поручения — от самых простых до сложных, опасных, ответственных. Проверяла всех на деле.

Один из тех, кого Елена Дмитриевна вовлекла в ряды партии,— Николай Евгеньевич Буренин. Друзья шутливо окрестили его «Небуренин», прибавив к фамилии инициалы, чтобы отличить от однофамильца, печально известного черносотенного журналиста, сотрудника «Нового времени»...

Елена Дмитриевна впервые увидала «Небуренина» в доме своих родителей, на музыкальном вечере.

Представитель известного в столице богатейшего купеческого семейства, элегантно-изысканный светский молодой человек, Николай Евгеньевич был страстным меломаном. Незаурядный пианист, он, казалось, поклонялся одной только музе Евтерпе, покровительнице музыки.

Интерес к музыке и сдружил молодого Николая Буренина с почтенным Дмитрием Васильевичем Стасовым. Буренин стал завсегдатаем стасовских четвергов, играл с хозяином в четыре руки, вместе разучивали они новые произведения любимых композиторов...

Об одном из первых посещений дома Стасовых, о музыкальном вечере, на который он попал, Николай Евгеньевич рассказал в своей книге «Памятные годы».

Закончилась первая часть импровизированного концерта. «...Но вот перерыв. Все идут в столовую. В дальнем конце стола, за самоваром, сидит дочь Стасовых Елена Дмитриевна. Одетая обычно в черное платье, она с приветливой улыбкой разливает чай. Я заметил, что вокруг Елены Дмитриевны был свой мир, живший какими-то особыми интересами. Что это за мир, я узнал позже».

Приглядевшись к Николаю Буренину, не раз поговорив с ним по душам, убедившись в его радикальных взглядах, в недовольстве самодержавным полицейским режимом, Стасова решила привлечь Николая к революционной работе, как он сам сказал позднее, ««вовлекла» в свой мир».

В выборе она не ошиблась. Буржуазное окружение «Небуренина», светские связи и манеры — все это только облегчало Николаю Евгеньевичу выполнять поначалу несложные, а потом все более серьезные поручения Петербургского комитета партии.

Николай Евгеньевич довольно быстро стал главным помощником Стасовой по связям с заграницей, особенно в получении нелегальной литературы, которая шла от большевистского центра по различным каналам. Много остроумных способов находили большевики, чтобы переправить в Россию транспорты литературы. Вплоть до такого: с парохода, совершавшего рейсы из Тулона в русские черноморские порты, литературу, зашитую в брезент, французские матросы тайно сбрасывали в воду

в условленных местах, а специально выделенные люди ждали этого момента и вылавливали непромокаемый тюк...

Риск огромный, да и потери неизбежны.

Постепенно определился основной путь доставки литературы и оружия в Россию — через Финляндию.

Буренин завязал прочные связи с финскими рабочими и интеллигентами. Многие из них, ярые враги царизма, не будучи революционерами, считали делом чести помогать русским подпольщикам. Помогали не за страх, а за совесть.

Мать Буренина владела имением Кириасалы, расположенным близ самой границы с Финляндией. Рядом с поместьем находился русский таможенный пункт.

Николай Евгеньевич зачастил в Кириасалы, приезжал «погостить», «поохотиться», свел дружбу с таможенным начальством, с офицерами-пограничниками, приглашал их в усадьбу, угощал... Время от времени устраивал концерты или демонстрировал модные тогда «туманные картины», пользуясь «волшебным фонарем». Необходимую аппаратуру привозил в ящиках, в громоздких чемоданах. Перезнакомился со всеми чинами, примелькался на границе.

Кто же станет досматривать багаж тароватого барина, гостеприимного хозяина? Ну, а если даже и допустит Николай Евгеньевич какие-нибудь нарушения, что с него возьмешь: артистическая натура! И эта «артистическая натура» стала отличным конспиратором, действовавшим смело и решительно.

Елена Дмитриевна не только руководила работой технической группы при Петербургском комитете партии, но и сама, когда того требовала обстановка, переправляла литературу. Нередко появлялась в Кириасалах, благо, матушка Николая Евгеньевича всегда радушно встречала приятельницу сына. Старой даме импонировало знакомство Коли с такой серьезной, положительной молодой особой, да еще вдобавок носящей столь известную фамилию.

Сохранилась с той поры фотография: Стасова с Бурениным в Кириасалах, расположились у какой-то водовозной бочки. Любительский снимок на непритязательно дачном фоне. Вряд ли кому могло прийти в голову, что эти двое молодых людей, с таким беззаботным видом позировавшие перед фотоаппаратом, приехали

на дачу, чтобы выполнять серьезное партийное поручение. Разумеется, Стасова бралась за перевозку литературы лишь в исключительных случаях. Она понимала, что не имеет права подвергать себя такому риску — ведь ее провал грозил провалом всего дела.

Елена Дмитриевна выезжала не раз в Финляндию, в Швецию. С помощью финских и шведских товарищей, социал-демократов, налаживала транспортировку литературы, отправку людей за границу (в частности, делегатов на III съезд партии, который состоялся в Лондоне). На этот раз вопрос о поездке самой Стасовой на съезд не возникал — она необходима «на переправе».

Царское правительство закрывало глаза на всякого рода сборища и съезды, на митинги и собрания, где тон задавали буржуазные интеллигенты, поднятые на гребень волны «революционеры на час»: пусть себе тешатся, упиваясь собственным красноречием, вся эта шумиха особой опасности для самодержавия не представляла. Придет срок, затихнет революционная буря, усилятся репрессии, и «красный цвет» их мгновенно слиняет... Так оно и случилось, когда революция пошла на убыль. Сколько таких мнимых борцов сожгли то, чему поклонялись, трусливо отреклись от борьбы, открыто переметнулись в лагерь реакции?!

Но и в обстановке «либеральных свобод» полиция преследовала большевиков-подпольщиков. Аресты продолжались. Елене Дмитриевне приходилось нелегко: она обеспечивала сохранность нелегальной сети, конспиративных навыков, ведение интенсивной подпольной работы.

Ленин в многочисленных статьях и письмах требовал сочетать работу нелегальную и легальную. Он учил: «...организовывать, организовывать и организовывать *сотни* кружков, отодвигая совершенно на задний план обычные комитетские (иерархические) благоглупости. Время военное. Либо *новые*, молодые, свежие, энергичные военные организации повсюду для революционной социал-демократической работы всех сортов, всех видов и во всех слоях,— либо вы погибнете со славой «комитетских» людей с печатями».

Ленин призывал к сплочению тех, кто хочет бороться, к железной организации.

Идеи Ленина, его советы по важнейшим вопросам партийной работы Стасова воспринимала беспрекословно и непоколебимо. Они отвечали ее мыслям, ее пониманию событий.

Полное согласие с Лениным Стасова выразила в одном из писем в Женеву Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне вот так: ««Вперед» мне весьма нравится, и я хотела бы содействовать ему».

Отрывки из нескольких писем Стасовой Ленину и Крупской, относящихся к тому времени, дают представление о ее настроениях, делах и заботах.

«Я постановкой дела очень недовольна, так как не чувствуешь совсем никакого организационного руководства,— писала она 10 июня.— Затем, с одной стороны, Никитич и Румянцев очень уж осторожны, а с другой — жизнь не ждет, приходится дело Румянцева выполнять другим, что отнюдь не нормально. Очень прошу вас изложить мне план теперешней общей организационной работы, который вы считаете правильным. Хотелось бы также подробнее выяснить, как вы смотрите на мои личные обязанности, что я должна давать вообще и вам в частности? На днях пришлю отчет о местной работе. Боюсь, что из-за медлительности, скажу даже больше, обывательского образа мыслей по части оберегания себя Румянцевым мы будем всегда опаздывать...»

Через две недели, 24 июня, она вынуждена признаться: «De facto людьми приходится распоряжаться мне, ибо никто здесь этого не делает и указаний не дает».

И вот еще отрывок из письма от 30 июля: «...пожалуйста, передайте тов. Галерке, что вина в неосведомленности падает в значительной степени на меня, ибо за адским количеством работы не успеваешь посылать вовремя все наши произведения, и они опаздывают, но все они до сих пор посылались вам (например, постановление о Государственной думе было мною собственноручно послано, но, очевидно, до вас не дошло, было отправлено на другой день после его принятия). Я несколько раз спрашивала вас, получили ли вы эти постановления, но ответа не получала, а потому пошлю вам все документы вторично с оказией... Денег вам послать не можем, так как в кассе всего 300 рублей. Если только будет возможность мне лично достать эти деньги, достану и пришлю, но сейчас физически не могу этого

исполнить, так как нет буквально свободной минуты (этим объясняйте мои редкие и лаконичные письма). Пожалуйста, пошлите немедленно, если только средства позволят, литературу по всем тем адресам, которые вам оставил Том (Герман). Дело в том, что если вы пошлете все сразу, то все будет привезено на специальной яхте и мы получим все очень быстро. (Насколько я помню, речь шла о 500 килограммах.)».

Елену Дмитриевну восхищала прозорливость Владимира Ильича. За тысячи верст от России, пользуясь нерегулярной, отрывочной информацией, он удивительно точно знал российскую обстановку, тонко анализировал факты и безошибочно делал выводы.

Росло и стремление встретиться с Лениным, поработать в непосредственной близости, пройти не заочную, а очную его школу. «Надеюсь, что Гуща скоро увидится со Стариком»,— сказано в одном из стасовских посланий в Женеву. Но пока эта ее мечта не могла осуществиться.

Какое блаженство, придя вечером домой, попасть к себе в комнату, расположиться на кушетке с хорошей книгой. Ноги гудят после длинного дня беготни по Питеру, устала безмерно — встречи, явки, разговоры, инструктирование, раздача литературы, заседания, уход от шпиков, конспирация, заметание следов. Но вот благополучно минул еще один день — день работ, день тревог. Она дома — в прохладе, в тишине.

Горит зеленая лампа на столике. Тихо. И все же ни расслабиться, ни взяться просто за книжку она не может. Еще не написаны все письма. Еще не составлен план действий на завтра. Писать надо химией — трудоемкая работа. План надобно сверстать в «уме» и хранить в памяти, не запишешь же его в блокнот — золотое правило конспиратора все помнить, все знать наизусть.

Теперь можно и почитать. Беллетристику? Нет. Прежде всего свежий номер «Пролетария» — ленинской газеты, в мае 1905 года пришедшей на смену газете «Вперед».

Из потайного кармана вытаскивается номер — тонкая, но крепкая бумага, убористый шрифт. На малой газетной площади вместился обильный материал: руко-

водящие статьи, полемика, информация, письма с мест. Экземпляр газеты проделал трудный путь — через границы, минуя множество препятствий, ловушек, опасностей, добрался из Женевы сюда, в российскую столицу. А завтра, прочитанный Стасовой, пойдет дальше, из рук в руки.

Его будут хранить от чужого, враждебного глаза, будут упрятывать поглубже, вынимать тайком и читать, читать в одиночку и группами — вслух, впитывая, вбирая страстное большевистское слово. Ленинское слово!

Стасова не только усердный читатель ленинской нелегальной газеты. Сколько сил и умения потратила она — да и теперь каждодневно тратит! — для того, чтобы напитать газету рабочими корреспонденциями, письмами, заметками.

Елена Дмитриевна крепко-накрепко запомнила недавно полученное из-за границы ленинское «Письмо к товарищам», где Владимир Ильич так ясно и четко сформулировал принципы большевистской печати. Недоразумением, страшно вредным для дела, назвал он мысль, «будто именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов — пятьсот и пять тысяч работников не литераторов».

И еще: «Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе — без этого материала грош будет цена социал-демократическому органу...»

Да, немало усилий пришлось потратить ей, Стасовой, чтобы обеспечить приток материала в «Пролетарий» из Питера, из других рабочих центров России. Стоит лишь чуть ослабить организационный напор, выпустить это дело из рук — от Надежды Константиновны приходит письмо-упрек, а от Владимира Ильича — и «письмо-бомба». Критикуют, требуют: больше российской информации, рабочие письма нужны как воздух.

...Она читает очередной номер «Пролетария». И видит труды рук своих и замечает, как умело Ленин-редактор формирует из информационного «сырья» насы-

щенную мыслью, подчиненную революционной идее большевистскую боевую газету.

Читает и учится. И радуется, и гордится своей сопричастностью к движению.

Но нынче вечером она читает «Пролетарий», колонку за колонкой, по-особому. Раньше, когда получила номер, взглянуть не удалось. А не терпелось...

Сколько она организовала корреспонденций, сколько переписала своей рукой, сколько их переслала! Разве подсчитаешь?! Однажды майской ночью, вернувшись из Павловска, где либеральные общественные организации устроили чисто интеллигентскую демонстрацию по поводу гибели Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского под Цусимой, она вдруг решила, что напишет сама. Так много нахлынуло живых впечатлений!

Написала, как 22 мая из Петербурга в Павловск уходили поезда, битком набитые публикой, как «в тех же поездах, которые увозили будущих демонстрантов, в багажных и иных вагонах ехали жандармы, городовые и околоточные». Она рассказывала о выступлениях во время демонстрации. А когда жандармы задержали одного из ораторов, «присутствующие (при криках «долой полицию, вон мерзавцев!») бросаются на городовых с тростями и обращают их в бегство (не могу выразиться иначе, так как городовые, придерживая рукой свои «селедки», форменно бежали)». Из толпы раздавались крики: «Долой Романовых, долой царя-убийцу, долой войну!» Но полицейские получили подкрепления, вызвана была полурота солдат, горнист заиграл сигнал — толпа отхлынула. Депутация участников митинга отправилась с протестом к полицмейстеру.

Все это она написала сразу после демонстрации, под свежим впечатлением. И послала в Женеву.

Потом нахлынули сомнения: наверно, плохо получилось. Елена Дмитриевна считала себя человеком «неписучим». То ли дело сестра Варя — та писателем стала заправским. Или Шурочка Коллонтай. Она и выступает как трибун, и пишет с блеском.

Тишина. Только газетный лист шуршит в руках. Стасова читает четвертый номер «Пролетария». И наконец находит то, чего так ждала. Вот она, ее корреспонденция, под рубрикой «Из общественной жизни», с пометкой «Петербург».

Перечитывает и раз, и второй, и снова. Право же, ей нравится то, что напечатано. Получилось вполне толково...

Утром она непременно забежит в Публичную библиотеку, к Владимиру Васильевичу. Хочется показать дядюшке, похвалиться... Уж он-то поймет и оценит!

И он оценил. Отметил простоту и ясность изложения. Она обрадовалась: это ведь главное для такой газеты.

Владимир Васильевич добавил:

— Между прочим, скажу тебе, госпожа Калашникова, простота и ясность есть альфа и омега всякого литературного произведения. Имей это в виду, когда продолжишь свои журналистские опыты!

Что ж, этот совет любимого дяди Елена Дмитриевна приняла к руководству. В печати выступала не часто, но всякий раз, когда доводилось браться за перо, писала просто, без каких бы то ни было литературных «завитушек». И в редакторской своей практике придерживалась того же принципа.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится оригинал этой корреспонденции с редакторской правкой Ленина. Литературная правка минимальная — Владимиру Ильичу пришлось лишь зачеркнуть один абзац да перенумеровать страницы.

Стасова выехала в Москву. Для подготовки к суду, для выработки общей тактики с остальными участниками процесса. Она очень беспокоилась о Баумане. Его не отпустили под залог, продолжали держать в Таганке. Если тщетными окажутся новые хлопоты об освобождении Николая Эрнестовича под залог, придется искать иные пути. Возможно, готовить побег! Стасовой известно, что в Московском комитете разрабатывается план подкопа под здание тюремной бани, куда в определенные дни приводят арестантов.

Тем временем судебное дело назначено к слушанию. В Московской окружной судебной палате. В Кремле, в Круглом зале. (Сколько раз приходилось Елене Дмитриевне потом, в наше советское время, заседать в этом самом зале, названном Свердловским в память и в честь ее доброго друга, Якова Михайловича Свердлова! Но

это случится позднее, когда колесо истории совершит свой крутой поворот.) Судебный процесс, однако, отложили — двое из обвиняемых не явились, и прокурор потребовал объявить всероссийский розыск. А может быть, то был лишь просто удобный предлог; власти сочли за благо повременить: революционные события накатывались лавиной и, несомненно, оказывали свое влияние на ход процесса.

Стасова вернулась в Питер. А вскоре...

Царскому правительству пришлось прибегнуть к маневру: издать 17 октября 1905 года манифест, коим самодержец всероссийский даровал своим верноподданным и гражданские свободы, и законодательную думу... Этот манифест был, разумеется, обманом народа, и «свобод», им декларированных, страна не увидела, но суд над членами Северного бюро так и не состоялся. «Дело», которое с таким тщанием сооружал прокурор, вмиг рухнуло под напором революционного вихря.

Из Таганского изолятора наконец-то выпустили и Николая Баумана.

Елена Дмитриевна обо всем этом узнала позже — из газет, из писем, из рассказов товарищей. Ко времени манифеста 17 октября она находилась далеко от России.

Какое бурное время!

Женева показалась ей удивительно тихой, даже сонной. Особенно по контрасту с бурливым Питером, который она покинула всего три дня назад.

Еще не улеглись, не устоялись бурные впечатления последних дней — митинги, диспуты, речи до хрипоты, бесконечные споры... Память постоянно оживляла картины революционного Петербурга. Разве могла она забыть последнюю сходку в большой аудитории Петербургского университета, ту, на которой ей удалось побывать перед самым отъездом?! Единение рабочих и студентов, горячие речи — и кошелек, пущенный по рядам. Заметно полнеющий потертый кошель с приколотой к нему запиской: «На орудия и оружие...»

А теперь — тишина и акварельные цвета Женевы.

Кажется, Лев Толстой написал, что первую половину дороги едущий обычно думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Наблюдение изумительно точное. Вот и она сейчас все больше думает о предстоящей жизни, работе. О встрече.

Стасова давно стремилась повидаться с Лениным. Но теперь, чего уж душой кривить, очень не хотелось покидать Россию. Выходить из боя в час жаркой схватки. Однако ее вызвал Ленин. Значит, она нужна. Для работы!

Отпущенная под залог из Таганки, Елена Дмитриевна возвратилась в Петербург. И вот тогда они с Константином Алексеевичем Крестниковым решили пожениться. Брак не был официально оформлен: большевичка Стасова с юных лет порвала с религией, была убежденной атеисткой. Да и Крестников не настаивал. Они любили друг друга. Но натуры были на редкость несхожие. Она — собранная, целеустремленная. Он — жизнелюбивый крепыш, говорливый, веселый. Военный врач, он не чурался офицерской среды, тянуло веселое застолье.

И этого человека полюбила Елена Дмитриевна. Строгая к себе и к другим, она прощала Косте то, что едва ли простила бы кому-нибудь другому.

Совместная жизнь длилась недолго. Но даже когда удавалось быть вместе, счастье не было полным. Елена Дмитриевна ни на час не забывала своих революционных обязанностей. Константин Алексеевич сочувствовал революционерам (на этой почве они и познакомились). Но к чему так торопиться, думал он, лишать себя земных радостей?

«Я должна!» — И жена уходила по своим неотложным делам.

«Так ли уж неотложны эти дела? — сомневался муж. — Успеется!..»

Трещин становилось все больше. Но чувство Елены Дмитриевны улетучилось не вдруг, разрыв с любимым лег тяжким грузом на ее плечи. Она одна только знала, сколько ночей провела без сна, в слезах.

Несгибаемый Абсолют... Расставшись с Константином Алексеевичем, она никому не поведает о своем горе. Но ничто не помешает ей хранить память о нем.

Во всяком случае, она нежно берегла письма человека, которого так любила. В «Воспоминаниях» Елена Дмитриевна признавалась:

«Из личной переписки я хранила только письма моего мужа Константина Алексеевича Крестникова. Письма эти всегда находились в маленьком черном кожаном портфеле, с которым я никогда не расставалась».

Кстати говоря, ее черный портфель позже попал в руки жандармов, и одно из писем Крестникова фигурировало в судебном деле Елены Дмитриевны.

Жандармы обнаружили в том письме «некоторые места преступного характера». Нам же оно кое-что прояснит и в отношениях супругов.

Датировано письмо 29 октября 1905 года, послано в Швейцарию.

«Мой милый друг,— писал Крестников,— я думал, что в силу происшедших событий ты немедленно вернешься в Россию. Признаться сказать, и теперь удивляюсь, что держит тебя за границей. В России теперь для всякого дела можно взять необходимую обстановку, а в смысле полезности каждой активной личности, в каждой партии не может быть, мне кажется, никакого разговора. Никакие самые крупные дела вне России не могут сравняться с тем, что тот же человек может сделать здесь...» Далее в письме Крестников спорит с социал-демократами и объявляет себя кадетом... Есть и такая фраза: «Теперь вижу, что ты решила сидеть в Швейцарии. Тебе виднее».

Чувствуется раздражение: он ревнует жену, ревнует к делу, которому она посвятила жизнь! И хотя в обращении сказано «милый друг», а в подписи значится слово «твой», чувствуется, что между супругами нет согласия.

Неизвестно, что именно отвечала Елена Дмитриевна Крестникову. Но вот что она в ноябре 1905 года из Женевы писала родителям:

«Не могу сказать, чтобы мне очень улыбалась подобная перспектива (речь идет о продлении срока пребывания за границей.— *Авт.*), но это нужно, а потому, конечно, иначе и быть не может...

Нужна моя громадная привычка к дисциплине своего настроения и личных чувств, чтобы быть ровной и выдержанной в работе. Здесь почти все хандрят и рвутся в Россию, совершенно забывая взвешивать общие

интересы, интересы дела. Правда, сидеть вдали от жизни, когда она кипит ключом, когда совершаются такие крупные факты в жизни России, когда пролетариат добился таких крупных результатов,— очень тяжело, но мало ли тяжелого приходится выносить...»

Интересы дела, революционного дела, для Стасовой превыше всего! Это — жизненная практика, обусловленная «громадной привычкой к дисциплине своего настроения и личных чувств».

...Минуло семь лет после разрыва с Крестниковым. Бережно хранимый Стасовой заветный черный портфель с его письмами попал в руки охранки. Елена Дмитриевна тогда находилась в тюрьме, готовился большой судебный процесс, и в ходе следствия жандармы обыскали и допросили Константина Крестникова. Ничего существенного обыск не дал: у доктора изъяли две-три полулегальные брошюрки да несколько книжек журнала «Былое» за 1906 год. Обнаружили, так сказать, следы былого соприкосновения с революционерами. И только.

Что касается его допроса, то, «будучи допрошен по существу своих взаимоотношений со Стасовой, Крестников дал крайне уклончивое и сбивчивое показание, не заключающее в себе ответы на предложенные ему вопросы». Жандармы оставили его в покое: «К дознанию в качестве обвиняемого не привлечен и аресту не подвергнут». Словом, его общение с революционерами не очень-то пугало полицию.

А на сердце у Елены Дмитриевны остался от этого общения глубокий шрам. На всю жизнь.

Однако вернемся в Женеву. В раннюю осень пятого года.

Утро. Тепло. Тихо. Высокая женщина в строгом костюме торопливо шагает по тротуару. В лицо дует ветер с берегов Роны. В ее сумочке лежит совершенно «чистый» паспорт, которым снабдила ее Верочка Изнар, жена знакомого петербургского адвоката.

Стасовой кажется, что она давно знает Ленина, так много слышала о нем. Сколько его поручений выполняла! Им просто еще не приходилось встречаться, обмени-

ваться рукопожатием, беседовать. Она привыкла видеть в Ленине руководителя, вождя партии. Давно идет за ним, и авторитет его для нее непререкаем. Ей доставалось от Ленина, и не единожды (разве можно забыть эти «письма-бомбы»!), но ведь за дело! Как же сложатся взаимоотношения теперь, когда придется работать бок о бок?

...Вот и дом № 3 по улице Давид Дюфур. Она без труда нашла его. Звонок в парадную дверь. Минута, другая, и Ленин — это он вышел на звонок — крепко жмет ей руку. Чуть отстранив гостью, внимательно вглядывается в ее лицо. Прищуривается, снова пожимает руку:

— Так вот вы какая, Абсолют! Или нет? Сейчас Дельта?

Радостно смеется:

— Наконец-то удалось свидеться! Рад, искренне рад. И Надя обрадуется — с ней-то вы ведь старые знакомые. Она скоро вернется, ушла вместе с Елизаветой Васильевной. Милейшая у меня теща, сами убедитесь...

Стасова еще ничего не ответила, а на душе стало так покойно, напряжение рассеялось.

Владимир Ильич, усадив гостью, принялся расспрашивать о России.

Все, кому доводилось встречаться с Лениным, беседовать с ним, подчеркивают примечательную его черту — блестяще умел он «разговорить» собеседника, получить от него максимум возможной информации, повернуть разговор в нужное ему, Ленину, деловое русло. Это же отмечает и Елена Дмитриевна.

Стасова рассказывала, как он умело задавал вопросы, уточнял некоторые детали. Особенно заинтересовал Ленина недавний съезд учителей, в котором участвовала Елена Дмитриевна.

Вдруг, прервав беседу, Владимир Ильич быстро поднялся:

— Одну минуточку.

Разжег газовую плиту — разговор происходил на кухне, которая служила Ульяновым и столовой,— налил воду в чайник, поставил на огонь, накрыл стол, приготовил все необходимое к чаю.

— Ну вот, теперь попивайте чаек и рассказывайте. Мы говорили о съезде учителей. Нуте-с?..

На Стасову большое впечатление произвела снаров-

ка, с которой Владимир Ильич готовил чай, его простота и непринужденность. Об этом не раз доводилось слышать от товарищей. И Бауман, и Ленгник, и Красиков, и Шотман немало поведали ей о Ленине, о человеческом его обаянии. Но то были рассказы других, а тут убедилась сама, воочию.

Основательно расспросив собеседницу, Владимир Ильич предложил ей приготовить доклад для русской колонии в Женеве. Всем надо рассказать о том новом в революционном движении, что произошло летом и ранней осенью пятого года.

Сначала Стасова растерялась, пыталась отказаться: докладов такого рода ей делать никогда не приходилось, а тем более в столь обширной и столь взыскательной аудитории. Нет уж, увольте! Провалюсь, обязательно провалюсь...

Но разве Владимира Ильича переубедишь, ежели он уверен в своей правоте и ежели это вызывается деловой необходимостью. Пришлось сдаться.

Стасова приготовила план доклада. Ленин внес две-три поправки. Потом написала нечто вроде тезисов — более расширенный конспект выступления. Их также показала Владимиру Ильичу. Он тоже поправил текст.

Вскоре состоялся доклад. Ленин председательствовал на собрании и всячески подбадривал неопытного оратора. Елена Дмитриевна напрасно волновалась, доклад прошел успешно. Ленин ее похвалил:

— Вот видите, кто из нас оказался прав?

Засмеялся:

— Вы, сударыня, скоро саму Аксельрод-Ортодокс за пояс заткнете.

Любовь Аксельрод-Ортодокс считалась тогда записным оратором женевских меньшевиков.

...Вскоре Стасова смогла познакомиться с Лениным-оратором.

В кафе «Хандверк», на авеню-дю-Май № 4, имелся большой зал, облюбованный русскими социал-демократами. Вечером 20 октября Владимир Ильич прочел там реферат о последних политических событиях в России. Животрепещущая тема и имя докладчика сделали свое дело — зал был полон. Пришли не только единомышленники-большевики, но и меньшевики, и эсеры. И про-

сто публика, довольно разношерстная, весьма неопределенная по политическим убеждениям.

Очень просто начал Владимир Ильич доклад, но прошла минута-другая, и Ленин завладел вниманием зала. Никаких особых ораторских ухищрений он себе не позволял, но так четко формулировал мысли, так логически точно и ясно делал выводы, что все слушали его с напряженным вниманием. Удивительная вещь — самые заядлые спорщики, известные в эмигрантской среде обструкционисты, и те помалкивали. Ни реплик, ни возгласов, ни возражений! Такой уж, видно, была сила ленинской логики, что ей подчинялись и инакомыслящие!

Позднее Стасова вспоминала: меньшевики пришли в себя лишь на следующий день и принялись рьяно оспаривать положения реферата, прочитанного Лениным.

Однажды утром Владимир Ильич навестил Стасову в пансионе, где она поселилась. Расспрашивал о Таганской тюрьме, товарищах, с которыми ей пришлось тогда отбывать заключение. Как-то незаметно завязался разговор о Баумане. Вот тут-то открылась причина прихода Владимира Ильича — пришел, чтобы сообщить о трагической гибели любимого товарища. Ленин знал, что Стасова очень дружила с Николаем Эрнестовичем. И решил: пусть лучше Стасова от него узнает о несчастье. Не из газет.

Той осенью, в немногие недели, которые ей удалось поработать рядом с Лениным, непосредственно с ним, выполняя прямые его поручения, Елена Дмитриевна прошла хорошую ленинскую школу.

И Ленин оценил свою ученицу, ее идейность, самозабвение, четкость в работе, методическую тщательность и потрясающую трудоспособность.

О приезде Дельты, которая «взялась вплотную за дела», написала из Женевы Л. А. Фотиевой обрадованная Надежда Константиновна. И продолжала: «Это, кажется, именно такой человек, какой нужен был для заграницы, заботливый, хозяйственный».

В письмах Владимира Ильича, относящихся к тому короткому временному отрезку, то и дело встречаются

ссылки на беседы с Дельтой, на ее мнение. Вот строки из писем Ленина: «...выслушал подробный рассказ Дельты...», «...переговорил с Дельтой...», «...Дельта говорит...» А на факсимиле письма Владимира Ильича, направленного 3 октября 1905 года в ЦК РСДРП, различима помета: «Ключ Дельты».

Владимир Ильич и Надежда Константиновна усиленно готовились к отъезду из Швейцарии в Россию, в гущу революционной борьбы, из «проклятого далека» — на поле битвы! После царского манифеста отъезд Ленина стал реальностью. И другие деятели партии, да и все русские эмигранты, нашедшие приют в Швейцарии, стали готовиться к отъезду.

Вот тут-то и выявилась цель, ради которой Елену Дмитриевну вызвали в Женеву. Ей предстояло остаться. Следовало привести в порядок, «законсервировать», а частью ликвидировать партийное имущество. Хозяйство накопилось немалое: типография и библиотека, архивы и склады литературы. Надо разобраться со счетами, отдать долги, оформить кое-какие бумаги... Словом, хлопот превеликое множество.

Перед отъездом Ленин прямо так и сказал:

— Если мы оставим Варвару Петровну, она доведет дело до конца.

Варвара Петровна — еще один из многочисленных партийных псевдонимов Стасовой. Им она пользовалась в Швейцарии.

Вскоре после приезда в Женеву Стасову (под еще одним псевдонимом: Кноль) ввели в состав Хозяйственной комиссии партии. В нее входили Крупская, Бонч-Бруевич, Ладыжников, Аврамов и другие товарищи.

Владимир Ильич определил обязанности комиссии. К ним относятся, писал он, «и техника (типография, экспедиция и проч.), и финансы, и транспорт, и отправка людей в Россию, и предприятия по вооружению и т. п., и объединение работы всех агентов ЦК, и контроль за работой каждого из агентов в отдельности, и т. п., вплоть до дел, особо поручаемых Центральным Комитетом Хозяйственной комиссии».

Хозяйственная комиссия просуществовала недолго. Ход событий на родине, массовый отъезд товарищей — все это ограничило ее функции, вскоре она преврати-

лась в комиссию ликвидационную. В ней-то Стасовой предстояло играть немаловажную роль.

Не так просто привести в порядок и продать женевскую типографию партии; перебазировать поближе к России, в Швецию, под опеку тамошних социал-демократов партийный архив и библиотеку. Понадобились не только организационные усилия, но и физическая сила: увязывать пачки, перетаскивать тяжести. Стасова, по своему обыкновению, никакой работы не чуралась.

Осенью 1905 года в Швейцарии большевики основали издательство «Демос», во главе с опытным издателем Иваном Павловичем Ладыжниковым. Стасова вместе с Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем и Романом Петровичем Аврамовым входила в руководящую тройку издательства.

«Демос» выпускал литературу для массового читателя — печатал книги и брошюры, запрещенные царской цензурой. Это давало партии доход. Намечалось издать произведения Максима Горького. Он был знаменит, близок к партии, охотно помогал и материальными средствами, и литературным трудом.

Первая ласточка, выпущенная «Демосом»,— брошюра Максима Горького «О кавказских событиях» — запрещенный царской цензурой гневный отклик писателя на татаро-армянскую резню, спровоцированную полицией в Баку.

Елена Дмитриевна правила корректуру горьковской работы, объявив беспощадную войну опечаткам. И этому она тоже научилась у Ленина. Известно, какое значение придавал Владимир Ильич чистоте и грамотности набора, культуре печати. С той женевской осени Стасова всю жизнь «сражалась» с невнимательными корректорами, опечатки и ошибки в печатном тексте приводили ее в ярость, воспринимались как личная обида.

Следующим изданием «Демоса» должна была стать пьеса Максима Горького «Дети солнца». Сама история этой трагикомедии (так обозначил жанр пьесы автор) привлекала жгучий интерес — «Дети солнца» написа-

ны Горьким в Петропавловской крепости, в камере № 39 Трубецкого бастиона, куда его заточили после 9 Января «по обвинению в государственном преступлении».

Однако «Детей солнца» издать в Женеве не удалось. Помешал конфликт с владельцем типографии; было решено перевести издательство «Демос» в Берлин, поближе к России.

Приведя доверенное ей партийное хозяйство в порядок, Стасова также переехала в Берлин. Шел конец декабря.

Новый год встречали невесело: с родины получили известия о разгроме Декабрьского восстания в Москве, о расстрелах, арестах и преследованиях.

В руки Стасовой попала листовка, выпущенная большевиками Москвы:

«Умолкла на время Москва, не умолкла Россия. Грохочут пушки, пулеметы, хлещет кнут, нагайка, переполняются тюрьмы, застенки... Не умолкла Россия и не умолкнет. Народ добьется своего... Правительство нас не разбило. Оно лишь научило нас бороться. И мы воспользуемся наукой!»

Что ж, такие выводы из поражения на Пресне — это по-большевистски, по-ленински. Извлечь уроки, воспользоваться наукой!

Наконец партия разрешает Елене Дмитриевне вернуться на родину.

«Госпожа Вера Изнар» после довольно длительного заграничного вояжа благополучно возвращается к родным пенатам. На пограничной станции Вержболово таможенный чиновник досматривает ее багаж, жандарм берет под козырек:

— Все в порядке, сударыня!

А «сударыня», приехав в Питер, в тот же вечер помчалась на явку, на следующий день приступила к обязанностям секретаря Петербургского комитета партии.

Все, как прежде? И да и нет.

Конспирация столь же строга. Загрузка столь же велика. Тренировать память надо неустанно, и от полиции уходить, и литературой снабжать, и поручения давать. И проверять исполнение... Тут все по-старому. А новое?

Ну, прежде всего размах движения стал куда шире. Еще не схлынула революционная волна, и людей много новых пришло. Кто они? Выдержат ли серьезные испытания, которые неизбежно ждут их?

Новое для нее — это сочетание нелегальной работы с легальной, с использованием трибуны всякого рода митингов и собраний для пропаганды большевистских взглядов. Новое для нее также то, что наряду с транспортами «пива», и «сестры», и «Тани» — так на условном языке обозначалась нелегальная литература — поступают во все возрастающих количествах транспорты оружия. А ружья, револьверы и бомбы — штука объемная и тяжеловесная. В чемодане с бельем или под одеждой их не провезешь...

Пути транспортировки остались в основном прежние, через Финляндию, или с помощью контрабандистов через известные «окна» на западной границе. Но груз другой и опасность его перевалки и получения удесятеренная. Провал грозит каторжными работами, а то и «пеньковым галстуком» (так в народе с горьким юмором прозвали смертную казнь через повешение).

Партия требует готовить рабочий класс к новым битвам. Готовить, извлекая уроки из поражения. Ленин не устает напоминать, что продолжается революционная борьба, что надо учить массы сражаться и побеждать. А для этого, писал Владимир Ильич, «лезвие должно быть отточено теперь острее».

Елена Дмитриевна изучает различные виды оружия, системы ружей и револьверов, бомб и гранат.

Дядя Владимир Васильевич давно уже перестал удивляться действиям и взглядам племянницы. Но даже он только руками развел, когда Елена Дмитриевна, забежав однажды в Публичную библиотеку, попросила снабдить ее литературой об оружии: хорошо бы книжки понагляднее и поближе к нашему времени. Может, альбомы есть? Очень нужно.

А как-то за чаепитием в родительском доме, когда заговорили о поражении русской армии на Дальнем Востоке (тема эта не потеряла тогда жгучей злободневности), включилась в разговор о преимуществах русской трехлинейной винтовки перед винтовым оружием систем Маузера и Гочкиса...

Дмитрий Васильевич, удивленно взглянув на дочь, счел за благо промолчать, а братья Андрей и Борис охотно подхватили тему. Но тут уж сама Лена перевела разговор в другое русло.

Итак, к заботам и делам Стасовой прибавились обязанности по приему и хранению оружия, взрывчатки, боеприпасов. Папаша (Максим Максимович Литвинов) действует в Европе, закупая все новые партии оружия. Действует ловко и смело. Дошло до того, что он ухитрился закупить партию ружей у самого бельгийского короля Леопольда II. Покупщик выступал в роли офицера из южноамериканской республики Эквадор. И роль эту сыграл поистине артистически.

В Финляндии получает и переправляет дальше ящики с оружием Герман Федорович — Николай Евгеньевич Буренин.

Елена Дмитриевна гордилась своим партийным «крестником». Была с ним по-деловому строга, порой выговаривала за ошибки, а в душе восхищалась тем, как быстро партийная среда и партийная дисциплина выковали из этого «свободного художника» четкого и энергичного, смелого и исполнительного боевика. Мастера конспирации.

При Центральном Комитете партии действовала Боевая техническая группа, которую возглавил Никитич (Леонид Борисович Красин), и производство оружия — для этой цели в России в подполье создавались мастерские, лаборатории — и транспортировка того, что закуплено за границей, все было поручено «техникам». Стасова работала в тесном контакте с этой группой. Как секретарь Петербургского комитета руководила ею, а как подпольщик-конспиратор выполняла ее поручения.

Вернувшись в Россию, Ленин поселился в Петербурге и непосредственно руководил всей деятельностью партии.

С января 1906 года Стасова часто встречается с ним в Питере, а потом и в Финляндии, куда Владимир Ильич переехал.

Лето 1906 года. В Петербурге созвана межрайонная конференция РСДРП. Вначале заседали в столице, на Загородном проспекте, в помещении Союза инженеров путей сообщения; потом пришлось перебраться в Териоки, дачный поселок на Карельском перешейке,— удобнее, тише, меньше шпионов вьется вокруг.

На конференции выступил лидер меньшевиков Дан. Он, писала Стасова, «говорил подобно тому, как говорил бы старый царский генерал, перед солдатами: они не были ему равными, он снисходил до них».

Но вот слово взял Ленин. Совсем другой стиль! Речь яркая, образная, зажигающая слушателей. Закончил, и его тотчас же обступили товарищи, официальная речь легко и непринужденно перешла в беседу. «Владимир Ильич,— вспоминала Стасова,— будучи нашим руководителем, вместе с тем всегда был для нас самым близким другом, к которому мы могли прийти со всякой своей бедой, со всяким недоумением, с любым вопросом, не только политическим, но и своим, личным. Владимир Ильич, хотя и был для нас непререкаемым авторитетом, никогда не держал себя свысока. Когда он выступал, мы всегда чувствовали «нашенского» человека...»

В Петербургском комитете партии после IV съезда РСДРП — два секретаря. От большевиков — Елена Стасова, от меньшевиков — Раиса Карфункель. Сидели вместе, в одной комнате, а дела вели по-разному.

Стасова посылала на собрания и митинги своих большевистских докладчиков и агитаторов, Карфункель — своих. В стасовском списке первым всегда был Ленин. Она впоследствии вспоминала:

«Когда я вызывала его на явку (мы ведь работали нелегально), чтобы сообщить, куда он должен пойти для выступления, для доклада, то не было такого случая, чтобы он не пришел, точно так же, как не было случая, чтобы он опоздал. На следующий день Ленин всегда сообщал очень точно: сколько народу было на его докладе, какие вопросы были заданы и какие недостатки в этой организации, куда мы его посылали».

Карфункель не скрывала зависти: «Тебе, Елена, везет. Такой докладчик!» Дисциплинированность, по-

разительная аккуратность и, главное, серьезное отношение к любому партийному поручению — эти черты были присущи Владимиру Ильичу во всей полноте.

...Заключительное заседание конференции было назначено на 7 июля опять в Петербурге. Решили собраться в помещении Общества технологов, в доме № 45 на Английском проспекте.

Заседание, однако, не состоялось — собралось лишь десять человек, не было кворума. Ждали. Поняв, что пришло очень мало делегатов, решили перенести заседание на следующий день. Товарищи поодиночке разошлись. Задержались только двое секретарей Петербургского комитета — Стасова и Карфункель, а с ними — Красиков, профессиональный революционер-большевик, друг Абсолюта еще со времен ленинской «Искры».

Наконец и эти трое вышли из дома. Подивились: вечер вроде бы поздний, а светло. Так ведь белые ночи еще не полностью отошли...

— Вы сейчас куда?

— К своим, на дачу, в Парголово. А вы?

...Разговор обрывается на полуфразе. Жандармы в мундирах и без оных, в штатском платье набрасываются со всех сторон. Мгновение, другое — и кортеж из трех извозчичьих пролеток уже трогается. К Шпалерной!

Несутся по брусчатой мостовой три пролетки. Верх у них поднят, будто дождик идет, и в каждой — два полицейских чина стерегут арестованного.

Арест не обескуражил Стасову. Что ж, подпольщики к нему должны быть готовы. И она уже дорогой обдумывает, как будет вести себя в жандармском управлении, мысленно готовится к предстоящей схватке...

Как-то невольно в памяти всплыла Женева. И встреча с Владимиром Ильичем, и то чаепитие на маленькой кухне. Кажется, давным-давно это происходило, а ведь прошел всего только год... Меньше года... Но какое бурное время!

„Геройства тогда не было..."

Конец лета и осень 1906 года Стасова провела в петербургских тюрьмах.

Сначала мрачный Литовский замок, потом оборудованный по последнему слову тюремной техники Дом предварительного заключения.

В каждой тюрьме свой режим, свои порядки; надзиратели вымуштрованные в различной степени, начальство либо откровенно грубое, либо прикрывающее жестокость показной любезностью. Но везде — решетки, окрики, запреты.

Елена Дмитриевна всегда воевала с тюремными порядками, с произволом и беззаконием. Вот и в Литовском замке. Одна из арестованных серьезно заболела, а тюремное начальство отказалось перевести ее в лазарет...

Что делать? Договорились: с общей прогулки не уходить. Вызвали прокурора. Заявили решительный протест.

Администрации пришлось уступить. Больную отправили в госпиталь.

В другой раз, уже в «предварилке», политические устроили демонстрацию протеста, узнав, что в пересыльной тюрьме караульный застрелил заключенную. В знак протеста арестанты отказались от свиданий, от прогулки, окна в камерах завесили черной материей. Они не только протестовали против беззакония, но постарались довести этот протест до сведения петербуржцев. О бунте арестованных узнала вся Россия. Стасова не только участвовала в коллективных действиях политических заключенных, но и стала их вожаком.

Непререкаем был ее авторитет и в организации тюремного быта. Жесткий распорядок дня, установленный для себя обитательницами камер политических, соблюдался неукоснительно. Определили часы коллективных занятий, чтения вслух, часы тишины, когда каждая занята своим и не мешает соседке...

Старой коммунистке Евгении Марковне Соловей — в ту пору молоденькой девушке — пришлось сидеть вместе с Еленой Дмитриевной в Литовском замке. Она

вспоминает, как Стасова занималась с товарищами по камере политической экономией, читала им Горького. «Нам хотелось быть такой же собранной, аккуратной, организованной, как она. Ее неутомимость поражала. Всегда она была занята: читала, писала, шила». Очень точно и емко характеризует Соловей Стасову, называя ее «учитель-товарищ».

В ту осень Елену Дмитриевну и в Литовском замке, и в Доме предварительного заключения посещал Роман Васильевич Смирнов, старик-лакей Стасовых. Приносил передачи, приходил на свидания. Он был не только старым слугой Стасовых, но и верным другом Лены. В своих «Воспоминаниях» Елена Дмитриевна рассказала, как он не раз ее выручал, помогая прятать нелегальную литературу. С потомками Смирнова, жившими в Ленинграде, Елена Дмитриевна поддерживала связь до глубокой старости.

Материала для громкого судебного процесса охранке собрать не удалось. Суд не состоялся. Поднадзорную Стасову выпустили из «предварилки», ей была вручена казенная бумага, где указано: «...с.-петербургским градоначальником воспрещено жительство в Санкт-Петербурге в порядке пункта 4 статьи 15 Положения об усиленной охране».

Надо срочно покидать столицу. Куда ехать? Елена Дмитриевна решила было направиться в Финляндию. От Питера близко, главное же, надо проверить и восстановить связи с финскими товарищами, помогавшими перебрасывать через границу оружие и литературу. Ведь Буренин, который отлично поставил это дело, сейчас далеко. Партия поручила ему сопровождать Горького и Андрееву в их американской поездке.

Итак, Финляндия?

Но Поликсена Степановна и Дмитрий Васильевич решительно против. Родных беспокоило состояние Лениного здоровья — бледна, кашляет, в легких хрипы. Врачи утверждают: начинается туберкулезный процесс.

Надо заметить, что в семье Стасовых чахотка была наследственной болезнью, скосившей немало молодых родственников... Разве можно бравировать?! Врачи предписали полный отдых. Надо ехать на юг, к морю.

Солнце, живительный морской воздух, виноград помогут быстро справиться с болезнью.

— А для твоей работы, Лена, здоровье просто необходимо. Прежде всего надо его восстановить!

Этот довод родителей был самым убедительным для Елены Дмитриевны. Она согласилась поехать в Сухум. Старики правы: работать-то она действительно сейчас не могла, чувствовала себя совсем худо.

Но особенно тяжко было на душе.

Умирал Владимир Васильевич Стасов. Умирал трудно, мучительно. И в самые последние часы, полупарализованный, почти лишившийся языка, невероятным усилием воли, невнятными словами и жестами дал понять окружавшим его ложе близким, что они непременно должны довести до конца хлопоты об одном арестованном студенте. Успокоился только, когда убедился, что понят, что его последняя воля будет выполнена.

Сцена эта, глубоко потрясшая Елену Дмитриевну, запомнилась навсегда и во всех подробностях.

Скончался Владимир Васильевич 10 октября на восемьдесят третьем году.

Для Лены потеря Владимира Васильевича — тяжелая, невосполнимая утрата. Дядя Володя был ее самым любимым, самым близким человеком. Она всегда знала, что может рассчитывать на его мудрый совет, что он поддержит ее в трудную минуту.

Не стало верного друга. Тяжко.

В тусклый осенний день Петербург хоронил Владимира Васильевича Стасова.

В Александро-Невской лавре у раскрытой могилы один за другим говорили прощальное слово друзья и почитатели его таланта. Но вот стихли речи. Застучали первые комья сухой земли, покрывая гроб...

Вдруг скорбную глухую тишину нарушил женский голос. Звонкий и резкий.

Это Елена Дмитриевна сказала умершему последнее прости.

— Твоих заветов, твоих идеалов, твоих мечтаний о свободе никогда не забудет русская молодежь! —

поклялась Елена Дмитриевна.— Мы будем помнить их и хранить как святыню.

Миновало полвека. Старая знакомая Елены Дмитриевны, племянница скульптора М. Антокольского, прислала ей письмо из Ленинграда. Напомнила о былых встречах и, кстати, о выступлении Стасовой тогда, на кладбище. Назвала ее речь геройской.

Это письмо хранится в фондах Музея Революции. На конверте поперек адреса четким почерком Елены Дмитриевны написано: «Геройства тогда не было».

По-видимому, разбирая свой архив, Стасова перечитала письмо и не могла даже по прошествии десятилетий согласиться с завышенной оценкой своего поступка. Обычная для нее скромность.

Смерть Владимира Васильевича не позволила Елене Дмитриевне осуществить план, который она лелеяла давно. Хотела познакомить его с Лениным.

Старому Стасову племянница часто рассказывала о Ленине.

А об отношении Владимира Ильича к знаменитому критику имеется свидетельство Маргариты Васильевны Фофановой. Ее квартира служила, как известно, последним подпольным пристанищем Ленина; отсюда, с Сердобольской улицы, он отправился в Смольный, чтобы руководить Октябрьским вооруженным восстанием.

Вот там, на квартире у Фофановой, в предгрозовые дни Ленину попался на глаза старый номер иллюстрированного журнала «Солнце России» с материалами, посвященными В. В. Стасову. Держа в руках тетрадку журнала, Владимир Ильич заметил, что считает Стасова личностью выдающейся, обогатившей передовую русскую культуру.

Пребывание на юге благотворно сказалось на здоровье Елены Дмитриевны. Она отдохнула, поправилась, приостановился туберкулезный процесс. Власти разрешили Стасовой вернуться в Петербург — увенчались успехом очередные хлопоты Дмитрия Васильевича.

Приезда Елены Дмитриевны нетерпеливо ждал скульптор Илья Гинцбург, любимый дядюшкин «маленький Элиасик».

— Ужас, как нужны вы мне, Леночка, нужны для совета. Приезжайте скорей на Васильевский!

Она поспешила в мастерскую скульптора на Васильевском острове, долго смотрела его наброски. Илья Гинцбург работал над памятником-надгробием своего усопшего друга. Еще не в мраморе — в легких штрихах рисунка, в глиняных эскизах перед Стасовой возникала величественная фигура старца в просторной русской рубахе, перетянутой поясом, в сапогах.

Это он!

Три месяца прошло со дня похорон В. В. Стасова. Зимним воскресным днем Елена Дмитриевна присутствовала в зале Народного дома графини Паниной на Тамбовской улице. Литературно-художественное утро, посвященное памяти Стасова.

Большой зал заполнен демократической публикой: рабочими, студентами, служилым людом.

«Волшебный фонарь» проецирует на экран картины передвижников, любимцев и единомышленников Владимира Васильевича. Звучит музыка, исполняются произведения композиторов, тоже его друзей-побратимов, тех, кого он окрестил «могучей кучкой». Выступает его близкий друг Илья Ефимович Репин.

Раздаются могучие аккорды симфонии. Погружаясь в мир звуков, Елена Дмитриевна с болью вспоминает, что давно уже не было у них на Фурштадтской музыкальных «четвергов». Из завсегдатаев иных уж нет, а другие далече... Рояли в гостиной укрыты чехлами, и отец изменил своей привычке музицировать по вечерам. Вот и дяди не стало, навсегда ушли в небытие их любимые четверговые «шагания».

Елена Дмитриевна вслушивается в музыку. Пианист вдохновенно играет фрагменты из Второй симфонии Бородина. Дядя назвал ее Богатырской...

Музыка увлекает в далекое прошлое. В сознании возникают героические образы былинных богатырей, которые, не жалея жизни, ведут постоянную борьбу со злом, за правду, за счастье народа. Былинные богатыри, герои народных легенд... Она вспомнила вдруг, как Герцен назвал декабристов: «Богатыри, кованные из чистой стали». Богатыри! А Чернышевский?! Память воскрешает сцену его «гражданской казни»,

устроенной царскими сатрапами. Вот он стоит, прикованный к «позорному столбу», и доска с надписью «Государственный преступник» повешена ему на шею. Нет! Царское правительство не смогло унизить его. Имя Чернышевского стало гордостью русской нации, народ сложил о нем легенды.

Звучат мажорные аккорды симфонии. Мысли Стасовой обращаются в настоящее. Она думает о славной когорте профессиональных революционеров, о людях, которых объединил и повел за собой Ленин. Разве они не входят в то же богатырское созвездие! Разве всю их жизнь, полную опасностей и тревог, полную героических свершений и каждодневных подвигов, нельзя по праву назвать Богатырской симфонией?!

„Остров Крит“

Зимой 1907 года здоровье Елены Дмитриевны опять ухудшилось. Обострился туберкулезный процесс. Надо было снова уезжать из Петербурга. На кумыс или на юг? Она предпочла юг, вернее, Кавказ — высокогорный Абастуман, где, однако, пробыла недолго.

Поселилась в Тифлисе. Давала частные уроки, потом поступила учительницей в женскую гимназию Левандовской. А позднее перешла в школу «Общества учительниц».

То было не совсем обычное учебное заведение. Открытая на началах самоокупаемости группой прогрессивных учительниц, школа готовила детей к поступлению в шестой класс гимназии. Методы обучения были далеки от казенной муштры, они больше отвечали передовым педагогическим воззрениям. Мальчиков и девочек обучали совместно. Ввели элементы ученического самоуправления. Соблюдали полную веротерпимость. Плату за обучение брали неодинаковую, дифференцированно: с неимущих — меньше, с состоятельных — больше; ставки с согласия родителей определял педагогический совет. Не в пример казенным училищам и школам в программе много часов отводилось изучению гуманитарных предметов.

Попечителю Кавказского учебного округа, с тех пор как было разрешено эту школу открыть, не раз доносили о «вредном свободомыслии» тамошних педагогов.

Но веского повода, для того чтобы закрыть школу, все никак сыскать не могли.

Хотя дамоклов меч все время висел над школой «Общества учительниц», хотя угроза закрытия становилась все реальней, учебное заведение это существовало и заслужило хорошую репутацию в кругах тифлисской интеллигенции. А методы обучения и воспитания приобрели популярность даже за пределами Кавказа.

Стасова в своих «Воспоминаниях» с полным правом могла написать: «Хорошая была школа и очень спаянный коллектив преподавателей».

Елена Дмитриевна сначала только учительствовала, но прошел всего год, и стала заведовать школой. Должность эта была выборной, и педагогический коллектив остановил свой выбор на ней. Деловитость Стасовой, организаторские способности, авторитет среди учителей и учеников, умение поставить себя во взаимоотношениях с начальством всех степеней немало способствовали тому, что школу не удавалось закрыть.

И кадры педагогов заведующая подбирала соответственно. Известно, что в школу были приняты будущие большевички Мария Вохмина, Ольга Адамович, совсем молоденькая Арменуи Оввян.

К работе в школе «Общества учительниц» Елена Дмитриевна относилась как к выполнению своего революционного долга. Об этом свидетельствуют ее письма из Тифлиса в Питер.

Она пишет родным: «Ох, как все это мерзко! «Санин», безобразные слухи о ритуальном убийстве, антисемитизм *. Ну вот, чтобы поскорее покончить с этими мерзостями, и будем создавать новых людей, стойких и выдержанных, и посмотрим, что даст следующая революционная волна...»

В письме к Николаю Евгеньевичу Буренину высказывает заветную мечту: «Хочется верить, что брошенные искры не затухнут, что выйдут из детей хорошие люди».

---

* Елена Дмитриевна имеет в виду завоевавший в ту пору скандальную славу порнографический роман М. Арцыбашева и нашумевшее «дело Бейлиса» — спровоцированный царскими властями судебный процесс по обвинению в ритуальном убийстве.

Поговорим об одной такой «искорке».

Высокая, чуть сутулая девушка-подросток с черными как смоль гладко зачесанными волосами, мечтательная и ласковая, готовая всегда улыбнуться людям. Полюбила учительницу всей душой. И учительнице пришлась по душе пытливая девочка. Очень подружилась Елена Дмитриевна с этой девочкой, с Люсик.

Искоркой промелькнувшая в истории нашей партии Люсик Лисинова, героиня октябрьских боев в Москве, была любимой воспитанницей Стасовой. Дружба, завязавшаяся на уроках истории, продолжалась и после того, как Люсик, окончив школу, перешла в шестой класс казенной гимназии. И тогда, когда поехала учиться в институт, в Москву. И тогда, когда ученицу отделяли тысячи и тысячи верст от учительницы, сосланной в Сибирь.

Из Тифлиса и из Москвы писала Лисинова Елене Дмитриевне — советовалась по жизненным вопросам, поверяла свои девичьи тайны.

Сохранились письма Люсик к Елене Дмитриевне в Сибирь, девушка лелеяла мысль навестить своего ссыльного старшего друга.

«Ох, тогда я увижусь с Вами — одно из самых больших моих желаний. Я Вам столько скажу, у меня столько есть чего сказать Вам, именно Вам лично. Ох, а сколько я от Вас услышу. Я уже и сейчас мечтаю о свидании с Вами».

Свидание это состоялось, однако много позже и в обстановке необычной, героической, о которой обе, и учительница, и ученица, не могли даже помышлять тогда в Тифлисе.

Они увиделись — в первый и в последний раз после Кавказа! — в апреле 1917 года в Питере, на VII Всероссийской партийной конференции, принявшей ленинский план борьбы за перерастание революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую.

Люсик Лисинова приехала в весенний Петроград вместе с товарищами, большевиками Замоскворечья. В кулуарах конференции они и встретились — в прошлом учительница и ученица, теперь единомышленники, бойцы одной партии. Повидались накануне решительных боев. По словам Стасовой, Люсик Лисинова тогда в Питере «вся светилась радостью ожидания».

Больше им не суждено было увидеться. Люсик не дождалась победы революции: юнкерская пуля сразила ее в Москве, на Остоженке, в дни октябрьских боев.

Учительство — профессия Стасовой, обучение детей — ее работа.

Но она — профессиональный революционер, большевик-подпольщик. Всегда!

Елена Дмитриевна связалась с тифлисскими большевиками и взялась за нелегальную пропагандистскую работу.

Вела кружок у трамвайщиков, а позже и второй, у железнодорожников.

Знала ли тифлисская охранка революционную биографию учительницы Стасовой? Местные жандармы, очевидно, знали многое; в некоторых казенных бумагах Елена Дмитриевна так и именуется: «...известная департаменту полиции».

Время от времени ее особой интересовались столичные власти.

Так, 15 июля 1908 года на запрос из Петербурга жандармский полковник Еремин отвечал, что проживающая в Тифлисе по Андреевской улице в доме № 13 Елена Дмитриевна Стасова, та самая, известная департаменту полиции, которая еще в 1902 году принимала «активное участие в организации С.-Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса и в слиянии вышеназванного союза с организацией «Искра»...». Но в ответе содержалось признание: «Установить же факт получения на ее имя нелегальной литературы не представилось возможным». Намеревались было произвести на ее квартире обыск, да не вышло. На короткий срок Стасова выбыла из города, видимо, кто-то ее предупредил...

Через два года, в августе 1910 года, из Тифлиса сообщили в Петербург о связях находившегося под гласным надзором старого народовольца — отбывшего каторжные работы Ивана Джабадари и его жены Ольги Любатович.

«Об этом можно заключить,— говорилось в полицейской сводке,— потому что учительница в школе Левандовской Елена Дмитриевна Стасова, приехавшая из Петербурга весной прошлого года, передавала ему ка-

кое-то поручение от петербургских социалистов-революционеров. Стасова — племянница известного покойного критика Стасова; она по убеждениям социалистка-революционерка».

Это последнее утверждение показывает, что сведения тифлисского жандармского управления были, мягко говоря, не совсем точны. Социалисткой-революционеркой Стасова никогда не была. И это не единственная «неточность» полиции.

В «деле» московского охранного отделения, озаглавленном: «О лицах, состоящих под наблюдением агентов», имеется «справка на Стасову». В ней есть такие строки: «По агентурным сведениям 1910 г., принадлежит к РСДРП фракции меньшевиков». Никогда Стасова не была и меньшевичкой.

Но далее в той же «справке» содержатся более достоверные сведения:

«В 1908 году, проживая в г. Тифлисе, она, по сведениям департамента полиции, получала из-за границы нелегальную литературу, а в апреле 1912 года проходила там же по наружному наблюдению под кличкой «Дельная» как видная и энергичная работница в Тифлисской с.-д. организации большевиков, а также вошла в качестве руководительницы в состав членов Центральной комиссии, организованной социал-демократами для подготовки выборов в IV Государственную думу».

В другой полицейской «характеристике» Елены Дмитриевны того периода сказано, что в Тифлисе, как «видная и энергичная партийная работница», она заняла «первенствующую роль»...

Погребок-духан под известной в Тифлисе «Северной гостиницей» славился отличным шашлыком и отборным букетом виноградного «Гурджаани». В этом духане случалось Елене Дмитриевне встречать будто невзначай товарищей, собравшихся для дружеского застолья. То столкнется с приехавшим из Баку знакомым человеком. А то типографщика увидит, того, которому обычно заказывает фирменные бланки и школьные табеля для «Общества учительниц».

Словом, разные случались встречи.

В крохотном кабинетике заведующей школой тоже

приходилось нередко принимать и родителей учеников, и всякого рода поставщиков, и вообще людей различных профессий и положений, так или иначе имевших касательство к школьным делам.

Домой к ней тоже приходили посетители и гости, по делам, а то и просто так.

Домой — это значит на квартиру, которую Стасова снимала у зубного врача Анны Александровны Крит.

«Остров Крит», как в шутку называли эту квартиру товарищи, помещался в доме № 13 по Андреевской улице. У квартиры немало достоинств. Недорогая. Есть два выхода — парадный, на улицу, и черный, через небольшой дворик, в соседний переулок. Хозяйка, симпатичная женщина, не очень-то вмешивалась в дела и жизнь своей квартирантки, а главное, была практикующим зубным врачом. Значит, приход в дом чужого человека не вызывал ничьего удивления — пациент мог в любой час явиться на прием и с острой болью, и зуб рвать, и экстренно лечить... Кстати, стоило Стасовой поселиться у Крит, как число страждущих от зубной боли явно прибавилось...

Елена Дмитриевна пользовалась услугами дворника Абаза, работавшего у хозяйки; дворницкие обязанности он совмещал с профессией муши, носильщика. Готов, когда требовалось, отнести письмо, повстречаться на базаре с нужным человеком, давал знать квартирантке-учительнице, если ее персоной начинали уж слишком дотошно интересоваться в полиции.

Да, чудесный был у Стасовой дар — сближаться с простыми тружениками и, вопреки своим внешне «генеральским» манерам, завоевывать их сердца. И в Питере, и в Тифлисе, да и повсюду — умение дружить Елена Дмитриевна ставила на службу революции.

Среди посетителей, чаще других навещавших Стасову, был худощавый невысокий человек с большими горящими глазами и поразительно доброй улыбкой. То, что он бывал у Стасовой, никого особенно не удивляло — ведь жена его, Ольга Вячеславовна, тоже учительница и работала под началом Елены Дмитриевны; и с ребятами их, с четверкой глазастых малышей, Стасова

любила повозиться в свободный час. Словом, дружила со всей семьей Сурена Спандаровича Спандаряна, журналиста, сына известного армянского общественного деятеля и публициста.

Сурен был единомышленником Стасовой, пламенным большевиком.

Хотя семья Спандаряна жила в Тифлисе, его самого трудно было застать дома, на Ольгинской улице. По журналистским делам он часто бывал в разъездах — то в Баку отправится, то в столицу.

Партийное имя Спандаряна — Тимофей и еще — Лаптев.

Псевдоним другого близкого товарища учительницы Стасовой, грузина, фельдшера Григория Константиновича Орджоникидзе,— Серго. Он появлялся в Тифлисе наездами, время от времени.

Связи Стасовой ширились, объем партийной работы увеличивался, появлялись все новые товарищи, местные и приезжие, в том числе и посланцы Ленина из-за границы.

...Тимофей начал сразу, без предисловий:

— Ну, Елена Дмитриевна, держитесь. Начинается настоящая работа.— Глаза его горели. Он был очень возбужден: — Настоящая!

Стасова, привыкшая уже за эти годы к пылкому темпераменту своих кавказских друзей, попросила Тимофея ввести ее в курс дела и по возможности без эмоций!

— Что ж, извольте, расскажу все по порядку. Объясню, как на уроке...

Спокойствия ему, однако, хватило на две-три фразы. Он увлекся, заговорил, спеша и жестикулируя.

— Приехал Серго. Учился у Ленина. В школе в Лонжюмо. Ленин послал его и других товарищей в Россию. Поручено готовить партийную конференцию. Большевистскую! Только конференция выведет партию на правильную дорогу.

Тимофей предложил Зельме (тогда Стасова пользовалась этим партийным псевдонимом) немедля включиться в работу по подготовке Всероссийской партийной конференции. Нужен организатор и секретарь.

Елена Дмитриевна в душе давно ждала этого часа. Тяготилась без энергичной и опасной партийной работы.

Жаркая тифлисская осень. В доме № 13 по Андреевской улице ставни наглухо закрыты, чтобы комнаты не накалялись от солнца. Семья Крит еще не вернулась с дачи — вся квартира в распоряжении Стасовой. Здесь-то и провели заседание комиссии по созыву партийной конференции. То было, по сути дела, второе заседание. Первое созвали в Баку. Но тогда, в сентябре, полиция напала на след большевиков. Схвачен был Степан Шаумян, а Серго лишь благодаря счастливой случайности избежал ареста. Пришлось перебазироваться в Тифлис.

Среди участников заседания еще один ученик партийной школы в Лонжюмо — Семен (Шварц). Он приехал с тем же поручением Владимира Ильича: готовить конференцию.

Собравшиеся выслушали короткую информацию о положении на местах: в каком состоянии организации, как относятся к созыву конференции. Потом договорились о порядке выборов делегатов. Сообща набросали проект обращения к членам партии.

За обилием дел и вопросов не заметили, как наступил вечер. Семену и Зельме поручили окончательно отредактировать текст принятых документов. Товарищи по одному разошлись, а Семен (ему идти было некуда) остался ночевать.

Стасова постелила ему на полу в хозяйском кабинете, но Семен так и не ложился — они переписывали текст обращения, потом говорили о прошлом и будущем. Семен снова и снова пересказывал свои беседы с Владимиром Ильичем, говорил о ленинских планах борьбы за единство партии.

Стасову интересовало все — до мелочей — о жизни, о настроении Ленина и Крупской, об их быте во Франции.

Наутро Семен покинул Тифлис — начал объезд комитетов. Вскоре по городам России отправился с той же целью и Тимофей. Разъехались и другие товарищи.

Стасова оставалась на месте, все связи сконцентрировались в ее руках. Труднее всего оказалось наладить издание документов партии, листовок и прокламаций. Но обращение к партии отпечатали в Тифлисе отдельным листком, тысячу экземпляров которого разослали по русским и заграничным адресам.

Перед самым новым, 1912 годом в Тифлис нелегальными путями пришел очередной номер газеты «Социал-демократ».

Статья «Развязка партийного кризиса» напечатана без подписи, но Елена Дмитриевна тотчас же узнала руку Ленина, его неповторимый стиль.

В статье высоко оценивалось значение созданного, теперь «практически действующего русского центра», которым является Российская организационная комиссия. Автор писал: «Паровоз поднят и поставлен на рельсы». И дальше: «Впервые после *четырех* лет развала и разброда собрался — вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и tutti quanti — русский с.-д. центр. Впервые вышел в России листок к партии от этого центра» *.

Как горда и счастлива была Стасова, прочтя в «Социал-демократе» столь лестную ленинскую оценку их работы. Опять она в гуще партийной жизни, в эпицентре событий!

Правда, не всегда и не во всем эта работа приносила радости. Случались и огорчения. Провалы товарищей. Пропажа почты. Разрыв связи.

И Ленин далеко не всегда хвалил их. Из Парижа приходили и «письма-бомбы», как в былые питерские времена.

Владимир Ильич писал: «Дорогие друзья! Меня *страшно* огорчает и волнует *полная* дезорганизация наших (и ваших) сношений и связей. Поистине, есть от чего в отчаяние прийти! Вместо писем вы пишете какие-то телеграфические краткие восклицания, из коих ничего понять нельзя».

Далее в этом письме Ленин четко сформулировал в одиннадцати параграфах, что именно и как следует сделать. «Иначе все одно хвастовство»,— подвел он итог. Эти четыре слова затронули Стасову больше всего. Чего-чего, а уж хвастовства она органически не выносила, и Ленин это знал. И все-таки написал,— значит, сердится не на шутку.

Орджоникидзе тотчас же ответил Ленину. Известил об этом Стасову: «Ильичу ответил... письмо его написа-

---

* В. И. Ленин перечисляет группы и течения, враждебные большевизму; tutti quanti — латинское выражение, обозначающее «все прочие».

но, как видно, в начале марта, теперь, должно быть, он до некоторой степени успокоился».

Процитированная переписка относится к марту 1912 года. То есть велась она уже после Пражской конференции, в которой участвовали Серго и Спандарян. Обоих избрали в Центральный Комитет партии. Стасова на конференции не присутствовала, но была избрана кандидатом в члены ЦК и членом его Русского бюро.

Когда в Тифлис вернулся сначала Сурен, а потом и Серго, работа значительно усилилась. Смогли наладить печатание нелегальной литературы в... легальной типографии. Листовки и воззвания выпускали на русском, грузинском, армянском и татарском языках. Отправляли в Баку, в Эривань, в Киев и Москву.

Обычно делалось так. Стасова заходила к хозяину типографии, передавала ему рукопись для набора, а заодно и заказ на бланки для школы «Общества учительниц». Она же сама являлась за корректурой, сама ее правила. Отпечатанную «продукцию» сочувствовавшие типографские рабочие доставляли в заранее условленное место, всякий раз в другое; оттуда листовки и брошюры забирал большевик Васо Хачатурян и приносил небольшими порциями к Стасовой на квартиру. Елена Дмитриевна сама упаковывала посылки, сама же относила их на почту.

Такая система позволяла довольно долго работать без провалов. Важно было не только отпечатать и разослать партийные документы, но и сделать это так, чтобы столичные полицейские власти и не догадались, что изданы они в Тифлисе...

Началась кампания по выборам в IV Государственную думу. Большевики при этом руководствовались резолюцией Пражской конференции, которая признала «безусловно необходимым участие РСДР Партии в предстоящей избирательной кампании...».

В начале марта 1912 года Ленин написал «Избирательную платформу РСДРП». Утвержденная ЦК, она в рукописи была доставлена из Парижа в Тифлис. Самым спешным порядком «Платформу» отпечатали — все тем же «нелегально легальным» способом — и от-

правили по восемнадцати адресам в крупнейшие пролетарские центры страны.

Издательская деятельность Стасовой и ее тифлисских друзей достигла к тому времени небывалого размаха. (По некоторым сведениям, только «Избирательной платформы» отпечатали сорок тысяч экземпляров. Тираж для того времени колоссальный.)

Елена Дмитриевна вошла в состав Центральной избирательной комиссии, объединившей в Тифлисе социал-демократов обеих фракций.

Тифлисской охранке, возглавляемой жандармским полковником Пастрюлиным, удалось напасть на след Дельной — Стасовой. Полиции в этом помог провокатор. Им оказался хозяин квартиры, где собиралась на свои заседания Избирательная комиссия, некий Кобяков; он был штатным осведомителем губернского жандармского управления.

Все больше материалов о работе Русского бюро и его секретаря накапливалось в картонных папках полицейских канцелярий. Не только в Тифлисе, но и в Петербурге.

В столичной охранке росла горка конвертов с тифлисскими адресами. Письма писаны то шифром, то химией, то и тем и другим, вместе взятым. В охранке с них снимали копии. Письма отправлялись дальше прямому адресату, а копии шли «в обработку».

Одно из писем отправлено из Петербурга в Тифлис по нейтральному адресу. В первом конверте — второй с надписью: «Убедительно прошу передать Елене Дмитриевне».

Текст заинтересовал жандармов: «Сегодня был у ваших; сделано все, как следует... Ваш лакей захотел от меня получить визитную карточку, у меня же, к сожалению, не оказалось не только визитной карточки, но и простой картонной бумажки; конечно, это ничуть не помешало сделать то, что нужно было. Беседовал с вашими всего несколько минут; жаль, что нужно мне было торопиться...»

Письмо любопытное. Оно свидетельствует о непосредственном участии отца и братьев Елены Дмитриев-

ны в ее делах. Родные не раз выполняли поручения Лены. Порой и весьма рискованные.

Однажды престарелого Дмитрия Васильевича и его сына Бориса даже «подвергли обыску». Этого от столичной полиции потребовал телеграммой начальник тифлисского губернского жандармского управления. Как указано в полицейском документе, они «ввиду безрезультатности последнего (обыска.— *Авт.*) оставлены на свободе».

В марте в Баку арестовали Сурена Спандаряна. Вскоре ему удалось освободиться, но ненадолго. Арестовали опять. В апреле в Петербурге полиция схватила тифлисского жителя, предъявившего паспорт на имя Гасана Новруз-оглы Гусейнова. То был Серго.

Связи, налаженные с таким трудом, рвались. Работать в Тифлисе становилось все труднее. «Наружное наблюдение» Елена Дмитриевна чувствовала буквально на каждом шагу. Филеры, не таясь, ходили по пятам.

Стасова писала Ленину: «Как только получу от вас ответ на мое письмо от 8/V,— двинусь в путь. Объеду всю публику и соберу в надежном месте для совещания. Пока приняты меры к тому, чтобы вышло письмо ЦК к организации. Надумали сделать это, чтобы показать, что «жив курилка» и что дело не умерло с арестами».

...Она собралась в Петербург. По пути, в Ростове-на-Дону, следовало повидать большевичку Веру Швейцер, передать ей конспиративные связи.

Наступило лето, в школе начались каникулы, формальных препятствий для поездки не существовало. А тут еще знакомая учительница, узнав, что Елена Дмитриевна задумала навестить родных, попросила взять с собой гостившего у нее мальчика, довезти до Екатеринослава, где его ждет отец. Стасова легко согласилась, рассчитав, что маленький спутник поможет сбить с толку жандармов.

Оставалось пристроить архив, найти надежное место для его хранения. Все шифры и переписка с Центральным Комитетом партии, копии писем Крупской, квитанции и счета — все это аккуратно упаковано в деревянный ящичек из-под папиросных гильз «Прогресс». И передано учительнице Вохминой, партийной «крестнице»

Стасовой, ее ближайшей помощнице. Договорились, что та спрячет этот ящик у верных людей. Мария Петровна уговорила Стасову оставить и черный портфель с письмами Крестникова, портфель, с которым Елена Дмитриевна не расставалась.

— Ну стоит ли его таскать с собой? Оставьте, сохраннее будет!

Это, как оказалось, была непростительная оплошность: содержимое портфеля неопровержимо свидетельствовало о том, кому принадлежат документы из деревянного ящичка...

Мы еще повоюем, черт возьми!

Начальник тифлисского жандармского управления полковник Пастрюлин 11 июня шифрованной телеграммой извещал донское охранное отделение:

«Из Тифлиса едет вагоне третьего класса будет Ростове завтра семь утра Дельная. Приметы: тридцать восемь лет, выше среднего роста, русая, лицо худое, чистое, нос длинный, прямой. Одета: черная шляпа маленькими полями синей лентой, темно-синяя жакетка, черная юбка».

Далее в депеше сообщались приметы филеров — некиx Кулика и Гринева. Один из них — в сером костюме, мягкой шляпе, крахмальном белье, второй — с рябоватым лицом и в железнодорожной фуражке.

Следующая телеграмма полковника Пастрюлина более обстоятельна:

«Вчера утром скорым выехала Ростов далее Екатеринослав секретарь Центрального Комитета Елена Дмитриевна Стасова кличка наблюдения Дельная сопровождении филеров Гринева Кулика. Ростове вокзале должна видеться курсисткой некоей Верой. Войдите связь моими филерами установите личность Веры по свиданию со Стасовой и Веру обыщите арестуйте после отхода поезда из Ростова».

Пастрюлин распорядился: «Моим филерам сопровождать ее (Стасову.— *Авт.*) дальше для выяснения по связям». Предложил к двум тифлисским шпикам присоединить еще одного, ростовского, и всей тройке «наблюдать со всей тщательностью и осторожностью».

Примерно в то же время шифровка поступила из Тифлиса в московскую охранку:

«Вчера скорым выехала на Екатеринослав секретарь цека беков Елена Дмитриевна Стасова куда на свидание с ней должны выехать из Москвы два члена цека Виктор и Константин... Прошу выяснения их обыске и аресте».

13 июня начальник ростовского охранного отделения подполковник Башинский доносил Пастрюлину, тоже по телеграфу:

«Дельная прибыв 12 утром Ростов с мальчиком отправилась курсистке Вере Швейцер. Мальчика позже отправила в Екатеринослав, а сама сегодня выехала поездом № 7, через Харьков, плацкартным вагоном в Москву сопровождении ваших и моего филеров».

Концовка депеши такова: «Телеграфьте что желательно вам сделать здесь всеми которыми она виделась».

В ответ из Тифлиса — срочная шифровка. Полковник Пастрюлин предписывал: «Ликвидируйте как Веру, так и выясненных по связям. Вера подлежит безусловному аресту, остальных желательно арестовать до выяснения личностей. Возможно, у Веры оставлено воззвание и должна быть переписка с Дельной и другими членами Центрального Комитета».

В телеграфную круговерть включился и подполковник Ломиашвили из харьковского охранного отделения. Он сообщал: Стасова проследовала в Москву.

К слежке подключено и екатеринославское охранное отделение. Оказывается, отправив мальчика одного из Ростова в Екатеринослав, Стасова телеграфировала «за своей фамилией некоему Медведникову о выезде Жени».

Срочное распоряжение из Тифлиса: выяснить и доложить!

Несколько позже поступил шифрованный ответ из Екатеринослава. Медведников оказался... Медведниковым-папой, а мальчик Женя — его сыном, гостившим в Тифлисе. У Медведникова провели тщательный обыск и, конечно, ничего не обнаружили. Нашлось только письмо тифлисской тети мальчика, которая сообщала родным, что «Женю в дороге взялась опекать наша учительница, едущая в Питер».

Однако екатеринославская «ветвь», так сказать, боковая. Слежка усиливается по главному направлению.

В ночь на 13 июня в Москве получена новая шифрованная телеграмма от развившего бешеную деятельность Пастрюлина:

«Завтра поездом семь из Ростова прибудет Москву наблюдением трех филеров член цека беков Елена Дмитриевна Стасова... Прошу обыскать, арестовать... не ссылаясь на Тифлис».

Пока поезд на всех парах шел к Москве, пока пассажирка третьего класса под неусыпными взорами господ — одного в сером костюме и крахмальном белье, другого в железнодорожной фуражке — совершала свое путешествие, телеграфные аппараты полицейских управлений продолжали отстукивать новые донесения.

В Ростове взята Вера Швейцер. По связям с ней обыскано и задержано пять человек. Среди отобранной партийной переписки и других бумаг оказалась записка некой Зельмы.

При обыске Швейцер разорвала и выбросила эту записку, но жандармы, подобрав клочки, восстановили текст. Сомнений нет: Зельма — Стасова — предупреждала Веру о приезде, о необходимости поговорить не мельком, а подробно, для чего она намерена пробыть в Ростове целые сутки...

В Москве Стасову не арестовали. Очевидно, петербургское начальство распорядилось беспрепятственно «проводить» ее в невскую столицу.

Еще одна телеграмма. Помощник начальника московского охранного отделения подполковник Турчанинов доносил департаменту полиции, что «14 числа в 7 часов 45 мин. вечера в Москве на Курском вокзале была принята в наблюдение» прибывшая из Тифлиса Стасова, а «в 10 час. 30 мин. вечера, с поездом № 10... в сопровождении филеров... выехала в Санкт-Петербург. За время пребывания в Москве — 3 часа 45 мин. Елена Дмитриевна Стасова ни с кем сношений и свиданий не имела».

Нет сомнений, что Елена Дмитриевна, обнаружив длинный «шлейф» из филеров, который тянулся за ней от Тифлиса,— не увидеть этих господ было попросту невозможно — отказалась от встреч в пути. В Харькове она не выходила на вокзал, в Москве не воспользовалась свободным временем от поезда до поезда.

В полицейских «делах» сохранилось любопытное донесение московских филеров. Они проследили и зафик-

сировали каждый шаг Дельной — с той минуты, когда она с несессером и портпледом в руках вышла из вагона на перрон Курского вокзала, и до той, когда в Петербурге «была передана наблюдению столичных филеров». Четверых!

...Ну наконец-то, вот и дом. Ей хотелось прилечь, отдохнуть. Чувствовала себя отвратительно — голова разламывается от боли, по-видимому, жар. Как некстати...

Дома никого нет. Но этого она и ждала, знала, что родные на даче. Отчего так встревожен Роман Васильевич, старый друг, старый слуга?! Был обыск. Ничего ведь не нашли? Значит, все образуется. Она больна. Она ни о чем не может думать...

Резкий звонок. Полиция! Да, быстро же они появились — на полчаса, не больше, удалось ей оторваться от преследователей. А так хотелось побыть одной в тиши и прохладе, собраться с мыслями... Ничего, «голубые мундиры» уйдут с пустыми руками, ведь нет никаких компрометирующих ее документов ни при ней, ни в отцовском доме.

Жандармы действительно при обыске ничего не нашли, но тем не менее Елену Дмитриевну арестовали. Отвели в ближайший участок — тут, рядом, на Фурштадтской, 26.

У нее не было сил протестовать. Одно стремление, чтобы скорей закончились полицейские формальности.

В участок приехал оповещенный Романом Васильевичем брат Андрей. Ему, как мировому судье, пристав разрешил короткое свидание.

Елена Дмитриевна успокоила брата — за ней ничего нет! — передала ему кое-какие срочные поручения, простилась.

Городовой уже сбегал за извозчиком — ее переводили в Дом предварительного заключения. И вот она снова в тюремной одиночке, сначала в «предварилке», потом в петербургской пересыльной тюрьме.

Департамент полиции приказал арестованную Стасову отправить в Тифлис. Там ее ждет не дождется полковник Пастрюлин.

Отцу и брату удалось после нелегких хлопот добиться ее отправки за свой счет. Разумеется, под конвоем.

Елена Дмитриевна была спокойна, боль утихла, улик у жандармов — никаких. Все образуется.

На сей раз Стасова ошиблась.

В Тифлисе случилось то, чего она никак не могла ожидать. Мария Вохмина, которая взялась спрятать в надежном месте у верного человека деревянный ящик из-под гильз фирмы «Прогресс» и черный стасовский портфель с письмами, перепоручила это дело Армenуи Оввян. Молоденькой учительнице, совсем еще неопытной подпольщице. Та отнесла — для верности — дяде своему Якову Мгеброву, проживавшему по Молоканской улице в доме № 7. Дядя по просьбе племянницы спрятал большой пакет в кухонном шкафу. Там его и нашли жандармы, проследившие за «маршрутом» Оввян.

Все документы, и шифры, и письма попали в сейф начальника тифлисского жандармского управления полковника Пастрюлина. Крупный «улов», удача охранки!

На первом же допросе в Тифлисе, узнав, что документы и переписка находятся в руках жандармов, Елена Дмитриевна поняла: дело заварилось нешуточное. Поняла, по ее словам, что «села крепко».

Так оно и было. Власти затеяли громкий политический процесс.

Из Петербурга доставили Стасову, из Ростова — Веру Швейцер. К тому времени Сурен Спандарян уже не первую неделю отсиживал в камере № 10 губернской тюрьмы № 2. Так официально именовался мрачный старинный Метехский замок, чьи увенчанные зубцами твердыни нависли над обрывистым берегом мутной Куры. Сюда же посадили и Васо Хачатуряна; при обыске у него обнаружили армянский и грузинский шрифты, типографские принадлежности. Арестовали, присоединив к Сурену и Васо, наборщика Нерсеса Оганесянца, взятого по подозрению в печатании нелегальной литературы. Схвачены были и обе учительницы — Вохмина и Оввян.

Спешно началось «дознание по обвинению в участии в преступном сообществе, поставившем себе целью насильственное ниспровержение существующего государственного и общественного строя».

Трое мужчин заключены в Метехский замок, четверо женщин — в губернскую тюрьму.

Стасову, как «главаря», жандармский ротмистр Патрик приказал «изолировать совершенно от прочих арестанток». Но как поступить, если в губернской тюрьме нет одиночных камер? Смотритель тюрьмы Рымкевич нашел выход: распорядился посадить ее в общую каме-

ру, но с уголовными. Лишь через несколько недель, после бурных протестов, она добилась перевода в камеру политических.

В одной камере со Стасовой, Швейцер, Вохминой и Оввян помещались сестры Тер-Петросян — Джаваир и совсем молоденькая Арусяк. Их обвиняли в содействии брату, бежавшему из Михайловской тюремной больницы.

Брат их — легендарный Камо, боевой революционер, большевик, наводивший ужас на жандармов. Елена Дмитриевна знала его еще с 1906 года, когда на Карельском перешейке, на даче «Ваза», увидала Камо в обществе Владимира Ильича, Максима Горького и Леонида Красина. Вскоре после того встречала в Петербурге в облике грузинского князя Коки Дадиани и восхищалась его аристократическими манерами. Следила за смелыми подвигами отчаянного кавказца, выполнявшего самые трудные и опасные задания Боевой технической группы Центрального Комитета партии. Ей нравился этот отважный революционер с доброй и чистой душой. Позднее, в 1920 году, судьба распорядилась так, что Елена Дмитриевна породнилась с Камо.

Симон Аршакович Тер-Петросян, вошедший в историю под революционным псевдонимом Камо, стал мужем Софьи Васильевны Медведевой, внучки Владимира Васильевича Стасова. «Софья маленькая», так звали ее в стасовской семье, в отличие от мамы ее «Софьи большой», двоюродной сестры Елены Дмитриевны.

А сейчас в Тифлисе, в тюрьме она встретилась с сестрами Камо.

На первом допросе Стасова признала, что ей адресованы письма Крестникова; позже, после сличения почерков, согласилась, что и бумажка с подписью Зельма написана ею. И все. На другие вопросы жандармов отказалась отвечать, заявив, что предпочитает дать ответ суду. Спандарян и Вохмина придерживались такой же тактики, отказываясь давать показания на допросах.

Следствие затягивалось. Документов при арестах отобрано много: письма, записки, черновики, записи химические и шифрованные, прокламации и брошюры,

квитанции, счета. Переписка и литература не только на русском, но и на грузинском, и на армянском языках... Все это требует перевода. Шифрованные записки в Тифлисе прочитать не смогли, вынуждены были «на предмет дешифровки» посылать в столицу специалистам департамента полиции. Понадобилось проводить графическую экспертизу документов, сличая их с почерком каждого из семи обвиняемых. Пришлось сноситься со многими городами — Петербургом, Москвой, Ростовом-на-Дону, Уфой, Киевом, Баку, запрашивать жандармские управления и охранные отделения.

Из этих запросов стоит выделить и привести хотя бы один.

С грифом: «В. Спешно. Секретно. Арестантское». Из Тифлиса спрашивали петербургское охранное отделение, не обнаружено ли у арестованного 14 апреля с. г. в Санкт-Петербурге Орджоникидзе, «известного в соц.-дем. организации под именем «Серго», писем за подписью «Зельма»? В утвердительном случае прошу их мне препроводить».

Департамент полиции подгонял Пастрюлина, все более определенно выказывал недовольство медлительностью. Начальник тифлисских жандармов оправдывался, как мог, ссылался на исключительные трудности, связанные со следствием; обвиняемые навстречу не идут, напротив, запутывают, а бумаг горы.

Только в самый последний день года, 31 декабря, жандармское управление смогло, завершив дознание, передать многотомное дело судебным органам.

О том, сколь внушительно и объемисто было дознание, легко представить себе, узнав, что одна лишь присовокупленная к делу «Опись вещественных доказательств» содержала 279 пунктов. Описаны прокламации и книги, вырезки из легальной немецкой социал-демократической газеты «Форвертс» и открытка с рисунком «Пауки в царской короне», фотография лейтенанта Шмидта и листок тонкой бумаги с надписью «К. Серго», маленький красный кожаный бумажник и чемодан с шрифтами. И злополучный деревянный ящичек из-под гильз...

Начался второй этап подготовки процесса. 15 февраля товарищ прокурора Тифлисской судебной палаты Васильев подписал обвинительный акт. В нем говорилось, что все семь обвиняемых «предаются суду Тифлисской судебной палаты с участием сословных представителей».

Но и судейская колымага ползла черепашьим шагом — со дня подписания обвинительного акта до дня начала судопроизводства прошло почти три месяца.

Миновали три времени года, с тех пор как Стасову доставили из Питера. Холода сменились благоуханной кавказской весной. В открытые окна камеры (если допустимо применить такое выражение к окнам за массивными и густыми решетками) доносились пьянящие запахи цветущей сирени, глицинии, других южных растений, названий которых Елена Дмитриевна не знала. В такую пору заключенному особенно трудно.

С тем большим рвением берется арестантка Стасова за работу. Давно уже собиралась, обобщив свой опыт преподавания, написать школьный учебник по истории первобытного общества. Собиралась, но, увы, никак не могла на свободе выкроить свободное время. Зато в тюрьме времени хоть отбавляй.

Добилась разрешения выписать несколько особенно необходимых книг. Принесла ей с передачей доктор Крит, ее хозяйка, писчую бумагу, чернила, перья — и дело пошло. Каждодневно она задавала себе определенный урок и обязательно его выполняла.

Да, Стасова сумела в тюремных условиях, в общей камере, написать книгу. Исхлопотав у тюремной администрации разрешение, переслала рукопись в Петербург, родным. Что ж, ознакомившись с написанным и убедившись, что крамолы нет, что это действительно учебник, а не что иное, начальник тюрьмы разрешение дал. Даже хвастался своим знакомым: вот, мол, какие арестанты у меня, учебники в тюрьме пишут!

Дмитрий Васильевич, получив от дочери из Тифлиса рукопись, решил посоветоваться с известным историком, редактором журнала «Голос минувшего» Мельгуновым.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) сохранились три письма Дмитрия Васильевича об этой рукописи.

В первом письме, относящемся к 1913 году, Стасов просит оценить достоинства и недостатки учебника по развитию первобытной культуры, написанного «одной учительницей». Через год, напоминая корреспонденту, называет автора рукописи «одним близким мне лицом». Прошел еще один год, а судьба учебника все не решалась. И отец вновь напоминает, просит ускорить ответ и оценку работы, написанной «моей дочерью, находящейся на поселении в Енисейской губернии».

Наконец получен ответ из издательства «Задруга», куда Мельгунов направил рукопись. Ответ отрицательный. Однако его стоит, на мой взгляд, привести здесь.

«Рассмотрев книгу г-жи Стасовой, озаглавленную «Учебник по истории первобытной культуры»,— говорилось в письме,— историческая группа книгоиздательства «Задруга» пришла к следующему выводу. Книга написана живым, доступным языком и обнаруживает в авторе популяризаторские дарования, но вместе с тем она значительно отстает от многих выводов современной науки... По всем этим основаниям историческая группа, признавая в авторе способность к талантливому популяризированию и прекрасный стилистический дар, тем не менее высказывается за отклонение настоящей книги».

Работая над учебником, Елена Дмитриевна одновременно готовилась к защите на предстоящем судебном процессе, разрабатывала тактику поведения для себя и своих подруг. Тут встретилось немало трудностей. По убеждениям и по характеру своему Стасова готова была выступить на суде «с открытым забралом» — прямо заявить о политических взглядах, использовать допросы и последнее слово не для защиты — для нападения на самодержавие. Она этого хотела. Но поскольку Стасова и Спандарян должны стать на процессе «главными действующими лицами», тактика открытого боя с судьями чревата тяжелыми последствиями не для нее одной, а для всех подсудимых. Учитывая это, продумали довольно тонкую линию поведения: политические убеждения признавать, но не давать повода суду констатировать организационные связи, отвергать конкретные обвинения. При этом Стасова и на следствии, и на суде категорически отрицала вину Вохминой и особенно Ов-

вян: они ведь понятия не имели о содержимом ящичка из-под гильз!

По просьбе Дмитрия Васильевича защиту Елены Дмитриевны взял на себя давний друг семьи, известный петербургский присяжный поверенный, защитник на многих политических процессах Михаил Вильямович Бернштам. Спандаряна и других подсудимых защищали лучшие тифлисские адвокаты, среди которых был и большевик Рубен Павлович Катанян.

Стасова, обсудив со своим адвокатом все аргументы защиты, потребовала, чтобы он оспаривал лишь юридическое обоснование обвинения, не касаясь политики. И уж ни в коем случае не стремился разжалобить судей!

— Имейте в виду, Михаил Вильямыч, чуть только услышу жалостные нотки в вашей защите, тотчас же разъярюсь и испорчу всю обедню. Так что лучше и не пытайтесь!

Адвокат развел руками:

— Ваша воля.

— Моя, моя! — твердила арестантка.

О боевом настроении Елены Дмитриевны свидетельствует и ее письмо к отцу, отправленное незадолго до начала процесса. Она писала:

«Знаешь, как у Тургенева стихотворение в прозе про воробьев кончается словами: мы еще повоюем, черт возьми! А ведь там это восклицание относится к смерти, а у меня в худшем случае только к каторге. Дистанция огромного размера!»

Наконец был определен день суда: 1 мая. Назначили — и спохватились, перенесли на второе число.

Причина? В секретных сводках жандармского управления, полученных «агентурным путем», то есть через пробравшегося в организацию провокатора, сообщалось, что 1 мая тифлисские социал-демократы намереваются устроить на суде демонстрацию «с целью протеста против суда и оказания сочувствия подсудимым». Предполагалось, в частности, эту демонстрацию «совершить в виде пения революционных песен в зале или в коридоре...».

Сами же подсудимые договорились в ознаменование праздника явиться на суд с красными цветами и по воз-

можности отделать платье чем-нибудь красным. (Стасова потом вспоминала, что на процессе она была в черном платье с красным воротничком и красным поясом.)

Нет, лучше уж не приурочивать начало процесса к 1 мая, хлопот не оберешься!..

Утро 2 мая. Конвой вводит в зал судебной палаты подсудимых. Они располагаются на скамьях, за барьером. На своих местах прокурор, защитники. Публики немного: только избранные господа и дамы да родственники подсудимых по особым разрешениям.

Стасова вглядывается в зал и видит могучую фигуру Бориса, брата. Даже сидя, он выделяется своим ростом. Приехал, славный Боря, он всегда с ней заодно. Но кто это рядом с ним? Зина, невестка.

И в тот же миг Елена Дмитриевна увидела маму, Поликсену Степановну. Как она похудела, осунулась, совсем стала старушкой! Мама, мамочка, милая, как же ты отважилась пуститься в такую дальнюю дорогу?! Бедная моя, сколько горя доставляет дочь тебе и папе!..

Волна жалости к старикам, к своим родным, гордым и добрым старикам, ни разу не попрекнувшим непокорную дочь, подкатила к горлу. На глаза невольно навернулись слезы. Но она тотчас же взяла себя в руки. Нет, никто не увидит ее слабости. Напротив! И маме она не доставит добавочных волнений. Мамочка, поверь, ты можешь гордиться своей дочерью. Это я тебе докажу еще раз тут, на процессе...

Распахнулись двери: «Прошу встать, суд идет!»

Началось заседание Особого присутствия Тифлисской судебной палаты. Председательствует сам председатель палаты Богородский. С ним — три постоянных члена, судейские чиновники, и три сословных представителя — от дворянства, купечества и от крестьян. Обвинение поддерживает товарищ прокурора Лебединский.

Сразу же между обвинением и защитой завязывается спор «по процедурному вопросу». Прокурор настаивает вести процесс при закрытых дверях, мотивируя это тем, что «в документах, могущих быть оглашенными, попадаются выражения, явно оскорбительные для особы государя императора». Присяжный поверенный Бернштам доказывает неправомерность требования прокурора.

Суд после долгих словопрений принимает соломоново решение — и так и этак: если будут оглашать подобные документы — двери закрыть, если не будут — открыть.

Тифлисский процесс вызвал большой резонанс не только на Кавказе — по всей стране. Ленинская «Правда» в номерах от 30 апреля, 4, 7 и 10 мая помещала телеграммы из Тифлиса о процессе — вначале о предстоявшем, а потом и об уже состоявшемся, и о приговоре. Телеграммы публиковались под заглавием «Дело с.-д.».

В номере «Правды» за 30 апреля рядом с телеграммой из Тифлиса заверстана хроникальная заметка о высылке Якова Михайловича Свердлова на пять лет в Туруханский край, а жены его, Клавдии Тимофеевны Новгородцевой, с малым ребенком — на два года под особый надзор полиции.

Так по случайному стечению обстоятельств супруги Свердловы и Елена Дмитриевна стали «соседями» на газетной полосе. Суждено им было стать в будущем близкими друзьями и соратниками.

4 мая под рубрикой «Телеграммы» «Правда» напечатала следующую заметку:

«Тифлис. В судебной палате с участием сословных заседателей слушается дело о членах с.-д. партии. Среди подсудимых дочь прис. пов. Стасова, три учительницы и трое молодых армян... По распоряжению палаты двери были закрыты во время чтения обвинительного акта и документов. Допрос свидетелей и прения сторон происходили при открытых дверях».

Стоит сказать о свидетелях. Их прошло перед судом двадцать два; тринадцать из них — чины полиции и жандармерии, во главе с полковником Пастрюлиным. Уже самый состав свидетелей вполне определенно характеризовал направленность процесса, предрешенность приговора. Но какая воспоследует кара?

Три дня заседало Особое присутствие. Шестеро из семи подсудимых были признаны виновными. Обвинения против Нерсеса Оганесянца, наборщика, не подтвердились, его оправдали.

Что касается «дворянки Новгородской губернии Елены Дмитриевны Стасовой, 38 лет», то она была признана виновной в том, что «в течение 1911 г. и первой половины 1912 г. состояла участницей тайного сообщества, присвоившего себе наименование Российской Социал-Демократической партии и заведомо поставившего целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение в России установленного законами основными образа правления...» Далее указано, что Стасова состояла «членом Центрального Комитета этого сообщества», создала в Тифлисе «организацию оного» и руководила всеми действиями этой организации: привлекала новых членов, составляла, изготовляла и распространяла нелегальную противоправительственную литературу, устраивала тайные собрания, производила денежные сборы...

...Суд удаляется на совещание! Долго, до ночи, тянулись дебаты в судейской комнате. Мнения членов Особого присутствия разделились. Трое «штатных» судей считали, что Стасову и Спандаряна следует приговорить к каторжным работам, трое сословных представителей склонны были для всех осужденных ограничиться ссылкой на поселение в Сибирь. Чаши весов тифлисской Фемиды колебались. Точку в споре поставил Богородский, председательствующий: «Ограничимся ссылкой».

Чем была вызвана мягкая его позиция? Быть может, страшился общественного мнения, поскольку процесс приобрел широкую огласку. А возможно, просто по-человечески пожалел стариков — родителей Стасовой.

Сведущие люди утверждали, что дело обстояло именно так. Даже передавали фразу, якобы произнесенную председателем Особого присутствия: «У такого благородного отца — такая мерзавка дочь! Дадим ей поселение».

Один из судей, член палаты Кулибин, написал «особое мнение». Оно гласило:

«Находя, что подсудимые Стасова и Спандарян, лица развитые, вполне ответственные за свои действия и сознательные партийные работники, выделились своей активностью из числа остальных подсудимых; что подсудимые Вохмина и Оввян вовлечены в преступление Стасовой, которая к тому же состояла и членом Центр. Комитета РСДРП; что по сему и не усматривая в деле

обстоятельств, уменьшающих вину этих двух подсудимых, при наличности коих они могли бы быть признаны заслуживающими снисхождения, я полагал бы не применяя к подсудимым Елене Дмитриевне Стасовой и Сурену Спандарову Спандаряну 53 ст. Уг. Улож. сослать их в каторгу».

К счастью, «особое мнение» Кулибина не получило дальнейшего хода. Власти сочли возможным «ограничиться» ссылкой на поселение в Восточную Сибирь. Бессрочной, с лишением всех прав.

Любопытный психологический штрих. Если председатель Особого присутствия Богородский знавал отца Елены Дмитриевны, то член суда Кулибин был однокашником ее брата Андрея по Училищу правоведения. Но ежели в первом случае знакомство принесло пользу — смягчение приговора, то во втором могло нанести вред.

Кончился суд. Последнее свидание с родными, отъезжающими в Петербург. Трудные минуты. Особенно тяжко было взять себя в руки и не расплакаться, когда мама ласково уговаривала ее: берегись простуды, одевайся теплей, ведь в Сибири такие холода!

Сдержалась, не расплакалась, нашла в себе силы шутить и улыбаться...

Из их камеры двое — Вера Швейцер и Маша Вохмина — готовились в путь сибирский, дальний. Сурен Спандарян и Васо Хачатурян должны с первой же партией отправляться по этапу к месту поселения — в Енисейскую губернию.

Стасовой выпала доля ждать. По существовавшему законоположению касательно ее, потомственной дворянки, приговор должен посылаться на утверждение государю императору. Испрашивалось «августейшее соизволение», чтобы лишить ее дворянства, а с ним и «всех прав состояния».

Оставлена пока и Арменуи Оввян, подавшая кассационную жалобу.

Лето в Тифлисе всегда жаркое; само название города возникло от грузинского слова «тбили», что означает: «тепло». Но в 1913 году лето выдалось на редкость

знойным. Газета «Кавказ» сообщала о солнечных ударах и пожарах, о засухе. Объявления приглашали «господ посетителей спасаться от жары в первоклассном ресторане «Бо Монд»...»

При такой температуре, без дуновения ветерка сидеть в каменном мешке старого тюремного здания особенно мучительно. Жара сковывает движения, парализует волю.

Но Стасова не изменила привычный распорядок дня — убирала камеру, делала гимнастику, писала учебник. Выполнив «урок», занималась с Арменуи политэкономией и французским.

Редко-редко позволяла себе расслабиться, поохать:

— Бедная моя мамочка, она так страшилась сибирских морозов. Но до них надо еще дожить. Боюсь, что прежде того мы с тобой, Арменуи, изжаримся на этой адской сковороде!..

В конце сентября прибыла бумага из министерства юстиции: Николай II утвердил приговор и лишил Стасову дворянства. К тому же времени Оввян получила извещение, что кассация ее оставлена без последствий.

Но миновало еще два томительных месяца, пока все формальности были соблюдены и Стасову с Оввян включили в состав очередной этапной партии арестантов.

Путь предстоял такой: Баку — Ростов-на-Дону — Козлов — Ряжск — Самара — Челябинск и, наконец, Красноярск. Во всех этих пунктах остановка, короткий привал в пересыльной тюрьме (исключая разве Красноярск, где сидеть, ожидая распределения на место ссылки, пришлось недели две, не меньше). Изо дня в день грубые окрики конвойных, перекличка и пересчеты, подъемы и отбои, ночи на грязных нарах и снова построение в шеренги, посадка в тюремный вагон. Долгая, бесконечно долгая, изнурительная дорога.

Что же взяла с собой Стасова на этап? Кроме узелка с бельем и зубной щетки запаслась единственной книжкой, которую этапное начальство не могло не разрешить взять. То были «Правила конвойной службы», официальное издание.

Объяснила она так:

— Лицо, «лишенное прав состояния», угоняемое этапным порядком вместе с уголовными, я хотела знать, что дозволено конвойным и что имеют право требовать заключенные.

Вооружилась «Правилами» и не давала конвойным никаких послаблений, требуя того, что положено, отстаивая права бесправных. Воевала с ними люто.

По-детски гордилась, когда узнала, что один конвойный жаловался другому: «Ну и бабу бог послал. Все законы назубок знает, чуть что — так и сыпет: параграф такой-то и пункт такой-то, номер за номером. Спасу от нее нету...»

Небо над головой

Небо фарфорово-голубое, высокое, зимнее. И ночной небосвод, прочерченный геометрическими узорами звезд. Только теперь, в Сибири, в ссылке, она почувствовала то ощущение бесконечности, которое приносит небо над головой. Открытое небо.

После долгих месяцев сидения в Тифлисской тюрьме, после тягучих недель этапного перегона в мучительно-душном арестантском вагоне Елена Дмитриевна смогла наконец перевести дух. Морозный сибирский воздух показался ей упоительно свежим. И это обстоятельство скрасило первые дни пребывания в ссылке, в этой «тюрьме без крыши».

В село Рыбинское (местные жители называют его: Рыбное) стражник привез ее — надо же такому случиться! — утром 9 января 1914 года, в годовщину Кровавого воскресенья. Тут, в этом большом сибирском селе, Стасовой по воле начальства предстояло поселиться «навечно».

Было морозное утро, пустые улицы утопали в сугробах, из труб вертикально поднимались в небо султаны дыма — в избах топились печи. Стасова наняла сносное, по здешним меркам, жилье — часть домика, горницу, вход в которую ведет через кухню, договорилась с хозяевами насчет дров и керосина, разложила свой скудный скарб. Ну вот, я и добралась до места!

Что ж, жить можно. Касаемо «вечности», на которую обрек ее судебный приговор, это еще посмотрим, но бежать из ссылки она пока не намерена.

Для нее, надо полагать, дело найдется и здесь, в Сибири. В Рыбинском довольно большая колония политических. Елена Дмитриевна, не мешкая, отправляется знакомиться с товарищами.

Вечером первого же дня в ее горнице собирается группа «политиков» помянуть жертвы 9 января 1905 года. Говорили не только о прошлом — о нынешних делах, о жизни на воле, о жизни здесь, в сибирских заснеженных просторах...

За окном пуржит, а в доме тепло, потрескивает фитиль в керосиновой лампе; они ведут неторопливый разговор, приглядываются друг к другу, вновь прибывшая и старожилы-рыбинцы, ветераны ссылки.

Иван Панкратов, рабочий-большевик, петербуржец, вспоминал:

«Уже по первому впечатлению тов. Стасова резко выделялась из среды остальных политических ссыльных. Высокая фигура Елены Дмитриевны, ее энергичное лицо и какая-то особенная товарищеская простота сразу притягивали к ней... Позже более близкое знакомство с Еленой Дмитриевной, жизнь и дела нашей ссыльной колонии показали, что Стасова стала центральной фигурой среди политических ссыльных села Рыбинского. Товарищи из всех окружных сел тянутся к Елене Дмитриевне за советом и различного рода помощью. На всех собраниях рабочая часть ссылки группируется вокруг Елены Дмитриевны».

Хочется отметить еще одно обстоятельство. Выросшая и воспитанная в благополучной семье, в холе и довольстве, привыкшая к комфорту, Елена Дмитриевна оказалась удивительно неприхотливой и нетребовательной к пище, к одежде, к жилью, к бытовым условиям вообще, хотя аскетом она не была. И вкусная еда, и нарядная кофточка, и уют в комнате не оставались для нее чуждыми. Но она научилась отказываться от этих «пустяков» (так она говорила), если того требовали обстоятельства жизни. Умела переносить трудности, житейские невзгоды. Потому-то столичная жительница Стасова быстро приспособилась к сибирскому сельскому быту, к тяжелым условиям ссылки.

Еще одно отступление. В 1931 году Общество старых большевиков распространило среди ветеранов революции анкету. В ней значился и такой вопрос: «В чем вы нуждаетесь?» Ответ Стасовой: «Ни в чем».

Да, она действительно всегда умела довольствоваться тем, что есть, считала, что имеет все необходимое.

Вернемся снова к воспоминаниям Панкратова.

«Елена Дмитриевна,— писал он,— неустанно работала над подъемом культурного и политического уровня рабочей части рыбинской ссылки, и даже простые беседы по политическим вопросам, которые велись на квартире Стасовой, очень многое нам давали... Двери квартиры Елены Дмитриевны были широко открыты для всех политических ссыльных. Особенно горячо любили «Митриевну», как звал ее иваново-вознесенский ткач Сеня Пирожков, рабочие».

Опытом многих поколений революционеров проверено, что в ссылке губительно безделие. Нет занятий — и человек впадает в апатию, опускается. Елена Дмитриевна знала об этом. Праздность, бездеятельность не вязались с ее натурой. С первого же дня в Рыбинском она занята самыми различными делами. Сразу приискала себе уроки. Местное начальство смотрело на это сквозь пальцы, а учеников оказалось предостаточно. Первым захотел изучать немецкий язык начальник почты Полосухин. Ему, чтобы получить следующий чин, предстояло сдать экзамен. Потом появились и другие ученики, дети и взрослые.

Уроки давали известную материальную независимость. А деньги очень нужны Стасовой. Не только для себя. Для товарищей, с которыми делилась всем, чем только возможно.

Родители, братья постоянно предлагали прислать ей деньги. Елена Дмитриевна чаще всего отказывалась. В одном из писем родным она так обосновала эту свою позицию:

«Гораздо лучше себя чувствую нравственно, когда я работаю и живу на свой собственный счет... Это уж пролетарская психология, и ничего ты с нею не поделаешь».

Она гордилась, что могла написать о себе так — о «пролетарской психологии». Посвятив жизнь идейной борьбе за освобождение рабочего класса, Стасова, естественно, оторвалась от прежней среды, стремилась ни в чем не выделяться из массы передовых борцов-пролетариев. И радовалась, когда это получалось.

Да, денег для себя у родных старалась не брать. Однако, когда необходимо помочь товарищам, обращалась к близким. Очень туго пришлось на первых порах ее тифлисским друзьям — Сурену Спандаряну, Васо Хача-

туряну, Марусе Вохминой. Трескучие сибирские морозы застали их врасплох, без теплой одежды, без дров.

Друзей поселили неподалеку от Рыбинского, в селах Канского уезда. (Неподалеку — это, разумеется, по сибирским понятиям, когда и сто, и двести верст санного пути не считались большим расстоянием.)

Чтобы выручить товарищей, Стасова мобилизовала все, что только смогла: сама помогала, родных просила, писала во все концы. Известно, в частности, что обращалась она с просьбой организовать помощь нуждающимся ссыльным в редакцию русской газеты «Новый мир», находившейся в Нью-Йорке.

В самом Рыбинском Елена Дмитриевна устроила кассу взаимопомощи. Каждый из товарищей, внося посильный взнос, мог в трудный час рассчитывать на поддержку кассы.

Но деятельность Стасовой не ограничивалась только этим. Она создала в Рыбинском «нечто вроде школы» (так она сама ее называла). Там читали вслух каждый номер «Правды», каждую книжку большевистского журнала «Просвещение», готовили рефераты по вопросам революционной теории и практики.

Не раз в редакции социал-демократических органов приходили отклики на различные события политической жизни, резолюции в поддержку большевистской фракции Государственной думы или бастовавших рабочих, подписанные: «Группа ссыльных одной из волостей Канского уезда».

Обосновавшись в Рыбинском, Стасова одной ей ведомыми путями нашла возможность дать о себе знать в Краков — Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

6 марта (21 февраля старого стиля) 1914 года Крупская ответила Гуще.

«Дорогой друг,— говорилось в письме,— наконец-то получили от Вас весточку, были страшно рады, шлем горячий, горячий привет. Пишите чаще. Адрес, по которому Вы написали, вполне надежный. Связей ни с одной сибирской организацией у нас нет, и даже не знаем, есть ли где в Сибири таковые.

Прежде всего одна просьба. Из местного Красного креста есть возможность получать регулярные пособия

поселенцам... Устроили пока что ежемесячную высылку Тимофею * (через семью) 10 р. (больше одному человеку не высылают) и единовременное пособие. Затем других адресов у нас нет... Выясните, пожалуйста, нуждающихся, пришлите точные и подробные списки и адреса для денег, самые точные. Все бы это желательно поскорее».

Надежда Константиновна писала, что «из обращения изъяты почти все сколько-нибудь опытные работники», сетовала на отсутствие явок, на нехватку денег, на то, что «нет никакой возможности содержать разъездных агентов...».

Положение трудное, но Крупская с гордостью отмечала «колоссальный рост массы, которая по общему признанию выросла страшно, революционно настроена... Сознательного элемента везде немало. Все время идет неутомимая организационная работа... Легальная работа ведется упорно». Письмо заканчивалось так:

«Смотреть на положение дел пессимистически нет никаких оснований, но нужно работать, работать и работать.

Пишите чаще, друже!»

В весеннее утро в тайгу, на лесную опушку, разными тропинками поодиночке или по двое сходились ссыльные села Рыбинского. Шли тайком, стараясь не привлечь внимания урядников. Спешили на маевку.

Собрались дружно. Живописным табором расположились на горушке, где высоченные лиственницы, словно нарочно, расступились, чтобы укрыть участников маевки от постороннего недоброго взгляда. Настроение у всех было праздничное. Произносили речи, вспоминали прежние маевки, пели.

Хор звучал вначале нестройно, но быстро спелись, увлеклись, песня сменялась песней: «Беснуйтесь, тираны» — «Варшавянкой», «Нагаечка» — «Смело, товарищи, в ногу»... Песня будоражила душу и успокаивала, тревожила и объединяла. Было много шуток, незлобивых розыгрышей.

Славная революционная маевка!

---

* Тимофей — партийный псевдоним Спандаряна.

Слух о педагогическом мастерстве Елены Дмитриевны распространился по округе, и уроков у нее становилось все больше: к лету было 38 часов платных уроков в неделю и много бесплатных.

...В 1950 году Алексей Никифорович Макаров из села Бобровка Алтайского края прислал Е. Д. Стасовой письмо. Он вспоминал, что когда-то в Рыбинском каждую встречу с Еленой Дмитриевной «старался использовать в целях содействия успеху своего образования». Стасова, по словам автора письма, охотно помогала ему, особенно по древней истории. За это, пишет он, «лично я безгранично благодарен Вам; хотя знаю — Вы не искательница популярности, и моя благодарность пусть будет успокоением моей совести».

Была ученицей Елены Дмитриевны и местная учительница Соловьева. Стасова очень радовалась, замечая, что удается затронуть в ее душе «лучшие струны»... Так она написала одному из своих друзей.

Полицейские власти в Красноярске были встревожены деятельностью ссыльной большевички.

А тут еще из столицы получена бумага, в которой начальник охранного отделения предписал сделать у Стасовой обыск «и поступить с ней по результатам обыска».

В чем причина? Оказалось, что рыбинский адрес Стасовой обнаружен в конторе «издающегося легально в Санкт-Петербурге органа большевиков, называющегося то «Правда», то «Путь правды» и ныне носящего название «Трудовая правда»».

Позже Елена Дмитриевна высказывала предположение, что обыск в Рыбинском и последующие репрессии вызваны доносами провокатора Малиновского, тогда депутата Государственной думы, которому было известно о ее работе среди ссыльных.

Другой провокатор, местный, живший в Рыбинском, секретный сотрудник полиции под кличкой Воробей, доносил по начальству, что у Стасовой имеется нелегальная литература.

Рано утром 25 июня в квартиру Стасовой резко постучали: обыск.

Специально прибывший из губернского города ротмистр Железняков с местным жандармским унтером

Семеном Шурыгиным и понятыми, рыбинскими мужиками Тихоном Коркиным и Егором Казанкиным, ворвались в горницу. У Стасовой нашли «Капитал» Карла Маркса на немецком языке, много марксистских брошюр, подшивки газет и номера журналов «Вопросы страхования» и «Просвещение», всевозможные письма и почтовые квитанции на отправку заказных и денежных переводов. О тщательности обыска можно судить хотя бы по тому, что длился он — в одной маленькой комнате! — два часа, с семи до девяти утра.

Жандармов особенно заинтересовало неотправленное письмо, обнаруженное у Стасовой в общей тетради. По мнению ротмистра, письмо написано, «по-видимому, вечером, накануне обыска, на имя невыясненной Маруси».

Установить имя «невыясненной Маруси» удалось без труда: это была подруга Елены Дмитриевны, Мария Вохмина, отбывавшая ссылку в селе Перовском Канского уезда. Стасова писала ей подробно и откровенно: письмо утром должно было уйти с нарочным и передано из рук в руки.

Этот нарочный — четырнадцатилетняя Галя Усольцева, заночевавшая у Стасовой и попавшая в облаву. Протокол обыска не очень грамотно зафиксировал:

«В комнате при прибытии (жандармов.— *Авт.*) была девочка лет 14-ти, по заявлению Стасовой приезжавшая в волость к родителям и временно остановилась у ней, при ней оказался паспорт на имя Гали Усольцевой. В ее вещах произведен также обыск, но ничего не взято».

Жандармы буквально впились в письмо. Читали вдоль и поперек.

«Я знаю,— писала Елена Дмитриевна,— какой дорогой мне идти, знаю, что нужно глубоко и досконально изучить своих противников, чтобы иметь возможность бороться с ними во всех деталях, а потому все свободное время я отдаю чтению партийной литературы. Но так как надо следить и за жизнью, чтобы не отстать и освещать все со своей точки зрения, то читаю и толстые журналы. Времени у меня мало, хотя сплю всего 6 часов в сутки...

Как мне хочется живого настоящего дела и как больно, когда думаю о том, что до известной степени я сейчас «бывший человек», ибо не стою в рядах, когда силы

так нужны, и именно силы, не колеблющиеся и сомневающиеся, а твердо стоящие на определенной точке зрения».

Воротившись в Красноярск, ротмистр Железняков экстренно доложил енисейскому губернатору свое мнение: ввиду того, что «вполне устанавливается ведение пропаганды Стасовой в месте ее ссылки и принадлежность к РСДРП, почему я и ходатайствую о переводворении ее в Туруханский край».

На это следовало получить санкцию иркутского генерал-губернатора. Енисейский губернатор сообщал в Иркутск, что Стасова проявила себя как деятельная и активная работница; сведения об этом дошли уже до Петербурга. «А потому,— писал он,— имея в виду, что ссыльнопоселенцам всякая педагогическая деятельность, а тем более преследующая явно агитационные цели, воспрещена законом, я признал необходимым немедленно переселить Стасову в Туруханский край, дабы изолировать ее от населения села Рыбинского, на которое она приобрела столь сильное и вредное влияние».

«Дабы изолировать»! Канский пристав вызвал Стасову, объявил о высылке в Туруханский край и, приказав стражнику неотлучно при ней находиться, дал два часа на сборы. Так молниеносно, с той же целью: «дабы изолировать»!

И вновь она в камере красноярской пересыльной тюрьмы.

Высылкой в Туруханский край царские власти рассчитывали физически уничтожить своих идейных противников, революционеров. Еще раньше были выдворены из села Инокентьевского в село Монастырское, в злосчастно-гиблую туруханскую ссылку, Сурен Спандарян и Вера Швейцер. «Сын горного солнца», Спандарян не выдержит убийственных условий заполярной, застуженной, заброшенной Туруханки. Пройдут еще два года ссылки, и скоротечная чахотка унесет в могилу талантливого партийного публициста, яркого революционного борца, верного ленинца.

Сидя в красноярской «пересылке», Елена Дмитриевна всеми силами отбивалась от Туруханска. Врачи признают: предрасположение к туберкулезу налицо. Осно-

вываясь на медицинских показаниях, иркутский генерал-губернатор предписывает «переводворить» Стасову в другое место — в село Бея Минусинского уезда, дальний населенный пункт близ границы с Урянхайским краем (нынешней Тувинской автономной областью).

В Красноярске, в тюрьме, ожидая отправки в Бею, Елена Дмитриевна от надзирателя узнала, что началась война. Известие это внесло смятение в умы и души заключенных. Споры возникали яростные, и, по признанию Елены Дмитриевны, она не сразу поняла, какой тактики необходимо придерживаться большевикам.

Из Красноярска ее везли в Минусинск на пароходе «Сибиряк», а дальше — «сельским движением», то есть на почтовых лошадях в Бею.

В Шушенском меняли упряжку. И вот тут-то один из повстречавшихся ссыльных товарищей объяснил ей позицию Владимира Ильича, суть ленинского лозунга «Война — войне»: вести борьбу за поражение собственного правительства, за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Стасова стала последовательным и неутомимым борцом против империалистической войны.

В Сибири Елена Дмитриевна не раз встречала следы революционеров прежних поколений.

Красноярский краевед Е. Владимиров, исследуя подробности пребывания Стасовой в ссылке, установил, что в Бее она квартировала у крестьянина Панарина, в том самом доме, в котором пятнадцатью годами раньше жил Василий Старков. Один из руководителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», ленинский соратник, или, как он сам говорил, «соработник».

Стасова быстро установила контакт с другими ссыльными. Колонии политических тогда в Бее не существовало, лишь позднее сюда выслали большевика Александра Спунде. Зато в Минусинске (в ста верстах) немало ссыльных, и в том числе большевики. Стасова постаралась связаться с ними: наладить обмен информацией, переписку, распространение партийных документов, пропаганду ленинского учения.

Уроки, которые и здесь давала Стасова, облегчали ей общение с местными жителями, позволяли установить связи.

Жена Я. М. Свердлова, Клавдия Тимофеевна Новгородцева, вспоминала, с каким вниманием Яков Михайлович относился к письмам Стасовой.

А Стасова в свою очередь с нетерпением ждала вестей из туруханской ссылки от Свердлова.

Яков Михайлович сумел организовать получение из-за границы партийной литературы — ленинского «Социал-демократа», листков и брошюр. Ленинское слово проникало в ледовую пустыню Туруханского края. И оттуда совершало дальнейший тернистый путь по сибирским губерниям, попадало в ссылку, минусинскую и нарымскую, ангарскую и якутскую.

Ссыльные большевики стремились с каждым номером газеты, с каждым документом или письмом ознакомить как можно больше товарищей. Переписывали их от руки, рассылали по почте или с оказией.

В архивных делах сохранились копии нескольких писем Елены Дмитриевны, относящихся к 1915 году. Сохранились, потому что были скопированы в полиции.

Первое письмо послано из Беи в Тифлис Василию Арешидзе, который, отбыв срок ссылки, вернулся на Кавказ. «Очень обрадовалась,— пишет Стасова,— что вы наконец добрались до места и погреетесь на солнышке в Тифлисе». Она напоминает: «Жду также и обещанных подробностей о жизни в Тифлисе», сама информирует Арешидзе о политических новостях, приводит выдержки из партийных документов. В конце приписка: «Уверена, что вы не спрячете этого письма под сукно, а поделитесь его содержанием с хорошими друзьями и приятелями».

В письме всего несколько слов о себе: «Я вторую половину нынешней зимы очень скверно себя чувствую, хвораю понемногу. За последнее время стала что-то сильно худеть, а т. к. при этом кашляю, быстро утомляюсь и слегка подлихораживаю, то думаю, что опять у меня что-то неладное в легких. Настроение приличное, но одиночество начинает сильно тяготить».

Другое письмо послано той же весной, но немного позже первого, из Беи в село Агинское Канского уезда Васо Хачатуряну. Оно немного раскрывает душевное состояние Елены Дмитриевны. Весна. День 1 Мая. «Сказала своим ученицам,— пишет она,— что в этот день за-

ниматься не буду, и поехала подышать совсем чистым воздухом. Набрала цветов, нарвала черемухи и вечером приехала назад в село. Грустно было, что не пришлось в этот день быть с кем-нибудь из товарищей, но в душе я всех вспоминала и очень грустила, что Вы и Маруся не со мной. Грустный нынче был этот праздник по всему свету. Везде звучит одна и та же мысль о братоубийственной войне».

Но сникать, расслабляться не в правилах Абсолюта. Нахлынуть тоске она позволяет лишь на короткий, на самый короткий миг. И тотчас же, как бы спохватившись, заявляет другу:

«Да, но тверже, чем всегда, должны мы помнить заветы великого Маркса и быть готовыми к той борьбе, что начнется после войны».

Быть готовыми! А для этого: «Вот Вам те тезисы, что были у наших депутатов. Попали они ко мне через много рук, и потому есть в них, наверное, ошибки, но все же все можно понять. Носят они заглавие «Тезисы Ленина». Пишу Вам их для Вас и для тех, кто этим интересуется...»

Еще одно письмо — в село Рыбинское, на прежнее место ссылки, одному из оставшихся там товарищей — Федору Ивановичу Клименко.

Стасова начинает с вопросов: «По Вашей последней открытке я никак не могу понять Вашего настроения, а мне бы очень хотелось знать его... Меня интересует Ваше общее настроение, отношение к происходящему в России и т. д.».

К письму приложен переписанный Еленой Дмитриевной «Ответ группы с.-д.» на оборонческое письмо Плеханова. Этот ответ носил половинчатый характер, «группа с.-д.» не ставила задачу превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Стасова снабжает «документ» четким политическим комментарием, выдержанным в духе ленинских идей. Заканчивает письмо вошедшей в систему просьбой: «Думаю, что и Вы, и общие знакомые не откажутся почитать...»

А вот письмо Елены Дмитриевны большевику Фрумкину, отбывавшему ссылку в Канске. Отношения у них дружеские, подписано: «Ваша старая приятельница», но Стасова с первой же строки завязывает спор:

«Письмо Ваше вызвало у меня целую кучу возражений, так как я нахожу, что в очень и очень многих сво-

их положениях Вы покинули марксистскую позицию и стали на националистическую. Не согласна я с вами с самого начала...» Она обстоятельно разбирает ошибки Фрумкина в оценке текущего момента и в отношении к войне, в частности к вопросу об участии большевиков в Военно-промышленном комитете.

Стасова переписала и для Фрумкина все тот же «Ответ группы с.-д.», дополнив его своими примечаниями.

Каждое письмо Стасовой несло в себе заряд революционной энергии, помогало товарищам не сбиваться с пути, идти по ленинскому курсу.

Весной 1915 года Елена Дмитриевна стала добиваться перевода в Ачинск.

Много бумаг пришлось посылать, доказывая необходимость переезда в город. Одна из причин — обострение болезни легких, требовавшее серьезного лечения. Она мотивировала свою просьбу и тем, что в Ачинск смогут приехать на побывку ее престарелые родители — ослепший отец и больная мать. Возможно, имя Дмитрия Васильевича Стасова сыграло свою роль в положительном ответе на ее просьбу: знававший его прежде генерал-губернатор Князев разрешил «Елене Стасовой с 1 апреля по 1 августа сего года пребывание в городах Ачинске или Канске».

Ачинск — станция транссибирской железнодорожной магистрали; здесь значительна рабочая прослойка, здесь формируются запасные сибирские полки и маршевые роты, здесь, наконец, расположены лагеря военнопленных. Словом, в Ачинске несравненно более обширное поле деятельности для революционера-большевика.

Итак, Стасова в Ачинске. Удалось поступить на службу в местное Общество взаимного кредита, где требовался коммерческий корреспондент, владеющий иностранными языками. Знание немецкого языка позволило ей начать большевистскую пропаганду среди военнопленных — австрийцев, венгров, помещенных в ачинские лагеря. Это было началом, первыми ростками той пропаганды пролетарского интернационализма, которая потом на многие годы станет главным делом Елены Дмитриевны. Стасова ведет беседы, распространяет листовки, в которых разъясняет ленинские идеи.

Ее переписка с другими ссыльными растет. Все больше антивоенных материалов и партийных документов, скопированных четким, округлым стасовским почерком, идет в разные уголки России.

Письма отправляет, как правило, заказные. Расчет был такой: полиция, конечно, могла задержать любое письмо, но простое можно легко уничтожить, а заказное почта обязана доставить адресату. За его потерю выплачивалось десять рублей...

Е. Д. Стасова переписывалась и с А. М. Горьким. Как известно, он помогал пленникам самодержавия, ссыльным революционерам — поддерживал материально, снабжал литературой. Посылка с книгами от Горького! Какая это была радость для людей, оторванных от культурных центров, истосковавшихся по знаниям!

Стасова, пользуясь старым знакомством с Горьким, несколько раз обращалась к нему из Сибири, прося книги. И служила как бы посредником между писателем и ссыльными, переправляя потом литературу в дальние селения.

Алексей Максимович не раз писал Стасовой в ссылку. Письма эти, к сожалению, не сохранились. Елена Дмитриевна впоследствии сокрушалась, что тотчас же по прочтении уничтожала письма великого писателя: что поделаешь, такова старая конспиративная привычка.

Она вспоминала, что Горький умел в необыкновенно простой форме сообщать самые конспиративные вещи. Его письма очень скрашивали тусклую жизнь ссылки.

Горьковские письма, повторяю, не сохранились. А вот большое послание Стасовой от 19 октября 1915 года имеется в архиве А. М. Горького.

«Дорогой Алексей Максимович! — писала она.— Года полтора тому назад, когда я жила еще в селе Рыбном, Вы писали в ответ на мое письмо о тех впечатлениях, что вынесли Вы по возвращении из Европы в Россию. Очень хотелось бы знать, как живется и чувствуется Вам теперь. Ведь Вы стоите сейчас у самого источника живой жизни в России, а мы так оторваны от нее, так мало сравнительно дают газеты и так приходится опять привыкать читать эзоповский язык, от ко-

торого отвыкли было. Сидя в глуши, несомненно, только и можно что заниматься, пополнять свое образование или подготовлять материал для каких-либо своих работ. Я этим последним не занимаюсь, но есть товарищи, которые хотели бы использовать свои силы в этом направлении, тем более что это не является первой пробой пера. Но препятствием служит отсутствие материала. Частью, что можно, я доставала и посылала, но все же осталось много просьб неудовлетворенных. И вот я, помня Ваше дружеское предложение прислать книг, если в них есть нужда, обращаюсь к Вам с просьбой, если можно, прислать следующие книги». И она перечисляла названия трудов по политэкономии, рабочему движению, социальным проблемам капитализма.

«Зная Ваше хорошее отношение ко мне,— писала Елена Дмитриевна,— я уверена, что Вы не посетуете на меня за это к Вам обращение.

Что сказать Вам о своей жизни?

Идет она далеко не так, как хотелось бы, даже в здешних условиях, ибо очень много есть «независящих обстоятельств», которые постоянно суют палки в колеса. Но, конечно, это не мешает мне по-прежнему любить жизнь, и скажу словами Огарева, так как они лучше всего передают мое настроение:

И все хочу. Чего? Всего со всею полнотою;
Я жажду знать, я подвигов хочу,
Еще хочу любить с безумною тоскою,
Весь трепет жизни чувствовать хочу...

А за неимением всего этого под руками стараемся хоть знания-то свои пополнить как можно больше. И вот читаю, читаю и читаю до одурения, до головной боли. Читаю, разумеется, больше всего по общественным вопросам. Что могу, достаю в местной городской библиотеке (в Минусинске.— *Авт.*), благо она в 75 верстах и раза два в неделю можно получать оттуда книги. Здоровье? Особенного как будто сейчас и нет ничего, но осень, как и всегда, дает себя знать, и частенько чувствуешь себя не в своей тарелке, болят легкие, плевритические сращения и прочие прелести. Народ, т. е. своя публика ссыльные, хороший, живем дружно.

Вот и все, что могу Вам сказать.

Жму Вам крепко руку.

Елена Стасова».

Она вспоминала потом, что книги, которые просила, Горький прислал. Это помогло ей, в частности, подготовить несколько докладов о позиции Маркса и Энгельса в войне 1870—1871 годов, об истории отношения II Интернационала к войнам.

Пыталась Стасова установить связь с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Несколько раз писала в Женеву, но тщетно — корреспонденция не доходила.

Содержание одного из ее писем нам известно:

«Дорогая Надя, писала Вам 2 июля (из Ачинска.— *Авт.*), но с тех пор от Вас ни слуху ни духу. А мне очень не хочется потерять с Вами переписку. Здоровы ли Вы? Здоров ли муж? Как хотелось бы поговорить с Вами обоими и высказать, как я по-прежнему чувствую себя близкой с вами. Не писал ли В. И. чего-нибудь нового? Мне так хотелось бы почитать. Может быть, пришлете? Мой адрес: село Курагино, Минусинского уезда, Енисейской губ. Привет Вам и мужу... Целую Вас по-старому. Е».

Как и почему Елена Дмитриевна попала в Курагино? Ее выслали туда из Ачинска. Действия поднадзорной ссыльнопоселенки не укрылись от взоров ачинских жандармов.

«Стасова не оставляет своей преступной деятельности,— говорилось в полицейском донесении,— а, наоборот, имеет обширные связи с серьезными революционными деятелями, а также со многими ссыльнопоселенцами Енисейской губернии, и что возможно предполагать, Стасова ведет агитацию среди местного населения города Ачинска».

И енисейский губернатор повелел отослать Елену Стасову назад, в Бею. По этапу!

С большим трудом ей все же удалось отбиться и от Беи, и от этапа. Местом пребывания ей определили село Курагино, довольно близко расположенное от Минусинска. Туда она была отправлена по проходному свидетельству, без конвоя. Не этапом. Это была пусть маленькая, но победа.

Поездом доехала Елена Дмитриевна до Красноярска (на этот раз удалось миновать печальной памяти

пересыльную тюрьму), потом по Енисею на пароходе «Дедушка» доплыла до Минусинска, а уж дальше двинулась по тракту на лошадях.

Вот и Курагино, большое сибирское село, раскинувшееся на берегу реки Тубы.

Здесь в конце августа 1915 года начался курагинский год Стасовой. Сняла она квартиру в доме крестьянина Голубева, расположилась, осмотрелась и, конечно, принялась за старое...

В этом старом было, правда, и кое-что новое. Прежде всего масштабы работы и формы ее.

Тесней стал контакт с большевиками, отбывавшими ссылку в Минусинске. Большим авторитетом там пользовались Быстрянский (Ватин), в будущем известный советский историк и публицист, и доктор Голубков, тоже впоследствии ставший видным советским работником. Они составляли письма-прокламации по злободневным вопросам политики; Стасова делала то же у себя в Курагине. Собираясь вместе, отрабатывали окончательный текст. Потом его переписывали. По многу раз, без устали (это так только говорится: «без устали», на самом деле ужасно уставали и глаза и руки, ведь обширные письма, бывало, размножали в нескольких десятках экземпляров).

Переписывали и доходившие до Минусинска резолюции Циммервальдской, Кинтальской и Бернской женской социалистических конференций.

Быстрянский вовлек в партийную работу совсем молоденького конторщика Минусинского отделения Сибирского торгового банка Игнашу Бузулаева. В конторе банка имелась пишущая машинка, и Бузулаев на ней печатал. Днем — свою банковскую корреспонденцию, а ночью, тайком — письма-прокламации. Дело пошло ходко. Минусинское «партийное издательство» заработало еще энергичнее.

Для рассылки материалов пользовались давно испытанным способом — вклеивали листки в книги и брошюры, их посылали бандеролью.

Хотя из Курагина добираться было не всегда просто — то распутица, то заносы, то ледоход на реке, которую приходилось переплывать на утлой лодке,— Елена Дмитриевна часто наведывалась в город.

Участвовала она в сходках и собраниях — на квартирах и в лесу.

Игнатий Бузулаев в письме к Стасовой, присланном через сорок с лишним лет после описываемого времени, напомнил ей про собрание, проведенное минусинскими ссыльными, про то, как Стасова и Быстрянский буквально распушили тогда меньшевика Дана, ярого оборонца. В другой раз вместе с большевиком Спунде выступала она на собрании новобранцев, которых отправляли на фронт, воевать «за веру, царя и отечество», разъясняла им, кому нужна война и как трудящиеся могут добиться ее конца.

Департамент полиции продолжал получать сведения о большевичке Стасовой.

Из Тифлиса доносили про письма, которые получают от Стасовой кавказские социал-демократы. В другом сообщении указывалось, что из Стокгольма поступил чек «для распределения среди ссыльных». Отправитель чека предлагал из общей суммы пятьдесят рублей послать в село Монастырское Сурену Спандаряну, а сто рублей Елене Стасовой для группы тифлисцев послать по ее курагинскому адресу. В полицейских досье содержатся сведения и о том, что в апреле 1916 года Стасова от имени большевиков — ссыльных Енисейской губернии просила передать первомайский привет участникам II конференции социал-демократов (то есть Кинтальской.— *Авт.*).

Донесения такого рода накапливались. Полиция готовилась принять решительные меры. 27 августа в Курагино прибыл минусинский пристав. В этот же день он явился к Стасовой. Обыск.

К счастью, искали довольно поверхностно, хотя и обнаружили, как значится в протоколе, «19 экз. разных брошюр революционного содержания, четыре экземпляра заграничного издания газеты «Социал-демократ», а также другие материалы и переписку...».

Не нашел минусинский «страж порядка» шифрованное письмо, которое Елена Дмитриевна успела спрятать под шалью, и главные документы. Они хранились в безобидной с виду шкатулке для рукоделия. Эту безделушку с двойным дном изготовил ей в подарок один из ссыльных, искусный столяр.

Однако и то, что захватила полиция, достаточно убедительно указывало, по мнению начальника енисейского губернского жандармского управления, «на политическую неблагонадежность и преступную деятельность»

ссыльнопоселенки Стасовой. Так и было доложено Петрограду.

Но пока эта бумага шла до столицы и там была рассмотрена в соответствующих инстанциях, из Питера в Иркутск и Красноярск поступили другие казенные бумаги.

Дмитрий Васильевич катастрофически быстро терял зрение. Больная Поликсена Степановна служила ему и поводырем и секретарем. Словом, родители Елены Дмитриевны, хотя они всей душой стремились повидаться с дочерью, не могли приехать в Сибирь. Но они делали все возможное, чтобы вырвать ее из губительной для здоровья Сибири. Искали хоть маленькую зацепку. И нашли!

Дмитрий Васильевич отыскал в своде законов Российской империи указ от 1897 года, согласно которому в исключительных случаях после отбытия известного срока ссылки поселенцу дозволялась кратковременная отлучка для свидания с родными.

Еще в мае 1916 года Стасова написала министру юстиции о своих исключительных обстоятельствах. Писал и Дмитрий Васильевич, взывая к «человеколюбию» министра.

И тот счел возможным «просьбу удовлетворить»... Завязалась обширная переписка, в нее включились министры юстиции и внутренних дел, гофмейстеры и сенаторы.

Наконец 19 августа 1916 года в Красноярске была получена депеша, разрешающая ссыльнопоселенке Стасовой отлучку по месту жительства родителей в Петроград сроком на четыре месяца с нахождением весь этот срок под гласным надзором столичной полиции. Невероятная удача!

Елена Дмитриевна энергично готовилась к отъезду. Но буквально за несколько дней до него все чуть было не сорвалось. Все мог разрушить обыск. Но обошлось.

В сентябре 1916 года она простилась с Курагиным. Простилась с друзьями, учениками, соседями. Простилась с сибирскими просторами, с сибирским небом. Стасова полагала, что покидает Сибирь ненадолго.

Хранитель традиций

Весь день был напряженно-нервным. Откуда-то издалека доносились хлопки ружейных выстрелов и пулеметные очереди. За стенами камеры, в коридорах участка, топали коваными сапогами полицейские, слышны были их громкие, встревоженные голоса. Время от времени скрипучий замок в двери камеры поворачивался: полицейские вталкивали кого-то еще в тесное помещение.

Весь день в столице шли аресты, жандармы «мели под метелку», хватая любого подозрительного, охраняя устои самодержавия. Без объяснения причин арестовали и Елену Дмитриевну.

Вначале в камере Литейного полицейского участка, что помещался на Фурштадтской, неподалеку от квартиры Стасовых, было всего две женщины, а к вечеру того дня, о котором идет речь, их оказалось восемнадцать. Тюрьмы переполнены, арестованных приходится держать в полицейских участках.

День этот — 27 февраля 1917 года — вошел в историю как день Февральской революции, день свержения самодержавия.

Заключенные в камере ничего этого, конечно, не знали. Они слышали о волнениях на петроградских улицах, о перестрелке, о баррикадах, о братании солдат с рабочими, но общей картины событий, разумеется, составить не могли.

Волновались. Обсуждали. Спорили. А вечером, когда все внезапно стихло, встревожились.

И вдруг тишина раскололась: выкрики, возгласы. Женщин охватывает ужас. Кто?! Неужто черная сотня прорвалась в участок, чтоб учинить самосуд?

— Елена, что делать?

Стасова была старшей в камере, старшей и по возрасту, и по революционному опыту. Приблизилась к двери, готовая первой принять опасность, а за ней, как цыплята за наседкой (так она сама потом определила этот страшный миг), выстроились все женщины.

А за дверью камеры нарастает крик: «Выходи!»

Елена Дмитриевна рассудила: если это громилы, то надо скорее выбираться из тесной камеры, единственный шанс на спасение — бегство. Останемся в камере — неминуем кровавый погром.

И когда дверь наконец распахнулась, Стасова скомандовала:

— Айда, идем!

Так, не зная, навстречу чему они спешат, политические заключенные выбежали из участка.

«Ура, свобода!» — кричали встречавшие их люди. Это восставший народ освобождал пленников самодержавия.

Через несколько минут Елена Дмитриевна вернулась домой. Закончился ее последний арест. Самый короткий.

Так Стасова встретила Февральскую революцию.

Что же произошло с ней в предшествовавшие месяцы?

...Мы расстались с курагинской ссыльнопоселенкой, когда она выехала за околицу сибирского села, имея разрешение на «отлучку» по месту жительства родных.

Добиралась трудно. Особенно тяжело досталось в Красноярске, когда втискивалась в вагон, битком набитый солдатами. Из сибирских лазаретов, из отпусков возвращались они на фронт. В кровавую мясорубку войны!

В этой немыслимой давке, в тесноте и духоте вагона, притулившись на кончике скамьи, Елена Дмитриевна не по газетам и письмам, а воочию убедилась, чем живет, что думает, к чему стремится русский солдат. Увидела, как смертельно устал он от империалистической бойни, как непопулярны в солдатской массе оборончеческие призывы к «войне до победного конца», как готова солдатская масса принять большевистские лозунги.

Где-то около Перми в вагон втиснули новых пассажиров — двух немецких военнопленных с конвоиром. Их куда-то перевозили. Стасова с изумлением наблюдала, как завязался разговор между солдатами воюющих армий. И не почувствовала ни вражды, ни озлобления, скорее, взаимное понимание того, что войну нужно кончать как можно скорее.

Семь долгих суток провела Елена Дмитриевна в вагоне третьего класса, набитом сверх всякой меры. Соблюдая осторожность, Стасова вначале не сообщила своим спутникам, что держит путь из ссылки. Потом ска-

зала. Это вызвало сочувствие и уважение. Она всегда верила в великую правоту ленинского учения. Теперь в микромирке железнодорожного вагона особенно отчетливо почувствовала готовность народа к революционным боям!

До Петрограда добралась чрезвычайно усталая физически, но радостно-возбужденная: скоро, скоро грянет буря! Нет в этом сомнения.

Встреча с родными принесла боль. Никогда не думала, что ее старики, ее жизнестойкие Стасовы, могли так одряхлеть.

Отец обрюзг, располнел нездоровой полнотой. Обнимая дочь, он по-стариковски плакал, а длинные и тонкие его пальцы, пальцы музыканта, летучими движениями касались ее лица, шеи, волос... Он как бы старался представить себе, сильно ли изменилась дочь?

А мама, та словно бы усохла, сгорбилась...

Сердце Елены Дмитриевны защемило: родные мои, как больно, что я не могу вам помочь. Как страшно, что скоро придется опять расставаться, бог знает насколько.

Миновал день, другой, и Елена Дмитриевна, согласно инструкции, явилась к приставу Литейной части: сообщила о прибытии, встала «под гласный надзор».

Однако к этому времени она уже связалась с товарищами по партии, действовавшими в столице.

От Анны Ильиничны Елизаровой узнала швейцарский адрес Ленина и Крупской и, не мешкая, написала им. Вот это письмо:

«Наконец-то смогла узнать Ваш адрес, моя дорогая Надя, а то сколько я ни делала попыток дать Вам о себе знать, все было тщетно. Писала Вам три раза, послала Вам интересную книгу и все не знаю, дошло ли хоть что-нибудь до Вас. Сейчас я гощу у своих родных в Петрограде, а в январе мой «отпуск» кончается, и я опять поеду в свою деревню. Там живется мне вполне прилично, так как есть хороший заработок, есть люди, с которыми можно делиться своими мыслями и стремлениями, а это дает мне много бодрости и энергии и желания жить. Очень мне грустно, что не могу по-прежнему часто делиться своими педагогическими сомнениями и чаяниями, так как я по-прежнему ищу новых возможностей, основываясь на старых, испытанных законах, ко-

торые я впитала в себя в дни юности, а теперь ведь у меня голова седая. А как Вы живете? Как здоровье Ваше и дорогого Старика? Соскучилась я по Вас обоим очень! Горячий привет вам обоим... Мое здоровье теперь прилично вполне, а зимой хворала. Целую Вас. Ваша Елена».

На письме дата: «1916 3/XI».

Елена Дмитриевна предполагала, что в январе окончится срок ее «отпуска» и ей придется отправиться в «свою деревню». Но хоть и написала, что чувствует себя прилично, на самом же деле ее болезнь обострилась. Пришлось серьезно лечиться. Медицинские показания, изложенные в официальных врачебных бумагах, помогли Елене Дмитриевне получить отсрочку: ей разрешено задержаться в Петрограде еще на два месяца.

Но полицейских разрешений больше не понадобилось!

Первые дни революционной России. Весна. Свобода! Красные флаги в руках рабочих. Алые розетки на сюртуках кадетствующих профессоров и эсерствующих присяжных поверенных. Алые повязки на рукавах студентов и гимназистов — добровольных милиционеров, заменивших старорежимных городовых. Временному правительству присягают на верность воинские части. Повсюду манифестации и митинги. Речи, речи, без конца и края. И повсюду звучат слова «Марсельезы»:

> Отречемся от старого мира,
> Отряхнем его прах с наших ног!..

В Таврическом дворце — людская круговерть. Делегации из рабочих районов столицы. Делегации от полков, флотских экипажей, лазаретов. Депутаты Государственной думы. Важные господа. Истощенные люди, чьи землистые лица наглядно свидетельствуют о длительном тюремном «загаре». Представители различных партий и групп.

Один из товарищей-большевиков, разглядев в шумной толпе Стасову, обрадованно поздоровался, предложил:

— Как удачно, что вы здесь! Собирайте наших, регистрируйте большевиков! Хорошо бы подыскать комнату, там разместим Центральный Комитет.

Елена Дмитриевна принялась за дело. Комнаты пустой поблизости не нашлось, придется пока ограничиться столом, поставленным у входа в большой зал заседаний. Шумно, зато на виду. Над столом прикрепили красный флаг и самодельную табличку: «Бюро Центрального Комитета РСДРП».

«И вот я опять секретарствую» — так вспоминала Стасова эти первые дни весны 1917 года. И уточняла: «Быть секретарем в то время — это значило быть человеком «на все руки». В мои обязанности входило: во-первых, прием товарищей и ответы на их вопросы по всем областям партийной деятельности, снабжение их литературой; во-вторых, ведение протоколов заседаний Центрального Комитета; в-третьих, размножение и рассылка всех директив ЦК; в-четвертых, финансы».

Этот перечень обязанностей не исчерпывал и половины дел и заданий, выпавших на долю секретаря. Жизнь ставила все новые вопросы. Решать их приходилось с ходу, безотлагательно.

Вскоре для Бюро ЦК была найдена комната в Таврическом дворце. А примерно через месяц оно переехало во дворец балерины Кшесинской, фаворитки бывшего императора. Там Центральный Комитет разместился во втором этаже; партийную литературу сложили рядом, в роскошной ванной балерины.

Заседания Бюро ЦК часто проводились на Фурштадтской, в комнате Елены Дмитриевны. Там удобнее, спокойнее, благо от Таврического дворца до стасовской квартиры расстояние невелико. Бывало, заседали допоздна, расходились тихо, стараясь не нарушить покоя старых родителей секретаря ЦК.

«Собирайте наших!» — такую директиву получила Стасова в первый день Февральской революции. Из ссылки, из тюрем, из дальних губерний съезжались в столицу большевики.

...Под стеклом в одном из залов Музея Революции СССР можно прочитать копию справки, которой секретарь Бюро ЦК Стасова удостоверяла, что «тов. Я. М. Свердлов (Андрей) был сослан в качестве члена Центрального Комитета в Туруханский край и, как амнистированный, прибыл 29-го марта». Бумага заканчивается словами: «ЦК просит оказать товарищу нужную помощь».

Тогда они впервые повстречались с Яковом Михайловичем Свердловым. Работали вместе давно, в ссылке действовали согласованно, хотя их разделяли тысячи верст. Знали и уважали друг друга заочно. И сейчас встретились как старинные друзья.

Вскоре после приезда в Петербург Яков Михайлович навестил Елену Дмитриевну дома, на Фурштадтской.

Она познакомила его с родителями. Свердлов шутил:

— Дочка-то у вас молодец. Выбралась в Питер, совершила революцию и нас из ссылки вызволила. Ну, право, молодчина!

Свердлов очень понравился старикам.

Потом Яков Михайлович с Еленой Дмитриевной до полуночи разговаривали — так много надо было сказать друг другу...

Вспоминали товарищей.

Помянули Спандаряна, погибшего от скоротечной чахотки в красноярской больнице. Стасова особенно сокрушалась, что осенью прошлого года, проезжая через Красноярск, не навестила смертельно больного друга. Могла бы! Если бы знала, что он там, что Сурена привезли туда умирать.

Говорили о неотложных партийных делах, о перспективах революции. Они, Свердлов и Стасова, были твердыми и последовательными ленинцами, единомышленниками во всем.

«Правда» в двух номерах — от 21 и от 22 марта — напечатала статью Н. Ленина «Письма из далека». Точнее «Письмо 1» о первом этапе первой русской революции. Стасова, познакомившись с ленинским анализом положения в России, не переставала удивляться прозорливости Владимира Ильича. В швейцарской постылой эмиграции, в дальнем далеке от событий столь глубоко разобраться в обстановке, дать такой всесторонний анализ, четко поставить задачу: используя особенности современного переходного периода, идти к социализму, «который один даст измученным войной народам *мир, хлеб* и *свободу!*».

Пройдут две недели, и Елена Дмитриевна, взволнованная, растроганная до слез, забывшая об усталости, будет вместе с друзьями и соратниками встречать Владимира Ильича на перроне Финляндского вокзала.

...Вот стоит она на платформе, не скрывает нетерпения и радости. На всю жизнь запомнит мгновения, те, что скупо изложены в газетном отчете:

«В 11 ч. 10 м. подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли на караул... Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших «на караул», проходя мимо рабочей милиции, Н. Ленин всюду встречен восторженно».

С вокзала, опережая всех, спешит Стасова во дворец Кшесинской: надо посмотреть, все ли готово для встречи приехавших?!

Та апрельская ночь показалась такой короткой.

Встреча в белом мраморном зале, крепкое рукопожатие Владимира Ильича, поцелуи Надежды Константиновны, объятия и расспросы, приветственные речи. Но вот слышит она слова Ленина:

«Я полагаю, товарищи, что довольно уже нам поздравлять друг друга с революцией». И он перешел к делу, стал разъяснять задачи партии, ее стратегию и тактику. Владимир Ильич сформулировал тогда практическую программу перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. То, что на следующий день, 4 апреля, в докладе Ленина приобретет чеканную форму тезисов, вошедших в историю под именем Апрельских.

Новые установки, новые директивы Ильича были настолько необычны, что даже не сразу укладывались в голове... Требовался какой-то срок — для Стасовой он был недолгим,— чтобы все сказанное Лениным осмыслить и принять как руководство к действию.

Тогда, в ту первую ночь, вернее, уже на рассвете, когда наговорились вдоволь, Владимир Ильич сказал:

— Давайте-ка споем.

Запели революционные песни, и опять он предложил:

— А теперь «Интернационал»!

К общему стыду, оказалось, что товарищи тогда петь пролетарский гимн не умели. Хор был вначале нестройным. Но от строфы к строфе он звучал все энергичнее.

На Апрельской конференции Елене Дмитриевне приходилось бывать урывками, так же, впрочем, как и на многих заседаниях, собраниях и митингах. Для секретарства не хватало суток.

Технический аппарат Центрального Комитета партии создавался буквально на ходу. Помощников у Елены Дмитриевны — всего двое-трое (в том числе Вера Рудольфовна Менжинская, с которой они были знакомы и дружны с детских лет). Пришлось опираться на добровольцев, молодых членов партии, таких, как курсистка Аня Иткина или студент Юрий Флаксерман.

Старый коммунист, видный советский энергетик Юрий Николаевич Флаксерман рассказывал мне о впечатлениях той незабываемой весны 1917 года.

Приехав из Нижнего Новгорода в Питер, он все дни проводил в Таврическом дворце — одном из главных центров политической жизни. Там помещалась и редакция «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»; сестра Юрия Николаевича, Галина, работала секретарем редакции, а когда выдавалась свободная минутка, бегала в Секретариат ЦК помогать Елене Дмитриевне. Брала с собой и Юру — на его долю тоже хватало поручений.

Трудовой день Стасовой предельно уплотнен. Непрерывный поток посетителей. Вернувшиеся из ссылки большевики, приехавшие из действующей армии, из ближних и дальних городов и сел — все добивались разговора, разъяснений, справок, устройства на ночлег и, главное, литературы.

Газеты, брошюры, листовки, объясняющие политику большевистской партии и, как тогда выражались, текущий момент, ходоки расхватывали в один миг. Работники Секретариата размножали и рассылали директивы Центрального Комитета. И все у Елены Дмитриевны спорилось, она каким-то образом успевала сделать все, что намечала.

15 апреля на официальном партийном бланке за № 97 Стасовой был выдан документ, удостоверяющий ее личность и принадлежность к партии. Подписал эту бумагу член ЦК РСДРП(б) В. Ульянов.

В ту бурную весну и начало лета Стасовой посчастливилось работать под непосредственным руководством Владимира Ильича, в самом тесном общении с ним. И тогда и потом до конца дней своих не уставала она восхищаться величайшей активностью, энергией и работоспособностью вождя Октября. Какой титанический труд проделал он в эти месяцы: писал, выступал, учил, направлял, воодушевлял, объяснял, ведя партию к победоносной социалистической революции. Сколько требовалось для этого душевных и физических сил! И все та же скромность, умение слушать товарища, внимание к мелочам, чувство юмора.

В Ленинграде на доме № 20 по улице Петра Лаврова установлена мемориальная доска. Четкий ленинский барельеф и под ним — строки:

«Здесь
в квартире Д. В. Стасова,
в 1917 году
неоднократно бывал
Владимир Ильич Ленин».

Именем Петра Лаврова названа ныне та самая Фурштадтская улица, на которой жили Стасовы в доме двадцать, в квартире семь.

Домашний адрес Елены Дмитриевны записан в ленинской книжке адресов (за апрель — июнь семнадцатого года), там же указан и ее телефон: № 102—63.

Бывал у Стасовых В. И. Ленин в мае и в начале июня. А в конце месяца, когда сгустились тучи контрреволюции, когда разнузданная травля большевиков и их вождя приобрела особенный размах, было признано целесообразным Владимиру Ильичу покинуть квартиру Елизаровых на Широкой улице, где Ленин и Крупская поселились после возвращения из эмиграции. Несколько дней он прожил у Стасовых.

Все обитатели квартиры вспоминали потом о его скромности. Всячески старался никого не обременять заботами о себе: сам застилал кровать, убирал комнату, посуду после еды. Беспокоился о том, как бы не доставить хоть малейшие хлопоты, чем-то нарушить привычный уклад жизни хозяев.

Ленин пробыл у Стасовых недолго: уполномоченный

по дому (существовала в то время такая общественная должность) намекнул Елене Дмитриевне: «Если кто-нибудь собирается у вас ночевать, то лучше не надо». Решено было, что Ленин должен тотчас же переехать в другое место.

И вполне своевременно. 7 июля в квартиру Стасовых с обыском ворвались юнкера.

Искали «секретаря Ленина», то есть Елену Дмитриевну. Хотели дознаться, где партия укрыла своего вождя. Обшарили всю квартиру, штыками «проверяли», не прячется ли кто под кроватями. Ушли не солоно хлебавши.

С собой забрали кое-какие бумаги и шкатулку, ту самую, сибирскую, с двойным дном, которую изготовил для Стасовой один из товарищей в ссылке. Шкатулка заперта, ключ у Елены Дмитриевны. В шкатулке хранился подарок матери — серьги с бриллиантами, единственная ее драгоценность.

Она берегла эти серьги «про черный день», а юнкера унесли шкатулку, не зная, правда, о содержимом. Значит, серьги пропали? Нет, случилось чудо — через какой-то срок шкатулка, так и не вскрытая, вернулась к владелице. Ну, а серьги Елене Дмитриевне через несколько месяцев все же пришлось продать: с продовольствием становилось все хуже, а больных стариков надо было кормить. На деньги, вырученные от продажи, смогли купить немного продуктов.

Находясь в подполье, В. И. Ленин руководил VI съездом партии. Заседал съезд полулегально в помещении Сампсониевского братства на Сампсониевском проспекте (Выборгская сторона).

Стасова, несмотря на занятость, пришла на одно из заседаний съезда — хотела послушать. Ее заметил председательствующий на заседании седовласый и седобородый Михаил Степанович Ольминский, знаменитый большевистский публицист Галерка. Подошел, шепнул:

— Зачем вы сюда пришли?

Стасова попыталась отшутиться:

— Как зачем? На съезд, конечно!

Но Ольминский не был склонен к шуткам. Замахал руками:

— Уходите немедленно! Разве вы не знаете, что нас

всех каждую минуту могут арестовать? А у вас в руках все партийные связи. Вы же хранитель традиций партии! Немедленно уходите...

Пришлось подчиниться.

В «Воспоминаниях» Елена Дмитриевна сочла необходимым внести ясность в этот эпизод, пояснить, что именно думал Ольминский, назвав ее хранителем традиций.

«За долгие годы подполья,— писала она,— я привыкла хранить в памяти большое количество адресов, имен и всего прочего, что относится к связям партии. Это имело тогда огромное значение для нас. После провалов вследствие бесконечных арестов большевистские организации всегда быстро восстанавливались именно потому, что у нас, как правило, оставался на свободе кто-нибудь из таких «хранителей традиций». Особенно важно было иметь в виду это правило после июльских дней 1917 года, когда на нашу партию вновь обрушились жесточайшие репрессии».

Закрывал VI съезд один из старейших большевиков — Виктор Павлович Ногин. Он сказал: «Как бы ни была мрачна обстановка настоящего времени, она искупается величием задач, стоящих перед нами как партией пролетариата, который должен победить и победит...»

Съезд заочно избрал Стасову кандидатом в члены ЦК партии.

На квартире старого большевика Сергея Яковлевича Аллилуева (10-я Рождественская улица, 17) Елена Дмитриевна участвовала в совещании, где обсуждался вопрос, имевший жизненно важное значение для судеб революции. Для судьбы ее вождя — Ленина. Являться ли Владимиру Ильичу на суд Временного правительства?

Присутствовали там Ногин, Орджоникидзе, Сталин, Надежда Константиновна, Мария Ильинична и другие.

Единогласно было принято решение: Ленину перейти на нелегальное положение, укрыться вне Петрограда.

В то время, когда В. И. Ленин находился в Разливе, Стасову вызвали на допрос. Долго бились с ней следователи Временного правительства, с пристрастием выспрашивали: где Ленин, где другие руководители большевиков?

Ответ один: «Понятия не имею!»

Елена Дмитриевна вошла в так называемый узкий состав Центрального Комитета партии, который проводил в жизнь ленинский план подготовки вооруженного восстания. Протокол № 3 заседания узкого состава ЦК от 6 августа 1917 года свидетельствует, что вместе со Свердловым и Дзержинским она вошла в Секретариат ЦК.

Несколько раз менял свое местонахождение Секретариат ЦК, пока не обосновался на Фурштадтской, поблизости от квартиры Стасовой и от квартиры Свердлова, в доме Сергиевского братства, женской монашеской общины.

Кроме удачного расположения были еще и другие преимущества нового места, например два выхода из квартиры. При тревоге, при налете можно было не только укрыться за плотными дверями общины, украшенными массивными крестами, но и быстро покинуть дом через черный ход.

В доме Сергиевского братства находились «владения Стасовой»: архив, текущая переписка, литература. Другая часть Секретариата ЦК во главе со Свердловым помещалась в Смольном.

Яков Михайлович и Елена Дмитриевна работали в самом тесном контакте и очень дружно. Правда, Стасовой (и тогда и потом, в старости, когда писала свои «Воспоминания») почему-то казалось, что она находилась в некотором отдалении от центра событий. Колоссальный объем работы по Секретариату порой лишал ее возможности участвовать в заседаниях, присутствовать на митингах. А как хотелось быть повсюду в бурлящем Петербурге, среди рабочих, солдат.

Известное представление о работе, проделанной Стасовой летом и осенью 1917 года, даст одна цифра: из общего потока писем, отправленных Секретариатом в действующую армию, в местные организации и отдельным корреспондентам, четыреста тридцать четыре написаны

рукой Елены Дмитриевны. Письма — инструкции, консультации, разъяснения, требования. Они давали ответ на вопрос: что делать? — и на вопрос: как делать?

В. И. Ленин придавал огромное значение большевистскому слову, правдиво объяснявшему задачи и лозунги момента. Буржуазные, эсеровские, меньшевистские газеты извращали политику ленинской партии, состязаясь в злобной клевете на Ленина, а большевистская печать подвергалась преследованиям. В этих условиях переписка, которую вела Стасова, играла существенную роль в подготовке к Октябрю.

В те предгрозовые дни Центральный Комитет рассылал на места Бюллетень ЦК, в котором разъяснялась стратегия и тактика партии, печатались письма ЦК, важнейшие директивные документы. Возглавлял работу по выпуску Бюллетеня Я. М. Свердлов. Стасова же была его верным помощником.

В августе на выборах в районные думы Елена Дмитриевна баллотировалась по списку большевиков в думу Лесновского подрайона на Выборгской стороне. И была избрана. Она активно работала там вместе с председателем думы Михаилом Ивановичем Калининым. Одновременно была членом райкома партии Первого городского района.

Кандидатура «учительницы Е. Д. Стасовой» включена в список большевиков, «рекомендуемых ЦК местным партийным организациям для проведения в Учредительное собрание». Список был опубликован в центральном органе партии — газете «Рабочий путь», выходившей тогда вместо «Правды».

Открывал его Ленин. Фамилия Стасовой была рядом с фамилиями журналистки Крупской, рабочего Калинина, офицера Крыленко, статистика Шлихтера, рабочего Шотмана, профессора Штернберга...

Участники Великого Октября, вспоминая горячие дни подготовки социалистической революции, часто пишут о Стасовой, о ее заданиях, самых различных поручениях.

Так, Флаксерман рассказал, что Елена Дмитриевна поручила ему охрану заседания ЦК РСДРП(б), которое собралось 10 октября на квартире его сестры (набережная реки Карповки, 32/1, квартира 31). Того самого ис-

торического заседания ЦК, в котором после трех месяцев подполья участвовал Владимир Ильич и где было признано, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело.

И вот настал Великий Октябрь. На заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) прозвучали вдохновенные ленинские слова:

«Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась».

«...Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

«...В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

После 25 октября (7 ноября) Секретариат ЦК все еще находился на Фурштадтской. Но Стасова все чаще появлялась в штабе Октября, и ее буквально захлестывал поток всевозможных дел и заданий.

Она вспоминала, как однажды в плотной толпе, заполнившей коридоры и комнаты Смольного, на нее наткнулся какой-то дипломат, не говоривший по-русски и тем не менее добивавшийся угля для отопления посольства. Объяснилась, нашла необходимого товарища, ведавшего топливом, помогла. Или вот: к ней обратилась молодая женщина, просила зарегистрировать новорожденного. Мать принесла младенца не в церковь, не к попам, а в Смольный, к большевикам. Разве откажешь?! Дел незначительных нет. Все важны. И их надо выполнить как можно добросовестнее, аккуратнее. Чтобы люди верили Советской власти.

Минуло тридцать четыре года. В 1951 году Коллонтай писала Стасовой:

«Мысленно вижу Вас в Таврическом, позднее в Смольном, всегда занятую, озабоченную и густо окруженную прибывшими из провинции делегатами на 2-й съезд Советов.

Стройная, строгая на вид, но всегда отзывчивая к нуждам товарищей и неизменно улаживающая неиз-

бежные для партии трудности, когда у власти еще стояли наши враги. «Стасова,— говорили товарищи,— она поговорит с Ильичем и это уладит». «Елена Дмитриевна,— откликался другой товарищ,— она мудрая». И Ленин нередко искал Вас глазами, чтобы посоветоваться с Вами и проверить полученные им важные донесения.

Хорошее у Вас было лицо, молодое, открытое, в нем отражалась непреодолимая сила воли и отзывчивость души. Вас уважали, даже боялись, но и любили, любили горячо, и безгранично верили Вам: «Так сказала Стасова». Но при властности, исходившей от всего Вашего облика, все знали, что если кто поможет товарищу, так это Стасова.

Только тех, кто повредил своим действием партии, кто пошел против ее решений, тех Елена Дмитриевна не прощала и поворачивалась к ним спиной. Ваше презрение или неодобрение было тем больнее, что оно никогда не было личным и всегда обосновано интересами партии...

Вот этой молодой, смелой, деятельной и неутомимой в работе в партии и для партии Елене Стасовой я пишу эти строки — отрывок из воспоминаний о Вас или — точнее — попытка воссоздать Ваш обаятельный облик борца и чуткого, отзывчивого товарища...»

Такой запомнилась Елена Стасова в Октябре. Запомнилась тем, кто вместе с нею под руководством великого Ленина участвовал в осуществлении социалистической революции в России.

Остаюсь в Питере

Когда решился вопрос о переезде Совнаркома и ЦК партии в Москву, Елена Дмитриевна пошла к Ленину. Как быть? Невозможно ей ехать, ну никак. Отец совсем плох — ослеп, да и ходить почти уже не ходит...

Владимир Ильич не дал ей договорить:

— Конечно, друг мой, вам не следует уезжать. И не тужите об этом: в Питере вы также необходимы. Часть Секретариата останется с вами, часть поедет на новое место. Это даже даст нам кое-какие преимущества. При нынешнем состоянии почты еще долго письма будут «по старой памяти» приходить в Питер, да и губерниям северо-запада России будет легче сноситься с вами.

А координацию в работе Секретариата возьмет на себя Свердлов. Вы знаете, что Анатолий Васильевич Луначарский собирается половину своего Наркомпроса оставить здесь. По крайней мере на первых порах. А там посмотрим...

Взглянув на Стасову, на ее расстроенное лицо, Ленин добавил:

— Уверяю вас, что ваши обстоятельства на сей раз целиком совпадают с революционной целесообразностью: именно в Питере вы нужны.— Владимир Ильич крепко пожал ей руку и добавил: — А батюшке вашему засвидетельствуйте мое глубокое уважение. Достойнейший человек!

10 марта 1918 года, в 22 часа, специальным поездом № 4001 из Петрограда в Москву выехали Ленин, Крупская, члены ЦК РКП(б) и Совета Народных Комиссаров. Елена Дмитриевна с группой членов Центрального Комитета партии осталась в Питере.

С каждой неделей город на Неве постепенно пустел: эвакуировались центральные учреждения, в хлебные губернии вывозили из голодающего города школьников, уходили на фронт отряды питерских пролетариев — цвет русского рабочего класса, оплот революции. Путиловцы и обуховцы, железнодорожники и типографщики — куда только не посылала их Революция! На фронты — военный, продовольственный, топливный...

Владимир Ильич высоко оценивал революционный энтузиазм питерских пролетариев. Известно его письмо к членам ЦК партии (в том числе и к Стасовой), находившимся в Петрограде, о посылке как можно большего числа питерских рабочих на чехословацкий фронт, на защиту Советской власти.

Трудно очертить, хотя бы пунктирно, круг дел и обязанностей, которые выполняла в ту боевую весну 1918 года Е. Д. Стасова.

Связь с местными партийными организациями, инструктаж приезжавших в Петроград и направление в командировки, партийные мобилизации, разъяснение партийных решений, забота о правильной партийной

линии и об отдельном человеке, привлечение в партию новых бойцов и борьба за чистоту коммунистических рядов... И вся эта работа организовывалась и фиксировалась в Секретариате ЦК, который в Петрограде насчитывал всего пять «штатных единиц». Две конторщицы, машинистка-переписчица, рассыльный и сам секретарь ЦК Стасова.

В фондах Центрального партийного архива сохранились копии многих писем, посланных Еленой Дмитриевной в те дни из Питера. Приведу выдержки из одного (копия написана ею от руки и датирована 20 марта 1918 года):

«Уважаемые товарищи! Получили Вашу резолюцию и приветствуем Вас во всех Ваших начинаниях. Хотелось бы знать, как стоит у Вас вопрос организационный, т. е. существует ли у Вас партийная ячейка, если существует, то как она велика, т. е. сколько человек входит в ее состав? Если не существует, то почему? Есть ли у Вас библиотека? Получаются ли газеты и какие? Устраиваются ли митинги, лекции? Что делается для просвещения? Какие шаги предпринимаются Вами для создания Красной Армии? Ведь нет никакого сомнения, что германцы приложат все усилия, чтобы уничтожить Советскую власть и все ее декреты, в первую голову декрет о земле, а следовательно, нам придется вести упорную борьбу с ними и иметь для этой цели хорошую социалистическую Красную Армию. Сообщите, что думают в ваших краях на этот счет...»

Елена Дмитриевна в марте 1918 года сообщала ячейке РКП Никольского завода о получении «процентных отчислений» в сумме 6 рублей 60 копеек. И просила ответить на ряд вопросов: когда возникла ячейка? сколько в ней членов? как идет работа? сколько населения в в районе и рабочих на заводе? есть ли другие партии и каково их влияние? Анкета с перечнем этих вопросов была разработана Центральным Комитетом и рассылалась в местные организации партии.

В ряде писем, посланных в ЦК партии, содержится настоятельная просьба: шлите литературу. Больше книг, брошюр, листовок! Она пишет, что на местах очень ждут ленинскую работу «Очередные задачи Советской власти», которая, как говорится в ее письме,

должна стать «нашей настольной книгой в настоящий момент»! Стасова просит Владимира Ильича ускорить подготовку проекта новой Программы партии, которая местным парторганизациям «нужна до зарезу».

Петроград в то время жил неспокойной жизнью. Уголовные элементы и анархисты всяких мастей устраивали пьяные дебоши, совершали бандитские налеты на частные квартиры, грабили людей на улицах. Жертвой такого нападения стала и Елена Дмитриевна.

2 апреля получила она в Государственном банке деньги на партийные расходы. Сумма была небольшая, поэтому Стасова, спрятав деньги в портфель, отправилась без охраны. Подходила уже к Фурштадтской, до дома рукой подать. В этот момент услышала окрик: «Стой!» Здоровенный парень, угрожая револьвером, потянул из ее рук портфель. Короткая схватка. Стасова на земле, но портфеля не выпускает. Силы, однако, неравны. Бандит выхватил портфель и удрал. Елена Дмитриевна, окровавленная — упав, она разбила лицо и колено,— в испачканной одежде, поспешила в милицию. Заявила, конечно, и в ЧК. Но грабителей обнаружить так и не удалось. Стасова была очень расстроена. Среди бела дня напали и отняли партийные деньги... Да, непросто ликвидировать остатки прошлого. Недаром создан специальный орган диктатуры пролетариата — ВЧК — для охраны революционного порядка, борьбы с хулиганством, мародерством, для защиты завоеваний революции.

На следующее утро, 3 апреля, в Петрограде открылась конференция большевиков Северной области. За столом президиума — Стасова. Царапины и синяки на лице припудрены, платье, пострадавшее в схватке, заштопано. Она, как всегда, строга и серьезна, будто ничего не произошло. Взяла себя в руки. Так, как умела это делать в трудные минуты.

Питерские газеты 12 мая сообщали:

«Вчера скончался Д. В. Стасов — один из культурнейших и заслуженнейших представителей старого поколения русской интеллигенции. Дочери покойного,

Елене Дмитриевне Стасовой, нашему ближайшему товарищу и другу, мы выражаем самое глубокое сочувствие по поводу тяжелой утраты».

Через два дня, 14 мая, и московская «Правда» поместила заметку «Кончина Д. В. Стасова».

Елена Дмитриевна в эти скорбные дни получила письмо Свердлова:

«Милая Елена Дмитриевна!

Хочется написать Вам несколько теплых слов. Я знаю, что тяжелую личную утрату Вы пережили. Не склонен говорить слова утешения. Хочу лишь, чтобы Вы почувствовали, что не со всеми товарищами Вы связаны исключительно узами общности мировоззрения, дружной идейной работы. Скажу о себе. У меня очень теплое, дружеское к Вам отношение, совершенно независимое от наших партийных связей. И не я один ценю в Вас милого, отзывчивого друга-товарища. Не все личные связи порваны. И без кровного родства есть глубокое дружеское родство. Крепко целую.

Ваш Яков».

И так было всегда. В самые тяжелые минуты Стасова чувствовала поддержку друзей. Их теплота и участие помогали ей жить и работать.

Казалось бы, дел по Секретариату ЦК хватает на целые сутки, но Елена Дмитриевна прекрасно справлялась и с другими обязанностями. А их немало. Она — член исполкома Союза Коммун Северной области, член Петроградского Совета, член «комиссии трех» и еще множества партийных и советских органов.

Было еще одно дело — она сама взяла его на себя. Речь идет о работе в Доме Красной Армии и Флота, который открылся на Литейном проспекте № 20 (в здании бывшего офицерского общества).

Петроградская «Красная газета» 23 апреля сообщила, что в этом Доме «идет запись на лекции по следующим предметам: 1) Древняя история, 2) Психология, 3) История европейской литературы, 4) История первобытной культуры, 5) Гигиена, 6) Политическая экономия, 7) Маркс, его жизнь и деятельность...

Рекомендуем записываться всем, кто жаждет просвещения, которое ведет к более глубокому пониманию жизни и к победе над насилием угнетенного бедного

люда и к объединению трудящихся масс, стоящих на платформе социализма».

Дом Красной Армии и Флота планировал также «сеансы научного кинематографа с объяснениями», «лекции тов. Луначарского по истории философии в связи с историей культуры»; предполагалось организовать школу грамоты, курсы бухгалтерии и стенографии, курсы русского языка для иностранцев, курсы иностранных языков.

В составлении всех этих программ Стасова принимала самое активное участие. В одном из писем читаем:

«Налаживаем помаленьку и художественный отдел, т. к. с одной стороны имеем уже приблизительный план занятий в школе рисования, живописи, скульптуры и черчения, а с другой — скульптор Гинцбург взялся вообще помочь нам в этом отношении. Затем, я попытаюсь поговорить с М. Ф. Андреевой (женой Горького) и думаю, что сумею привлечь ее к этому же делу (драматический отдел). Наконец, приняты некоторые конкретные меры к тому, чтобы стала у нас действовать библиотека, и насчет плана лекций популярно-научных приняты соответственные меры».

Она считала, что работа в Доме Красной Армии и Флота «в будущем будет иметь такое большое значение, что необходимо правильно ее подготовить и поставить».

Даже в самые трудные дни, когда голова кружилась от голода, а дел — неотложных, архиспешных — становилось все больше, Елена Дмитриевна ухитрялась выкраивать время, чтобы заняться «своим» Домом, любимым своим детищем. Политическое просвещение масс, приобщение их к богатствам культуры она считала важнейшей задачей момента.

Да, дней, когда «голова кружилась от голода», в этом году было немало. Питер голодал. Трудно приходилось и Елене Дмитриевне. Особенно страдала, если нечем было накормить стариков родителей. Случались дни, когда по карточкам первой категории выдавали полфунта, а то и восьмушку хлеба. 11 августа, как сообщали газеты, «вследствие неприбытия и полного истощения хлебных грузов» выдача вообще не производилась...

Старый коммунист, уральский рабочий П. Булыгин был прислан в тот год в Питер на учебу. Спасая его от

дистрофии, Стасова распорядилась прикрепить Булыгина к столовой Смольного. Он вспоминал, как они вместе пошли обедать. Меню было такое: на первое — уха из воблы, а на второе — котлеты из рыбьих голов с мороженой картошкой. Так питался партийный актив города.

Свердловы, Яков Михайлович и Клавдия Тимофеевна, зная бедственное положение петроградцев, старались поддержать Стасову. С любой оказией посылали ей то буханку хлеба, то пачку трофейных галет. А ведь в Москве тоже голодно.

16 мая 1918 года Стасова писала Клавдии Тимофеевне: «...огромное Вам спасибо, как и Якову Михайловичу, за присылку шоколада и куртки, ибо первый весьма меня подбадривает при усталости, а вторая явилась как нельзя более кстати, так как у меня не было никакой одежки, кроме длинной кофты, в которой в настоящее время страшно жарко».

Еще одна выдержка из ее письма (послано 12 августа 1918 года в Мурманск):

«Здесь положение очень серьезное, т. к. нет хлеба и вообще очень туго с продовольствием, но все же надеемся продержаться до нового хлеба. Шлем агитаторов и людей, куда можно, за хлебом, шлем товарищей на чехо-словаков, на англо-французов. Питер пустеет, но духом не падает».

Питер не падал духом. Не падала духом и сама Стасова. Об этом свидетельствуют и ее личная, дружеская переписка с товарищами («Я не кисну, хотя устала до чертиков»), и ее деловые письма местным организациям.

В архивах сохранились ответы Стасовой на письма с мест, относящиеся к августу — сентябрю 1918-го. Переписку она вела всегда очень обстоятельно. Описывала обстановку в Питере, запрашивала сведения о работе и о людях, комментировала полученные с мест протоколы заседаний, инструктировала. Не забывала подбодрить, поблагодарить за выполненную работу. А в конце письма — неизменное «с коммунистическим приветом».

Любопытная деталь, примета эпохи и черта ее характера — во многих письмах в конце напоминание: экономьте бумагу, пишите плотнее, используйте оборот листа...

Питеру трудно. Контрреволюционные заговоры, панические слухи, провокации врагов Советской власти, выстрелы из-за угла. Предательской пулей сражен вдохновенный трибун, редактор «Красной газеты» Володарский.

Питер настораживается, усиливает бдительность. Партия сплачивает силы.

Стасова пишет товарищу: «Здесь темп партийной жизни значительно усилился, собрания районов, организаций и коллективов собираются гораздо чаще, носят более оживленный характер. Несомненно, многие пришли теперь к тому убеждению, что Советская власть сильна только тогда, когда сильна партия».

Еще выдержки из писем того же восемнадцатого года.

«...У нас положение лучше, чем на Урале, но контрреволюционеры пытаются вылезти из всех щелок, хотя обыкновенно их махинации раскрываются до того, что успевают созреть, но все же приходится все время быть настороже».

«...Если Вы действительно считаете себя коммунистом, то Вы должны поступать всегда так, чтобы интересы личные, шкурные отступали на задний план!»

«...Позиция наша окрепла необыкновенно».

И очень редко — о себе: «Работаю страшно много, а обстановка дома такая, что негде отдохнуть».

30 августа 1918 года. Утром этого дня в Петрограде прозвучали вражеские выстрелы. Правыми эсерами убит председатель питерской Чрезвычайной комиссии Урицкий.

Для Стасовой это еще одна личная потеря. Она сдружилась с Урицким, хотя их путь в революции был совсем не схож.

Урицкий стал членом большевистской партии только в августе 1917 года, до этого он примыкал к «межрайонцам». Большевистский партийный билет получил из рук Елены Дмитриевны. И на столе у нее стоял подаренный Урицким фотоснимок с надписью: «Е. Д. Стасовой от «молодого коммуниста»».

Не стало еще одного активного участника Октябрьской революции, еще одного ее друга.

Урицкого убили в 10 часов утра. Через четыре часа

на экстренное заседание собрался партийный актив Питера.

В трудный час пришли сюда питерские большевики. Хмурые, настороженно-молчаливые — партия теряет своих передовых, стойких борцов; вслед за Володарским погиб Урицкий.

Товарищи молчат, но всех тревожит одна и та же мысль: что предпринять?

Выступил Зиновьев. Смертельно напуганный, совсем потеряв контроль над собой, он произнес паническую речь. Он кричал, что нужно поднять рабочих и пусть на месте, на улицах, в домах уничтожают всякого, кто внушает подозрение. Пусть льется кровь буржуазии и ее слуг! Больше крови!

Речь Зиновьева смутила товарищей. Зал замер.

Тут уместно, сделав небольшое отступление, привести воспоминания Стасовой. Говоря о привычной своей линии поведения, она признавалась: «Я на заседаниях в ПК и ЦК выступать часто не любила, так как считала себя недостаточно компетентной в политических вопросах. Выступала только в том случае, если видела, что вопрос либо не затронут другими товарищами, либо неправильно освещен».

Но сегодня она не могла молчать. Стасова назвала предложение Зиновьева паническим. Нет, так взрываться большевикам негоже...

Зиновьев опять не совладал с собой. Не пожелал прислушаться к возражениям. Закричав, что всякой грубости есть предел, выбежал из зала...

О том, что было дальше, рассказывала Елена Дмитриевна так:

— Я обратилась к председательствующему Позерну и сказала, что если Зиновьев не может оставаться на собрании вместе со мной, то лучше уж уйду я. Позерн заметил, что если нервничает Зиновьев, то нечего нервничать мне. Он предложил мне продолжать. Я сказала, что считаю предложение Зиновьева неправильным, так как оно обернется в первую голову против нас самих. Черносотенцы, действуя под видом рабочих, перебьют всю нашу верхушку...

В тот момент вернулся в зал Зиновьев — он был уже в пальто — и предложил одному из товарищей не-

медленно ехать с ним на Путиловский завод поднимать рабочих.

Председательствующий предложил Зиновьеву остаться и выслушать мнение собрания, ведь решать-то должен не единолично он, решать будет Петербургский комитет с активом...

Стасова продолжает: «Мои слова, очевидно, развязали языки, так как выступавшие затем товарищи указывали, что я права, и в конце концов было принято решение о создании специальных троек по районам для выяснения контрреволюционных элементов».

(Добавим, что стычка, имевшая принципиальный характер, не прошла даром для Елены Дмитриевны. Злопамятный Зиновьев не простил ей «подрыва авторитета» и в дальнейшем, как мог, мстил. В письме Елены Дмитриевны Свердлову от 28 сентября прямо говорится о «мелкой мести» Зиновьева за «тот инцидент, который произошел в день убийства Урицкого».)

В тот день петроградцы узнали о злодейском покушении эсерки Каплан на В. И. Ленина в Москве, на заводе бывшем Михельсона. Партия призывала рабочий класс сплотить все силы в борьбе против врагов революции.

В тот же день Елену Дмитриевну ввели в состав президиума Петроградской чрезвычайной комиссии как представителя Петербургского комитета партии.

Ее рабочая неделя выросла еще на целые сутки: раз в неделю эти сутки целиком отданы работе в Чека — как член президиума она дежурила на Гороховой. Да и в другие дни ухитрялась заниматься вопросами Чека. Ухитрялась за счет сна.

«Сижу ночами,— сообщала она другу,— пишу, разбираю, толкусь, обсуждаю и т. д. и т. д... Нужно везде усилить охрану, надзор, произвести чистку и реорганизацию».

Очень внимательно изучала дела. Следила за тем, чтобы в спешке, в сложной политической и военной обстановке того времени «карающий меч пролетарской диктатуры» не обрушился на невиновного, ошибочно подозреваемого.

В работе Стасовой в ЧК особенно проявлялась присущая ей принципиальность, справедливость, щепе-

тильность. К врагам Советской власти, к изменникам, к мародерам и шкурникам была беспощадна. Твердой рукой подписывала приговоры, когда убеждалась в абсолютной правоте обвинений.

Кое-кто пытался использовать былое знакомство с ней или с ее семьей, чтобы «по протекции» добиться от Елены Дмитриевны каких-либо послаблений. Этого не терпела, могла указать на дверь самым резким образом. Но, будучи уверенной в невиновности человека, без колебаний вступалась за него.

«Настоящим удостоверяю,— писала она в одной из записок,— что я лично знаю Александра Евгеньевича Буренина (речь идет о брате большевика-подпольщика Н. Е. Буренина.— *Авт.*), знаю, что он не пойдет против Советской власти, лично обращалась к нему за очень щекотливым делом (Советским) и могу поручиться за него».

Брала ответственность на себя.

В сентябре 1918 года Елена Дмитриевна ездила в Москву. Среди других дел имела поручение от Петроградского исполнительного комитета — передать В. И. Ленину подарок — портрет К. Маркса. Портрет в красках исполнил талантливый художник-самоучка П. Г. Лотарев, рабочий завода «Старый Лесснер». Встреча была в кабинете Ленина, когда он только что оправился от раны. «Это было очень короткое свидание,— вспоминала Стасова,— во время которого, как всегда, Ильич расспрашивал о работе в Питере, о настроении питерцев, расспрашивал о мелочах и по этим мелочам составлял себе ясную картину совершавшегося». Владимир Ильич был чрезвычайно растроган вниманием, оказанным ему Петроградом, просил передать Петроградскому Совету горячую благодарность.

К сказанному можно добавить: подарок, привезенный Стасовой,— это тот самый портрет Маркса, который и поныне висит в кабинете В. И. Ленина в Кремле.

В том же сентябре, после возвращения из Москвы, «судьба захотела, по словам Стасовой, дать ей некоторый отдых». Формулировка весьма своеобразная, если учесть, что причиной «отдыха» послужила дорожная

катастрофа. Автомобиль, в котором ехала Елена Дмитриевна, столкнулся с трамваем. Она отделалась сравнительно легко — осколками стекла были порезаны лицо и руки, на одной из них задет нерв. Руку пришлось держать неподвижно, на перевязи. Писать не могла, на работу ходить запретил врач — нужен покой.

Сидела дома, читала. Товарищи приносили на подпись лишь самые неотложные бумаги.

Но однажды она нарушила предписания медиков. Елену Дмитриевну пригласили на торжественное открытие первого рабочего клуба имени товарища Ленина — так назвали свой клуб рабочие завода бывший Парвиайнен, что на Выборгской стороне.

Питерские газеты так описывали невиданный доселе рабочий праздник:

«Клуб парвиайненцев выглядит прилично. Театральный зал с небольшой, но умело декорированной сценой производит приятное впечатление. Хорош читальный зал, увешанный портретами великих социалистов и художников слова и тонущий в коврах и мягкой мебели. Гордость парвиайненцев — это их библиотека, насчитывающая более пяти тысяч томов».

На этом вечере поэт Василий Князев прочитал свое стихотворение «Сын коммунара», и весь зал вслед за автором дружно повторял полюбившийся рефрен:

«Отец мой был солдатом-коммунаром
в великом восемнадцатом году!»

Известные артисты бывших императорских театров исполнили сцену дуэли из «Евгения Онегина», знаменитая певица спела арию из оперы «Опричник».

Во время антрактов «играл оркестрион из дворца бывшего великого князя Павла Александровича». Теперь этот сложный и дорогой музыкальный инструмент принадлежал рабочему клубу.

Е. Д. Стасова приветствовала рабочих от имени ЦК партии, назвав создание рабочего клуба ярким фактом «действительного строительства новой жизни». Она сказала:

— Как радостно присутствовать на вашем торжестве и как хочется, чтобы таких фактов было побольше!

Надо рассказать еще об одном направлении деятельности Елены Дмитриевны — о работе по политическому просвещению и бытовому устройству иностранных товарищей.

В Питере скопилось тогда много бывших военнопленных — немцев, австрийцев, венгров. Часть из них пошла за большевиками, другие колебались. Вот среди них-то и вела пропаганду Стасова. Немало товарищей-интернационалистов записалось в красноармейские отряды, были созданы красные батальоны из военнопленных.

Настоятельные просьбы присылать литературу на иностранных языках, разъяснявшую нашу политику, нашу программу, содержатся во многих письмах секретаря Петроградского бюро ЦК партии, адресованных в Москву.

Процитирую одно из писем Стасовой в Цека — Клавдии Тимофеевне Новгородцевой: «...вчера был у меня венгерец из Барнаула, член партии, коммунист, ибо у них в Барнауле в интернациональном батальоне 150 человек, а в Омске до 7 тысяч. Крайне нужна газета на немецком языке, а я до сих пор не могу добиться, чтобы Москва посылала ее нам. Пожалуйста, сообщите или адрес газеты, или кто ее издает, или научите, куда ходить курьерам, чтобы ее получать».

Речь шла о газете, которую издавала на немецком языке Федерация иностранных групп при ЦК РКП(б).

Но необходима не только духовная пища!

Пленные попадали в Питер голодными, раздетыми и разутыми. А ведь каждый паек, сколь бы мизерным он ни был, каждая пара башмаков или теплая фуфайка в условиях всеобщего голода и разрухи — все проблема. И нешуточная.

Елена Дмитриевна с помощью товарищей из питерских организаций старалась такие проблемы решать.

Стасова писала Бадаеву: «Помимо официального обращения к Вам пишу Вам еще и это письмецо, чтобы Вы поняли, почему мы к Вам обращаемся. Вы знаете ужасное положение наших товарищей финнов-красногвардейцев... Несомненно, партия наша должна оказать им всяческое содействие для дальнейшей борьбы с империализмом и его представителями».

Что касается красных финнов, то с ними Елена Дмитриевна была связана особенно прочно. Дружеские

связи установились еще в героические годы подполья, когда через Финляндию тайно переправляли на Запад делегатов партийных съездов, а в Россию, тоже тайно, шли транспорты с оружием и литературой. Теперь финские революционеры попали в беду, им пришлось отступить под натиском озверевших белогвардейцев.

Елена Дмитриевна нередко обращалась к доктору Первухину, ведавшему здравоохранением, с просьбой то подлечить заболевшего немецкого товарища, то госпитализировать финского друга...

В читальном зале Центрального партийного архива я просматриваю эти листки, писанные стасовской рукой. И думаю, что именно тогда, в опустело-голодном Питере восемнадцатого года, закладывался фундамент ее будущей коминтерновской и мопровской работы, ее широчайших интернациональных связей. Той деятельности, в которой ей вскоре предстояло проявить себя.

Миновал год с той поры, как Совнарком и ЦК партии переехали в Москву. Ровно год. Настал март девятнадцатого.

Скупое весеннее солнце, пробиваясь сквозь тучи, освещает запущенные, давно не чищенные улицы Петрограда. Голодно, холодно, в домах промозглая сырость, а на душе все же повеселело — миновала трудная зима.

Именно тогда, в марте 1919 года, Стасова неожиданно получила срочный вызов из Москвы.

Партия готовилась к VIII съезду, а Яков Михайлович Свердлов, который держал в руках все организационные нити, серьезно болен. Свирепая «испанка» — опасная разновидность гриппа. Свердлов вызвал Елену Дмитриевну: пусть возьмет на себя руководство подготовкой к съезду.

И она, не мешкая, выезжает в столицу. Дело не ждет!

Советская власть крепка!

Итак, Елена Дмитриевна приехала в Москву по срочному вызову заболевшего Свердлова за неделю до открытия съезда. Уже съезжались делегаты. Предстояло все проверить — и организационную, и хозяйствен-

ную, и мандатную часть. Словом, все, все взять в свои руки.

А тут пришла горькая весть: скончался Яков Михайлович Свердлов. Товарищ, которого она так полюбила, которому так беспредельно верила.

Стасова еще успела навестить смертельно больного друга.

18 марта Москва хоронила Свердлова.

Вместе с представителями от районов Москвы, с делегатами VIII съезда партии, с делегатами недавно закончившегося I конгресса Коммунистического Интернационала Стасова в горестном молчании стояла у Кремлевской стены, у открытой могилы. Она слушала с волнением ленинскую речь, мысленно повторяла вслед за Владимиром Ильичем:

«Вечная память товарищу Свердлову; на его могиле мы даем торжественную клятву еще крепче бороться за свержение капитала, за полное освобождение трудящихся!..»

Считанные часы остались до открытия партийного съезда, а еще столько надо успеть...

На съезде кандидатура Стасовой была предложена в президиум, по своему обыкновению, она отказалась. Ее избрали в мандатную комиссию. 22 марта Елена Дмитриевна от имени мандатной комиссии докладывала съезду. На следующий день, на заключительном заседании, ее избрали в состав ЦК (единственную женщину среди девятнадцати членов и восьми кандидатов в члены Центрального Комитета партии). Она вошла в Оргбюро Центрального Комитета. «И вот опять я секретарствую»,— скажет впоследствии о своей работе после съезда Стасова в «Воспоминаниях». Она попыталась определить круг обязанностей секретаря ЦК:

«Он был: управделами, заведующим особым сектором, заведующим Секретариатом, помощником секретаря в современном понятии, заведующим кадрами и, наконец, просто техническим секретарем. Кроме перечисленных обязанностей секретарь ЦК вел все шифровальное дело ЦК, переписку с местными организациями, прием приезжих работников и посетителей. Ведение протоколов Оргбюро и пленарных заседаний ЦК тоже находилось в его руках. Он же был и своеобразным снабженцем».

Елене Дмитриевне удавалось справляться с такой колоссальной нагрузкой не только благодаря врожденному трудолюбию и благоприобретенным навыкам, но и вследствие присущей ей педантичности и пунктуальности. Работников несобранных, неаккуратных Елена Дмитриевна нередко называла «свободными художниками». В ее устах это звучало насмешливо и даже язвительно.

Про то, как Стасова, секретарь ЦК, принимала посетителей, мне довелось слышать от старых коммунистов, побывавших в свое время в ее кабинете на Воздвиженке. Работала деловито, может быть, внешне чуть суховато. Слушала внимательно, но, если посетитель отвлекался, останавливала краткой репликой. Вежливо и четко. Слушала и что-то писала. К концу разговора говорила, бывало:

— Я вас поняла. Пойдете к такому-то товарищу. Вот направление. А это — ордер на сапоги. Ваши, я заметила, каши просят...

— Но ведь про сапоги я, Елена Дмитриевна, и слова не вымолвил. Не до них сейчас. Обойдусь!..

— Обойдусь,— передразнит, лукаво поглядывая поверх пенсне.— Извольте брать, ежели дают. Соблюдайте дисциплину.

П. Виноградская вспоминала, как, вернувшись с фронта, пришла в ЦК к Елене Дмитриевне. Стасова направила ее на работу в женотдел. Это, однако, не совпадало с намерениями коммунистки, и та попробовала было протестовать. Куда там — Елена Дмитриевна была тверда, как кремень. А впоследствии писательница Виноградская призналась: «Стасова, лучше чем мы сами, знала нас, молодых, понимала, на какой работе мы будем полезней и еще сможем расти и учиться».

Четкости и деловитости Стасова училась у Ленина. Не раз вспоминала, как внимательно относился Владимир Ильич к приему посетителей, точно назначая час встречи, заблаговременно извещая товарищей, ежели по каким-то обстоятельствам вынужден был отложить или отменить прием.

Ленин чрезвычайно ценил фактор времени. Стасова видела, как Владимир Ильич руководил заседаниями

ЦК партии. Заседание обычно назначалось на 10 часов утра. Строго регламентировалось время ораторов: для выступления — две-три минуты, Ленин следил за этим с часами в руках. Всякие разговоры по ходу заседания строго пресекались. Заметит, что кто-нибудь перешептывается с соседом, сразу же погрозит пальцем и выразительным жестом укажет: «Пишите...»

Сам показывал пример. Владимир Ильич, руководя заседаниями, посылал товарищам множество записок. В них содержались поручения, вопросы, уточнения. И одновременно — буквально одновременно! — ухитрялся внимательно следить за выступлениями, одной краткой репликой направлял прения или суммировал обсуждение.

Этот ленинский стиль работы Елена Дмитриевна старалась применить на практике, когда ей самой приходилось вести заседания.

Через полтора десятка лет после описываемого времени, в середине тридцатых годов, мне не раз приходилось наблюдать Стасову на председательском месте, когда она вела заседания Исполкома или Центрального комитета МОПР СССР.

Строго-настрого придерживалась регламента. Решительно ограничивала время ораторов, не давая «растекаться мыслью по древу» (излюбленное ее выражение), запрещала переговариваться, писала и получала записки.

Работая секретарем ЦК РКП(б), Елена Дмитриевна, естественно, постоянно общалась с Владимиром Ильичем. Выполняла всевозможные его поручения.

Относилась к Ленину она не только с глубочайшим уважением и величайшей почтительностью, но и с трогательной любовью.

Как секретарь ЦК, она пыталась разгрузить Владимира Ильича от всякого рода текущей работы, оберегать от лишних встреч и несущественных дел.

«Я старалась,— вспоминала Стасова,— по возможности делать все, чтобы не дергать его, не доставлять ему лишней работы».

Так сам собой установился такой порядок: некото-

рых товарищей, добивавшихся встречи с Лениным, его секретари сперва отсылали к Стасовой. Для предварительной беседы. Иной раз и она сама, когда считала это возможным, без вмешательства Владимира Ильича решала текущие вопросы, принимала необходимые меры. В других случаях, главным образом тогда, когда чувствовала, что Ленину будет интересно и полезно поговорить с посетителем, посылала его к Владимиру Ильичу.

Это повелось со времен, когда Елена Дмитриевна работала еще в Петрограде. Так, в январе 1918 года Ленин получил из Питера записку Елены Дмитриевны: она направляла к нему большевика Харлова, агронома, председателя Псковского губернского земельного комитета; товарищ, по ее мнению, мог сообщить важные и интересные факты.

Разговор с Василием Николаевичем Харловым действительно заинтересовал Владимира Ильича. А через три месяца, в апреле, на заседании Совнаркома под председательством Ленина агроном Харлов был утвержден членом коллегии Наркомзема.

Стасова посылала Ленину интересные, с ее точки зрения, письма. В первую очередь крестьянские. Знала, что Владимир Ильич проявляет живейший интерес к жизни деревни.

Вот одна из ее сопроводительных записок:

«Дорогой Владимир Ильич!

Посылаю Вам копии двух писем: рабочего и крестьянина Саноева. Я знаю, что такие иллюстрации Вам бывают по вкусу. Если бы рука моя дала мне возможность писать, то написала бы Вам много теплых слов, но пока не могу этого сделать, так как на безымянном пальце задет какой-то нерв *... Шлю сердечный привет Вам и Надежде Константиновне».

Много писем трудящихся, «иллюстраций», как назвала их Стасова, передавала она Владимиру Ильичу. Эти бесхитростные документы, отражавшие истинное положение в стране, Ленин чрезвычайно ценил, использовал их в статьях, выступлениях, докладах. Передавал для публикации в «Правду» и «Бедноту».

---

* При дорожном происшествии — столкновении автомашины с трамваем — у Стасовой была повреждена рука. Процитированная записка относится именно к тому времени, к октябрю 1918 года.— *Авт.*

Сам же он в работе аппарата ЦК, Совнаркома и СТО стремился сводить переписку к минимуму. Указания Ленина, его распоряжения и вопросы, возникавшие при чтении почты и адресованные товарищам из аппарата, чаще всего были предельно лаконичны.

Два примера. Из села Аккузова Сергачского уезда Нижегородской губернии пришла телеграмма: члены исполкома Совета жаловались на неправильные действия местных коммунистов, просили прислать из центра человека для проверки. На телеграфном бланке торопливая ленинская помета:

«Стасовой (Оргбюро ЦК)

Что сделали?»

Стасова срочно предложила Нижегородскому губкому РКП(б) «принять меры к расследованию дела и к чистке состава организации».

В августе 1919 года большевичка Ц. С. Бобровская (Зеликсон) написала Владимиру Ильичу письмо, ставила вопрос о работе. Ленин переслал ее письмо Стасовой:

«Елена Дмитриевна, это — старый партийный работник. Очень ценный человек. Черкните, куда думали бы приставить».

...Стасова, перечисляя круг обязанностей секретаря ЦК, отметила: приходилось бывать и снабженцем. Она вспоминала, что Владимир Ильич частенько звонил ей, прося достать товарищу то шапку, то сапоги, а то и дрова...

Вот один из многих фактов этого плана.

Узнав от Марии Ильиничны о бедственном положении сотрудничавшего в «Правде» Петра Охрименко (переводчика, впоследствии члена Союза писателей СССР), Ленин «очень просил» Стасову и других товарищей «оказать помощь полезному работнику», обеспечить его продовольствием и одеждой.

И что характерно: Владимир Ильич никогда не забывал своих просьб-поручений. Через день-другой Ленин либо сам по телефону, либо через секретаря обязательно осведомлялся: достали, сделали?

Владимир Ильич с большой теплотой и заботой относился к товарищам по партии, к своим соратникам. Иной раз ему было совсем непросто заставить заболев-

Е. Д. Стасова и Н. Е. Буренин в имении Кириасалы (на финской границе). Фото 1905 года.

Фото 1906 года.

Фото 1958 года.

Е. Д. Стасова и Хо Ши Мин в перерыве между заседаниями XXII съезда КПСС.

Е. Д. Стасова и космонавт Г. С. Титов в перерыве между заседаниями XXII съезда КПСС.

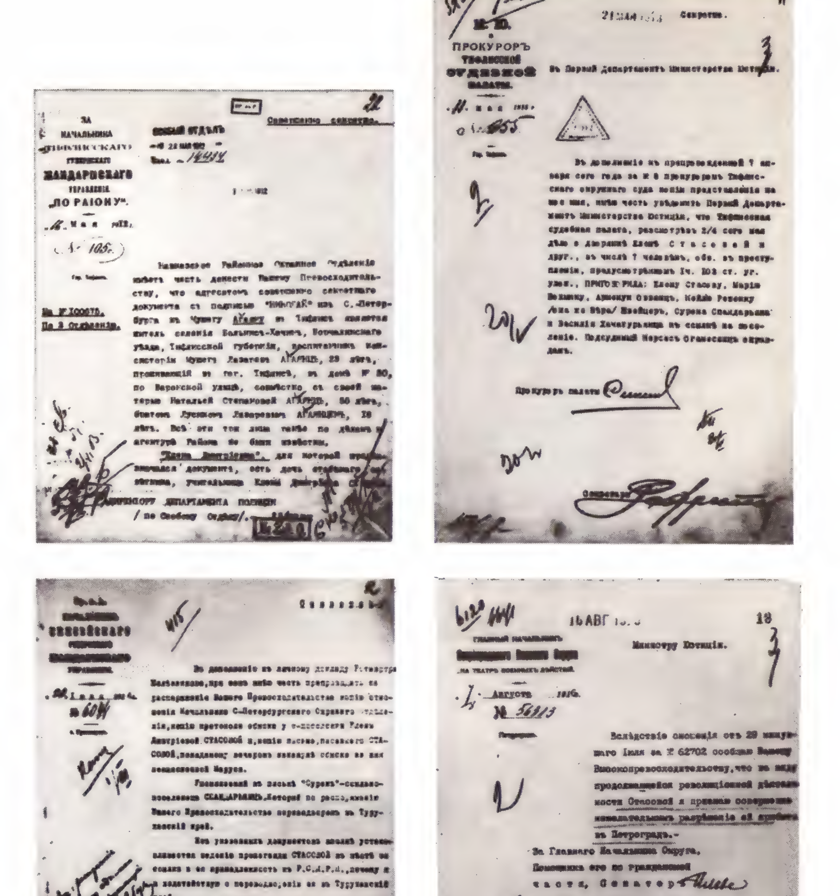
В. И. Ленин и Е. Д. Стасова
во время II конгресса Коминтерна (1920 год).

Фото 1933 года.

*Тифлис. Дом на Андреевской улице,
в котором жила Стасова. 1912 год.*

За Начальника Тифлисскаго губернскаго жандармскаго управленія „по району". 16 мая 1912. № 105. гор. Тифлисъ.

На № 100075. По 3 Отдѣленію.

Особый Отдѣлъ. 22 мая 1912. Вход. № 14414

Совершенно секретно.

Названное Районное Охранное Отдѣленіе имѣетъ честь донести Вашему Превосходительству, что адресатомъ совершенно секретнаго документа съ подписью "Инфогай" изъ С.-Петербурга въ Мушегу Агаяну въ Тифлисѣ является житель селенія Большой-Хачинъ, Борчалинскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, воспитанникъ [illegible] Мушегъ Лазаревъ АГАЯНЦЪ, 23 лѣтъ, проживающій въ гор. Тифлисѣ, въ домѣ № 30, по Веронской улицѣ, совмѣстно съ своей матерью Натальей Степановой АГАЯНЦЪ, 50 лѣтъ, братомъ Лусикомъ Лазаревымъ АГАЯНЦЕМЪ, 18 лѣтъ. Всѣ эти три лица также по дѣламъ агентуры Района не были извѣстны.

"Елена Дмитріевна", для которой предназначался документъ, есть дочь отставного [illegible], учительница Елена Дмитріевна Стасова.

Директору Департамента Полиціи / по Особому Отдѣлу/.

№ 33. Прокуроръ Тифлисской судебной палаты. 11 мая 1913 г. № 1855. гор. Тифлисъ.

21 мая 1913. Секретно.

Въ Первый Департаментъ Министерства Юстиціи.

Въ дополненіе къ препровожденной 7 января сего года за № 8 прокуроромъ Тифлисскаго окружного суда копіи представленія на мое имя, имѣю честь увѣдомить Первый Департаментъ Министерства Юстиціи, что Тифлисская судебная палата, разсмотрѣвъ 2/4 сего мая дѣло о дворянкѣ Еленѣ Стасовой и друг., въ числѣ 7 человѣкъ, обв. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 102 ст. уг. улож., ПРИГОВОРИЛА: Елену Стасову, Марію [illegible], [illegible], [illegible] /она же Вѣра/ [illegible], Сурена Спандарьяна и Василія Хачатурьянца къ ссылкѣ на поселеніе. Подсудимый Нерсесъ Оганесянцъ оправданъ.

Прокуроръ палаты [signature]

Секретарь [signature]

Врио. Начальника Енисейскаго губернскаго жандармскаго управленія. 28 Іюля 1916. № 6044. г. Красноярскъ.

Секретно.

Въ дополненіе къ личному докладу Ротмистра Малышевскаго, при семъ имѣю честь препроводить по распоряженію Вашего Превосходительства копію отношенія Начальника С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія, копію протокола обыска у с-поселенки Елены Дмитріевой СТАСОВОЙ и копію письма, писаннаго СТАСОВОЙ, невидимыми чернилами, найденнаго при обыскѣ [illegible] Мадуся.

Упоминаемый въ письмѣ "Суренъ" — ссыльно-поселенецъ СПАНДАРЬЯНЪ, который по распоряженію Вашего Превосходительства переводится въ Туруханскій край.

Изъ указанныхъ документовъ вполнѣ устанавливается веденіе пропаганды СТАСОВОЙ въ мѣстѣ ея ссылки и ея принадлежность къ Р.С.Д.Р.П., почему я ходатайствую о переводѣ ея въ Туруханскій край.-

Полковникъ [signature]

Господину Енисейскому Губернатору.-

16 АВГ 1916 18

Главный Начальникъ Петроградскаго Военнаго Округа на театрѣ военныхъ дѣйствій. 7 Августа 1916. № 56913. Петроградъ.

Министру Юстиціи.

Вслѣдствіе отношенія отъ 29 минувшаго Іюля за № 62702 сообщаю Вашему Высокопревосходительству, что въ виду продолжающейся революціонной дѣятельности Стасовой я признаю совершенно нежелательнымъ разрѣшеніе ей прибытія въ Петроградъ.-

За Главнаго Начальника Округа, Помощникъ его по гражданской части, Сенаторъ [signature]

И.д. Окружнаго Адъютанта Прапорщикъ [signature]

Полицейские документы.

В день девяностолетия.
Октябрь 1963 года.

Группа бывших работников ЦК МОПР
в гостях у Е. Д. Стасовой в день ее девяностолетия
(октябрь 1963 года). Слева стоит автор книги.

шего или просто до предела уставшего, истощенного товарища взять кратковременный отпуск, чтобы передохнуть, отоспаться, подышать свежим деревенским воздухом.

Елена Дмитриевна вспоминала:

— Когда В. И. Ленин узнал, что Ф. Э. Дзержинский доработался до кровохарканья и не хочет отдыхать, он позвонил мне и предложил принять решение ЦК о том, что Дзержинскому предписывается пойти на две недели в отпуск в Нарофоминск. Тогда в Нарофоминске был лучший под Москвой совхоз, и Дзержинский мог получить там хорошее питание. Владимир Ильич, продумывавший все до мелочей, учитывал и то, что в совхозе отсутствовал телефон, следовательно, Дзержинский не будет звонить в Москву и поэтому лучше сможет отдохнуть.

Владимир Ильич однажды прислал Стасовой записку, в которой сообщал, что «Чичерин болен, ухода за ним нет, лечиться не хочет, убивает себя». Владимир Ильич предложил: «Необходимо от ЦК написать ему *любезное* (чтобы не обидеть) письмо с *постановлением* Цека, что Цека требует казенного имущества не расхищать...» И он дал конкретные рекомендации, как следует наладить лечение наркома.

А бывало и так: Надежда Константиновна или Мария Ильинична звонили Стасовой по телефону либо заходили к ней в ЦК, жаловались:

— Сладу нет с Владимиром Ильичем. Доработался до бессонницы. Мы его уговариваем отдохнуть, а он и слушать не желает, только рукой отмахнется: «Некогда!» Елена Дмитриевна, голубушка, принимайте меры!..

И Стасова принимала меры.

Звонила по телефону членам ЦК и обговаривала с ними постановление: предоставить Ленину отпуск с такого-то числа, на столько-то дней. Когда постановление было утверждено, Стасова сообщала Владимиру Ильичу. Ленин сердился, но вынужден был подчиниться. Спрашивал очень недовольным голосом:

— Когда прикажете приступить к отпуску?

Рассказывая об этом, Елена Дмитриевна подчеркивала, что Владимир Ильич «к постановлениям Центрального Комитета относился более чем серьезно», он строго выполнял и постановление об отпуске.

1919 год для молодой Советской республики был очень тяжелым.

В конце марта в Москву, в Центральный Комитет партии, пришла телеграмма из Чернобыля, небольшого городка Киевской губернии. Товарищ, пославший телеграмму, извещал, что в уезде вспыхнул эсеровский мятеж. Далее в тексте звучали панические нотки: «Мы отрезаны от центра, циркулируют слухи о всероссийском перевороте...»

Из ЦК по адресу: «Чернобыль, комитету коммунистов» — тотчас же ушла ответная телеграмма. Предельно краткая, из трех слов: «Советская власть крепка!»

Всего-навсего три слова. Но именно те, которые были необходимы, чтобы вселить уверенность в сердца людей, чтобы воодушевить их на борьбу.

Телеграфный ответ написан секретарем ЦК РКП(б) Стасовой.

Июль, август, сентябрь. Белогвардейские соединения, оснащенные первоклассной военной техникой, отлично экипированные на средства англо-французских и иных империалистов, захватили Курск, Орел, угрожали Туле. Никогда еще белогвардейцы не подходили так близко к центру страны. «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции» — так оценивал положение В. И. Ленин.

Фронт приближался к Москве. Стасова все силы отдает подготовке обороны столицы. Она подолгу беседует с каждым молодым коммунистом, которых ей посылает секретарь Московского комитета партии Владимир Михайлович Загорский. Ведь речь идет о выполнении специального задания. Опасного, секретного. Из достойных людей Стасова выбирает достойнейших. Только их посылает она к товарищу Камо. Тому самому Камо, легендарному революционеру-боевику. Он вызвался организовать боевой коммунистический отряд для подрывной работы в тылу у белых. Ленин, поддержав желание Камо, рекомендовал его руководителям Реввоенсовета республики как человека совершенно исключительной преданности, отваги и энергии.

Стасова помогает Камо формировать коммунистический боевой отряд. Для борьбы с врагом в деникин-

ском тылу. Потом, по возвращении Камо в Москву, вместе с другими членами Оргбюро ЦК она будет слушать доклад о боевых действиях под Курском.

Осень 1919 года. Воскресенье.

Воспользовавшись «неприсутственным» днем, члены ЦК, находившиеся тогда в Москве (а их оставалось немного, большинство были на фронтах, в разъездах), выехали за город. Хотя бы несколько часов провести на воздухе! При почти круглосуточной работе это просто необходимо — разрядка, самая короткая передышка.

Стасова по-иному пользовалась воскресеньем, по-своему и довольно своеобразно. Ждала этого дня, чтобы в тишине, без суеты и спешки привести в порядок бумаги — за неделю накопился целый ворох, чтобы проверить протоколы, спланировать дела на ближайшее время.

Товарищи тщетно пытались увезти ее на дачу — она уверяла: для нее нет лучшего отдыха, чем «тихая работа». И кроме того, она в этот день сможет попозже встать и посидеть с книжкой. Словом, не агитируйте меня, товарищи, у каждого своя манера отдыхать, уж такой я уродилась...

Итак, воскресенье. Елена Дмитриевна «отдыхает за тихой работой». Телефонный звонок. Член Реввоенсовета республики Данишевский просит поскорее прибыть на Знаменку: дело не терпит отлагательства!

Через несколько минут Стасова уже в Реввоенсовете: от Воздвиженки, где находился Центральный Комитет, до Знаменки, где помещался Реввоенсовет,— рукой подать.

Что случилось?

Член Реввоенсовета подводит Елену Дмитриевну к крупномасштабной карте. Красной чертой обозначена линия фронта. Под Орлом она прорвана, и в образовавшуюся брешь нацелены синие стрелы: сюда устремились белогвардейские части генерала Деникина. Прорыв. Вот что случилось, Елена Дмитриевна! Только что связался по прямому проводу с командармом — необходимо срочно направить на этот участок добровольцев-коммунистов, хотя бы сотню-другую крепких московских пролетариев, которые сцементируют отступающие красноармейские полки, поведут людей в бой.

Стасова приняла экстренные меры. Тут же договорилась с Московским комитетом партии о мобилизации коммунистов из районов, с Московским Советом — о снабжении отъезжающих всем необходимым.

Все было исполнено точно и в срок. В немыслимо короткий срок! К шести часам вечера коммунистический отряд москвичей был построен на Курском вокзале — он был готов к отправке на фронт!

Рассказывая впоследствии об этом, Елена Дмитриевна делала вывод: эпизод «характеризует ту необыкновенную дисциплину, которая тогда проявлялась всеми членами партии, и вообще ту срочную работу, которая велась нами».

Тревожное время. Республика во вражеском кольце. Партия мобилизует все силы на организацию победы. Большевики уверены, что отобьют врага. Он не застанет нас врасплох. Но надо быть готовым ко всему, даже к самому худшему. Может быть, даже создать в Москве подпольную партийную сеть. На чрезвычайный случай.

Стасова вспоминает былую конспиративную технику. Она руководит подбором будущих подпольщиков, заботится о подготовке «чистых паспортов», явочных квартир, о материальных средствах. Специально печатаются бумажные царские ассигнации. Упаковав их в особые оцинкованные ящики, переправили в Питер. Николай Евгеньевич Буренин — старинный друг, подпольщик Герман — получил от Елены Дмитриевны секретное задание: надежно припрятать ящики. Их с огромными предосторожностями закопали в Лесном, на Выборгской стороне.

На имя того же Буренина — он когда-то числился купцом первой гильдии, потомственным почетным гражданином — оформили правдоподобный документ — «купчую», ввод во владение московской гостиницей «Метрополь». Это тоже могло пригодиться.

В те тревожные недели Елена Дмитриевна прочла курс лекций на партийном факультете Рабоче-крестьянского коммунистического университета имени Свердлова. (Так стала называться в 1919 году Центральная школа советской и партийной работы, которую организовал Яков Михайлович.) Она рассказывала молодым коммунистам о работе партии в подполье.

Вся страна отчаянно боролась с контрреволюцией и иностранной интервенцией.

Тогда популярным стал лозунг: «Вы сумели завоевать Отечество — умейте его отстоять!» И трудящиеся Страны Советов отстояли его. Впереди, как всегда, сражались коммунисты. Пули, сыпняк, испанка косили бойцов, но на смену павшим вставали новые солдаты партии. У них была единственная привилегия: первыми идти в бой за социалистическую Родину.

Вернемся, однако, на несколько месяцев назад, к тому времени, когда Елена Дмитриевна только что стала секретарем ЦК. Она писала товарищу в Петроград: «...о работе в центре могу сказать, что помаленьку аппарат Секретариата налаживается, и я думаю, что мне и здесь удастся установить тесную организационную связь с местами, которой до сих пор не было. Страшно только одно, что за неотложной повседневной работой слишком мало сил и времени сможешь уделять общему партийному строительству. Сейчас занята работой над переработкой партийного устава, а затем вообще над правильной постановкой организационного отдела. Что сказать об общем положении? Вам должно быть ясно, что оно сугубо серьезное и что напряжение всех сил колоссальное. Живем весьма интенсивно».

Документы тех дней красноречиво говорят об этой «интенсивности жизни». Вот несколько из них, в выработке которых участвовала Стасова.

...20 сентября опубликован проект Устава партии, разработанный «тройкой» во главе со Стасовой.

...13 октября за подписью секретаря ЦК Стасовой послано циркулярное письмо всем парторганизациям о важности для победы над врагом создания «своей мощной красной кавалерии». Предлагается, «не теряя ни минуты, выделить из своей среды всех добровольцев-кавалеристов, в особенности же кавалеристов-кавказцев». И спешно направлять их в Москву, в Политуправление Республики, в распоряжение товарища Гая.

...После II съезда комсомола (октябрь 1919 года) ЦК партии «для постоянного участия в работах избранного на съезде ЦК РКСМ... делегировал одного из своих членов, т. Стасову».

Как-то однажды в письме к Клавдии Тимофеевне Новгородцевой-Свердловой Елена Дмитриевна так выразила свое понимание обязанностей секретаря партийного комитета:

«Секретарю ведь надо быть нос-совалкой повсюду, думать за всех: толкать всех, гореть, а не спать...»

Быть нос-совалкой повсюду!

Откуда взялось в ее лексиконе это полудетское выражение? Всплыло в памяти из далекого школьного прошлого?! Бытовало когда-то в стасовской семье?!

Не стоит гадать. Откуда бы ни пришло это образное определение, оно довольно точно характеризует стиль работы самой Елены Дмитриевны.

Весну Стасова проболела: слегла с тяжелым воспалением легких. Она не смогла прийти 23 апреля 1920 года на заседание Московского комитета партии, посвященное пятидесятилетию В. И. Ленина. Прислала Владимиру Ильичу шутливый подарок — взятый из семейного стасовского альбома старый рисунок известного карикатуриста Валериана Каррика.

На рисунке был изображен юбилей «столпа» народников Николая Константиновича Михайловского: растроганного юбиляра, платком утирающего слезы радости и умиления, окружали его друзья — Мякотин, Южаков и другие видные народники того времени, а на первом плане двое детишек — мальчуган в матроске и девочка с косичкой, похожей на крысиный хвостик. Подпись под рисунком гласила: «Марксята пришли приветствовать народников».

Владимир Ильич пустил картинку по рядам, а сам, улыбаясь, с интересом смотрел, как ее воспринимает аудитория.

Елена Дмитриевна вместе с этим рисунком прислала записку, чрезвычайно дружеское письмо, как назвал его Ленин. Давно ли нас, большевиков, писала Стасова, изображали детишками, а теперь наша партия правит такой огромной страной. И успехи наши — дело рук, ума и таланта Владимира Ильича!..

Поправившись, Стасова вернулась в Питер, чтобы работать в губкоме партии.

Перед отъездом зашла по делам в Секретариат ЦК,

где вместо нее работали три человека, избранные IX съездом партии. И тут один из вновь избранных товарищей полушутя-полусерьезно стал допытываться, как это она умудрялась справляться со всей обильной корреспонденцией, да и вообще с таким объемом работы? Одна?! Их вот теперь трое, а зашиваются...

Елена Дмитриевна улыбнулась:

— Позвольте, дорогой товарищ, вместо ответа напомнить вам одну только строфу старинного английского поэта Томаса Гуда. Его «Песня о рубашке» запомнилась мне еще на заре туманной юности. Там у Гуда есть такие строчки:

Работай! работай! работай!
Едва петухи прокричат.
Работай! работай! работай!
Хоть звезды сквозь кровлю глядят.

Потом добавила: — Это, так сказать, общая постановка вопроса. Но весьма существенная, на мой взгляд!

Колокол нашей революции

Широко известна фотография: Ленин и Стасова на II конгрессе Коминтерна в 1920 году.

Объектив фотоаппарата запечатлел их встречу в кулуарах конгресса. Владимир Ильич с папками в руке снят вполоборота, на ходу. Остановился, слушает. Стасова что-то говорит ему, подкрепляя речь жестом правой руки. Она в английской строгой кофточке, в «мужской» шляпе с полями, в пенсне...

Снимок сделан в июле. Елена Дмитриевна с волнением слушала выступление В. И. Ленина. Критикуя немецких оппортунистов, Владимир Ильич говорил понемецки, перейдя к ошибкам итальянца Серрати, стал говорить по-французски. Стасова писала в своих воспоминаниях, что делегаты конгресса, до отказа заполнившие Андреевский зал Кремля, так и ахнули, услышав этот естественно-плавный переход с безукоризненного немецкого на столь же свободный французский...

Стасова приехала из Баку не только на конгресс Коминтерна. Главное, необходимо было посоветоваться с Лениным о предстоящем съезде народов Востока.

Пробыла Елена Дмитриевна в столице всего несколько дней. Ждали дела на Кавказе. Но как же она попала туда?

Незадолго до того времени ее назначили секретарем Кавказского бюро Центрального Комитета партии. Жила она в недавно освобожденном Баку, в квартире Серго Орджоникидзе, с которым и приехала в Азербайджан. Вместе с ним возглавила подготовку съезда народов Востока. Съезда, первого в России, первого в истории!

В интервью сотруднику телеграфного агентства БакКавРОСТА 18 июля Серго Орджоникидзе так сказал о съезде народов Востока:

«Необходимость такого съезда давно уже назрела. Восток только начал просыпаться от долгой, вековой спячки. На съезде в первый раз сойдутся представители трудящихся масс всего Ближнего Востока. Съезд созывается в Баку 15 августа по постановлению Исполнительного Комитета III Интернационала. Организация и созыв его возложены на меня, т. Стасову, приехавшую специально с этой целью из Москвы, т. Нариманова, т. Микояна и т. Габиева. Задачей съезда является объединение трудящихся масс Ближнего Востока и выработка общего плана действий против Антанты. На съезд приедут представители западноевропейских коммунистических партий, находящиеся сейчас на конгрессе III Интернационала. На съезде будут присутствовать представители Турции, Персии, Армении, Азербайджана, Грузии, Афганистана, Хивы, Бухары, Туркестана, Индии, Китая, горцев Северного Кавказа, киргизов, калмыков и башкир.

Результаты съезда будут иметь огромное значение для жизни всего Востока».

Срок открытия съезда пришлось несколько отодвинуть — не все делегаты собрались к назначенному дню. Из далеких мест пробирались они в Баку. Через горные хребты и пустыни, по морю и по суше тянулись в Красный Азербайджан. Тянулись к большевистской, ленинской правде. Некоторым так и не удалось добраться до рубежей Страны Советов.

Трудностей в подготовке съезда было много, начиная от подбора переводчиков и кончая питанием делегатов, их размещением и обслуживанием.

Пестрым, очень пестрым оказался состав съезда. Наряду с сознательными борцами революции приехали неграмотные крестьяне, а иногда и темные, одурманенные религией фанатики. В среду делегатов проникли ханы и беки, которые преследовали отнюдь не революционные, а чисто коммерческие цели (привезли на продажу ковры и прочие товары), просочились и враждебные элементы, шпионы.

Все это, естественно, осложняло работу оргбюро съезда. Да и в самом оргбюро не было полного взаимопонимания, нередко возникали разногласия и по организационным и по тактическим вопросам.

Почти две тысячи делегатов, представлявших тридцать семь национальностей, прибыли на съезд. И среди них всего несколько десятков женщин.

Их приезд в Баку уже сам по себе явился тогда событием большого революционного значения. Женщина Востока — рабыня, бесправная и безмолвная затворница, укрытая от постороннего взора плотной чадрой. Надо было обладать немалой притягательной силой, чтобы воздействовать на ее сознание, чтобы убедить покинуть родные места и отправиться в путь, чтобы ввести в зал заседаний! Какая непреклонная стойкость понадобилась делегаткам! Им пришлось пройти сквозь строй ненавидящих глаз, пренебречь запретами мужа, отца и братьев, проклятиями муллы!

Да и на самом съезде многие нетерпимо отнеслись к присутствию делегаток. Не только старики горцы, но и многие молодые, даже коммунисты, не скрывали сомнений: неудобно как-то заседать вместе с женщинами?! При образовании президиума съезда Стасовой пришлось изрядно поспорить, чтобы ввести в него троих делегаток.

В Баку прибыла из Москвы большая группа руководителей и делегатов конгресса Коминтерна — среди них Бела Кун (Венгрия), Джон Рид (США), Том Квелч (от английской компартии).

1 сентября, в поздний вечерний час, от имени Коммунистической партии Нариман Нариманов объявил от-

крытым I съезд народов Востока, «первый, невиданный, неслыханный в мире съезд». Он сказал, что, только объединив силы, «можно свалить гнет капитала, разорвать цепи рабства».

Гремит «Интернационал», на разных языках звучат проклятия по адресу угнетателей. Делегаты горских народов Кавказа с криками «Победа или смерть» обнажают кинжалы, дают клятву бороться до конца, объявив священную войну империализму. Возгласы, шум.

Но скоро стихия вошла в берега, и началась плановая работа съезда...

В Государственном архиве кинофотофонодокументов в Красногорске, под Москвой, сохранилась кинолента, снятая в Баку в те сентябрьские дни. Кадр за кадром прокручиваю я этот ролик — бесценное свидетельство, передающее атмосферу тех дней.

Делегаты съезда. Некоторые из них совершают религиозный обряд.

Бакинские женщины в парандже. Но вот женщина, сбрасывающая полосатую чадру. Три делегатки в президиуме съезда, лица их открыты. Читаю подпись: «Красные женщины на Востоке...»

Снова делегаты. Среди них — Бела Кун и Джон Рид.

Народная манифестация. Несут чучела Вильсона, Мильерана, Ллойд-Джорджа. Эти чучела сжигают...

Памятник Карлу Марксу. В титре поясняется: первый на Кавказе... Нефтяной фонтан, бьющий из каменистой бакинской земли, надпись на транспаранте: «Владыкой мира будет труд!»

Лента короткая, но тем не менее она передает живое дыхание эпохи — дыхание революции.

Снова и снова прокручиваю ленту... Вглядываюсь в кадры...

Стоп! Нашел то, что искал: в президиуме во время выступления французского делегата Росмера мелькнула фигура высокой женщины в белом платье. Стасова! Мелькнула всего на миг. Верная себе, Елена Дмитриевна старалась не выступать на первый план. Мера ее скромности сказалась и в этой давней киноленте.

10 октября 1920 года в «Правде» была напечатана корреспонденция Елены Стасовой «Женщина на съезде народов Востока». В ней рассказывалось о делегатках из Средней Азии, приехавших «под густыми волосяными чадрами, которые совершенно скрывали не только лицо, но и всю фигуру женщин и делали их похожими на какие-то доисторические монументы. Однако к концу съезда картина изменилась, так как все женщины уже ходили без своих власяниц».

Стасова писала о совещаниях, в которых участвовали делегатки. На одном из них она выступила с сообщением об истории развития женского движения на Западе, в России и на Востоке.

«Нет сомнения, что семя брошено... Первый шаг сделан, в каменной стене пробита брешь, и от нас зависит ее расширение...» — такими словами заканчивалась статья.

Ленин высоко оценил роль и значение I съезда народов Востока. Он сказал 15 октября в речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии:

«Что сделали съезд коммунистов в Москве и съезд коммунистических представителей народов Востока в Баку,— этого нельзя сразу измерить, это не поддается прямому учету, но это есть такое завоевание, которое значит больше, чем другие военные победы, потому что оно показывает нам, что опыт большевиков, их деятельность, их программа, их призыв к революционной борьбе против капиталистов и империалистов завоевали себе во всем мире признание, и то, что сделано в Москве в июле и в Баку в сентябре, еще долгие месяцы будут усваивать и переваривать рабочие и крестьяне во всех странах мира».

В праздничный день 8 Марта 1956 года Елена Дмитриевна получила письмо из Еревана. Распечатала конверт, поднесла поближе к глазам. Стала читать:

«Я долго очень думал, что бы Вам такое преподнести в день Международного женского праздника — 8 Марта,— что могло бы Вас обрадовать, и решил прислать Вам фотокопию с этого документа, имеющего 36-летнюю

давность. Примите, пожалуйста, мой этот скромный подарок в память о Вашей революционной деятельности в Закавказье, с пожеланием Вам долгих лет жизни и доброго здоровья». Подписано: «С глубочайшим уважением к Вам Ваш В. Газанджян, сын революционера».

К письму была приложена фотокопия делегатского билета № 527, выданного представителю на съезд народов Востока от Грузии (где тогда еще властвовали меньшевики.— *Авт.*) Вашу Газанджяну. Подпись на документе: «Член Оргбюро Елена Стасова».

Очень взволновало Елену Дмитриевну это письмо. Делегатский билет, фотокопию которого старая женщина держала в руках, напомнил ей о другой реликвии тех дней...

На столе президиума съезда народов Востока, у председательского места, стоял колокол. Не обычный колокольчик, а довольно большой, массивный, на деревянной подставке. Он как бы символизировал набатный колокол, звуки которого должны разбудить Восток.

Кому-то из товарищей пришла мысль, чтобы все члены президиума съезда оставили на подставке свои подписи. Автограф на долгую память! Среди других, разумеется, расписалась и она, Стасова.

И вот сейчас, держа в руках письмо, подписанное «сын революционера», она думала о преемственности поколений, о том, что дети продолжают сегодня дела отцов.

Да, он звучит все слышнее. Колокол нашей Революции.

Здравствуй, Герта!

Старый человек, с трудом протиснувшись сквозь толпу, кинулся ее обнимать.

— Здравствуй, Герта! Рот фронт!

И он вскинул правую руку со сжатым кулаком. Это было традиционное приветствие красных фронтовиков в догитлеровской Германии.

— Рот фронт! — тотчас же ответила та, которую назвали Гертой. Сквозь очки с толстыми линзами в упор посмотрела.

— Не узнаешь? Ну, это неудивительно. Ведь столько лет прошло.

Она с грустью произнесла:

— Не узнаю. Не потому, что забыла старых товарищей. Нет, все помню и всех, да вот только видеть стала плохо...

Подошли другие люди. Жали ей руку, приветственно вскидывали вверх сжатые кулаки.

Здравствуй, здравствуй, Герта!

Это происходило в Берлине, на Восточном вокзале, в январе 1956 года. Радостная встреча советской партийно-правительственной делегации, приехавшей на торжественное чествование президента Германской Демократической Республики Вильгельма Пика, которому исполнилось восемьдесят лет.

Елена Дмитриевна Стасова — член советской делегации. Она на два с лишним года старше Вильгельма Пика. Плохо видит, слаба — врачи не сразу разрешили поездку. Но ее упорство взяло верх:

— Поеду! Можете не бояться, выдержу. Я должна подышать воздухом новой Германии! И притом прошу иметь в виду, что Вильгельм Пик — мой верный, испытанный, боевой друг. Словом, не спорьте, поеду!

Дни были напряженные: официальные приемы, торжественные заседания, обеды, митинги. За пять суток пребывания в Берлине Стасова выступала шесть раз. Приглашений, которыми ей так и не удалось воспользоваться, было много больше.

И все же президенту ГДР и дорогой его гостье удалось выкроить часок-другой, чтобы, посидев в тиши, предаться воспоминаниям.

Беседа, неторопливая поначалу, катится все быстрей. Воспоминания наплывают одно на другое. И вот уже оба говорят наперебой:

— А ты помнишь, Герта?..

— Конечно, а ты?..

Но почему же Стасова стала Гертой? Когда и как взяла это имя?

Некоторое время она работала в аппарате Коминтерна. Старейший английский коммунист, Председатель Коммунистической партии Великобритании Уильям Галлахер вспоминал:

«Глубокое впечатление производила Елена Стасова, занимавшаяся в Коминтерне организационными дела-

ми. Ее авторитет стоял так высоко, что обычно достаточно было ей высказаться по тому или иному организационному вопросу, чтобы вопрос этот был решен. Мы всегда говорили о ней с теплотой и уважением».

По приглашению немецких коммунистов в 1921 году Стасова уехала на работу в Германию. Немецкие коммунисты знали ее как товарища Герту — таков был партийный псевдоним. «Моя деятельность проходила в тесном контакте с Вильгельмом Пиком, который тогда ведал в ЦК КПГ организационными вопросами и вел огромную работу по сплочению партии, по марксистско-ленинскому воспитанию ее членов...» — писала она в своих «Воспоминаниях».

Эта немолодая строгая женщина не отказывалась ни от каких поручений: и от самых серьезных, и от самых малых, технических дел.

В той же партийной ячейке, что и она, в берлинском округе Моабит состоял на учете Иоганнес Бехер — тридцатилетний высокий баварец, сын прокурора, ставший впоследствии знаменитым революционным поэтом. Они подружились, несмотря на разницу в возрасте, и дружбу сохранили на долгие, долгие годы.

«Мы с ним вместе частенько разносили листовки по квартирам рабочих округа,— вспоминала впоследствии Стасова.— Он так привык к моему партийному псевдониму Герта, что даже потом в течение долгих лет, живя как политэмигрант в СССР, никогда не называл меня Еленой — я по-прежнему оставалась для него Гертой».

По партийным делам Герте приходилось часто выезжать в разные провинции Германии. Работе помогало то, что немецкий язык она и раньше знала превосходно, а теперь, живя в стране, удивительно быстро усваивала различные диалекты: в столице изъяснялась как коренная берлинка, в Саксонии или Тюрингии, в Баварии или Мекленбурге быстро перенимала языковые особенности, присущие данной местности. Это ей было легко. Она была исключительно способна к языкам.

Летом 1921 года из России приходили тяжелые вести: голод! Небывалый, тяжелейший голод. Неурожай охватил тридцать губерний Советской России. Особенно худо в Поволжье...

И Стасова убедилась в солидарности немецких пролетариев со Страной Советов. В Германии были организованы сборы денег в помощь голодающим Поволжья. Немецкие и голландские коммунисты решили открыть на собранные средства в Самаре «приют» для истощенных детей. Имени Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Потом через год советские люди в свою очередь оказали интернациональную помощь немецким трудящимся.

Рур — индустриальный центр страны — оккупирован франко-бельгийскими войсками. Рабочие ответили на это забастовками. Все свирепее становились расправы властей над стачечниками. Все беспощаднее полицейский произвол.

В октябре 1923 года вспыхнуло революционное восстание в портовом Гамбурге. Оно окончилось неудачей. Много борцов за свободу Германии пало на баррикадах. Дети их остались сиротами.

В Советском Союзе возникла Лига помощи детям Германии. На заводах, в учреждениях, школах создавались ячейки Лиги. Устраивали субботники, вечера и спектакли, лотереи. Кружечные сборы на улицах городов и сел.

Здесь уместно, думается, сослаться на собственный опыт автора этой книги. Помню, с каким гордым задором мы, школьники, «курсировали» по московским улицам. Через плечо — лента Лиги, а на животе — опломбированная кружка. Мой участок был на Садовой, простирался от Каретного ряда, где находилась наша школа, до Самотеки. Металлическая кружка постепенно тяжелела, медяки были тогда большими и очень весомыми, но груз этот только радовал: сбор проходил хорошо. Потом в школе мы каллиграфически заполняли полотнища-таблицы, проставляя результаты сборов. Затем в числе других активистов я присутствовал на общемосковском собрании Лиги. За давностью лет подробности из памяти выветрились, но один эпизод запечатлелся ярко. Немолодая работница в красной косынке, поднявшись на сцену, говорила: «Я знаю, что такое голод, сочувствую нашим сестрам в Германии и жертвую, чем могу». Она передала президиуму колечко и сережки.

В зале дружно хлопали и... плакали. Так впервые я воочию увидел рабочую солидарность в действии!

Лига помощи детям Германии просуществовала недолго, но средства собрала немалые. В Эссене на эти деньги открыли столовую для пятисот ребят из горняцких семей; и в другие города Германии по индивидуальным адресам, в семьи безработных, шли из Москвы продовольственные посылки: рис или манная крупа, сахар, сыр, мыло...

«Красная помощь» — так называлась учрежденная Компартией Германии организация пролетарской солидарности. Ее цель — поддержка революционных борцов, материальная помощь их семьям, оставшимся без кормильца.

Стасова вспоминала, как четвертью века раньше, в конце девяностых годов прошлого столетия, она, петербургская учительница, начинала свой революционный путь, работая в политическом Красном Кресте. Тогда это было нелегальное, замкнутое сообщество. «Красная помощь», которая возникла в Германии, вначале ставила тоже ограниченные цели: только помощь. Но постепенно становилась все более массовой добровольной организацией. На ее знамени было четко обозначено: пролетарская солидарность!

По рекомендации ЦК КПГ Елена Стасова — товарищ Герта — становится председателем «Красной помощи».

Поднималось революционное движение в Западной Европе, в Америке, ширилась борьба угнетенных в колониях. Кровавыми расправами, судебными процессами и тюрьмами, преследованиями и запретами империалистические круги стремились задержать его рост.

Осенью 1922 года в Москве на заседании Общества старых большевиков выступил Юлиан Мархлевский, видный деятель международного революционного движения, хорошо известный и в Польше, и в Германии, и в Советской стране. Он предложил объединить усилия для помощи узникам капитала, жертвам белого террора, скоординировать работу организаций помощи, существовавших во многих странах. Предложение его встретило горячую поддержку.

30 ноября 1922 года был создан МОПР — Международная организация помощи борцам революции. Руководителем ее стал Мархлевский, среди первых ее создателей был Лепешинский, давний товарищ Стасовой, действовавший вместе с нею в далекие петербургские времена.

В январе 1924 года, развернув социал-демократическую газету «Форвертс», Стасова увидела сообщение о смерти Владимира Ильича Ленина. «Прочитала его и раз и два и никак не могла поверить напечатанному. Не хотелось мириться с тем, что Ильича нет. В душе точно оборвалось что-то, мыслей в голове не было никаких, кроме одной: «Ильича нет больше» — так передавала она свое состояние в тот горький день. И заканчивала по-стасовски: «А жизнь не ждала, надо было идти на работу...»

Летом 1924 года в Москве собралась I международная конференция МОПР. В ней участвовали представители 29 стран. «Красную помощь» Германии представляла ее председательница Елена Стасова. На конференции был избран Исполком МОПР и решено вместо прежних комитетов с узким кругом актива перейти к созданию массовых непартийных организаций, задача которых не только помощь жертвам капитала, но и широкое интернациональное воспитание трудящихся.

...В Эльгерсбурге, в гористой и живописной части Тюрингии, на собранные «Красной помощью» деньги купили виллу. Решено было оборудовать в ней образцовое детское учреждение.

Из многих стран приходила помощь для этого дома. Присылали деньги, одежду, посуду. Даже кинопередвижку.

Дом в Эльгерсбурге торжественно открыли 12 апреля 1925 года. Первыми его обитателями стали тридцать ребят, дети немецких революционеров, «дети горя и нужды», как назвала их одна из газет.

По-весеннему зеленели склоны ближних и дальних гор. Воздух чистый, прозрачный. И ребятам, и взрослым, приехавшим на их праздник, дышалось легко. Среди гостей были Вильгельм Пик и Герта.

Детский хор на площадке у дома исполнил песню «Братья, к солнцу, к свободе!». Звенели ребячьи голоса. Мелодия была хорошо знакома Стасовой: только слова другие, а мотив — героической песни русских революционеров «Смело, товарищи, в ногу!». Ее любимой песни!

Обо всем этом вспоминала Стасова в январе 1956 года в свободной, демократической Германии. Новой Германии. Социалистической. Встретившей ее приветствием:

— Здравствуй, Герта.

Ее возили по городу. Время от времени она просила остановить автомобиль, пытаясь разглядеть места, когда-то знакомые, узнавала и не узнавала улицы со старыми названиями и новыми зданиями.

В молчании она долго стояла у величественного монумента, воздвигнутого в Трептов-парке. Солдат держит девочку. С волнением читала надпись: «Советские воины спасли нас от фашизма, и мы никогда не забудем этого. Слава СССР». Думала: советский народ, народ-герой, народ-богатырь, высоко поднял над планетой и победно пронес овеянное славой знамя — знамя социализма. Гордилась тем, что принадлежала к этому народу.

И Стасовой казалось, что она вновь слышит могучие аккорды музыки, победные звуки Богатырской симфонии.

Рука с красным платком

Вспоминается эпизод, относящийся к «юношеской» поре МОПР в Советском Союзе.

После поражения революционного восстания в Гамбурге газеты писали о многочисленных жертвах контрреволюции. Промелькнуло сообщение и об аресте Эрнста Тельмана, героического вождя гамбургских борцов. Вести из Германии волновали, тревожили: как и чем помочь жертвам расправ?

В Котельниче, уездном городе Вятской губернии, мопровцы, выслушав информацию о событиях в Гамбур-

ге, порешили: скатать валенки в подарок пленнику капитала товарищу Тельману. Выделить для этого наилучший материал, работу поручить самому опытному мастеру. И сделать побыстрей — надвигается зима, надо уберечь славного революционного борца от морозов...

Исполнили все в лучшем виде и спешно, хоть и невдомек было поинтересоваться географией и климатом приморского Гамбурга. Валенки получились на славу, их отослали в Москву для последующей передачи адресату. Пересылать, однако, не пришлось — на сей раз, к счастью, сведения об аресте Тельмана не подтвердились.

В январе 1924 года сам Тельман приехал в Москву, и ему вручили подарок — «мопровские» валенки. Тронутый вниманием далеких друзей, он тотчас же ответил:

«Дорогие товарищи! В МОПР (в Москве) мне сообщили, что, узнав о моем аресте из газет (сообщение это не соответствует действительности), вы, котельнические рабочие и крестьяне, тотчас же обнаружили свое ко мне внимание, послав мне пару валенок. Несмотря на жестокие преследования, которым подвергаются гамбургские рабочие, мне все же удалось до сих пор избежать рук полиции...

Через несколько дней я вернусь в Гамбург и передам своим товарищам, как внимательно следите вы, котельнические рабочие и крестьяне, за революционной борьбой Германии и как неразрывно связаны вы с нами узами революции.

...Валенки, переданные мне МОПР, я уже отдал одному бежавшему из Гамбурга товарищу, который сейчас находится в Москве, чем доставил ему величайшую радость. Вам же выражаю свою искреннюю благодарность. По возвращении в Гамбург я передам ваш привет революционным пролетаркам, из которых многие лишились мужей и кормильцев.

С братским коммунистическим приветом Э. Тельман».

Тэдди — так звали Тельмана ближайшие соратники и друзья, так ласково называла его потом вся трудовая, революционная Германия — часто рассказывал эту маленькую, трогательную историю. Рассказал однажды и Стасовой.

Добродушно посмеявшись над детской наивностью своих далеких земляков из Котельнича и порадовав-

шись их душевной щедрости, она поинтересовалась подробностями. Все выспрашивала у Тэдди:

— А как они выглядят, эти валенки? Высокие, светлые, с красным узором? Наверно, «казанские» — так зовут их в России. А письма не было?..

Потом сказала серьезно:

— Вот увидите, товарищи, «Красная помощь» в Советской России вырастет в незаурядную силу. Очень уж близки ее благородные цели интернационалистскому сознанию советского человека, да и задевают самые сокровенные струнки его сердца!

МОПР в СССР действительно стал разветвленной и сильной добровольной общественной организацией. Елена Дмитриевна была права, когда говорила о близости идей «Красной помощи» сердцу советского человека. Но чтобы довести эти идеи до сознания масс и претворить в дела, требовались серьезные организационные усилия. Вот тут-то и пригодился опыт Стасовой.

Приехав из Германии в декабре 1925 года, она присутствовала на XIV съезде партии и на пленуме Исполкома Коминтерна. Работая в ЦК партии, Стасова занималась вопросами международного коммунистического движения, активно включилась в деятельность Международной организации помощи борцам революции. На новой работе очень пригодилось знание иностранных языков и знание обстановки, сложившейся в зарубежных компартиях; большую пользу принесли годы, проведенные в Германии.

1927 год. Стасова избрана заместителем председателя Исполкома МОПР, а вскоре и председателем Центрального Комитета МОПР СССР.

Возглавляла Исполком МОПР Клара Цеткин, замечательная революционерка, бесстрашный боец и пламенный агитатор.

С Кларой Цеткин Стасова познакомилась в самом начале двадцатых годов, еще до своего отъезда в Германию. Их потом крепко сдружила совместная работа, общая борьба.

Как-то в письме Клара призналась, что при первой же встрече ее «мощно потянуло» к Елене, что с той поры «сердце ее принадлежит Стасовой и верной дружбе». Ну, а Елена Дмитриевна ни о ком, пожалуй, не отзы-

валась так ласково и так уважительно, как о Кларе Цеткин.

«МОПР гордится своим любимым седовласым вождем»,— писала Стасова 5 июля 1932 года в «Правде». Статья называлась «Наша Клара» и посвящалась семидесятипятилетию Клары Цеткин.

Через месяц человечество узнало о ее исключительном мужестве. Старая, больная, полуслепая женщина отправилась в Берлин на открытие сессии германского рейхстага, чтобы, воспользовавшись правом старейшего депутата, взойти на трибуну. Чтобы бесстрашно бросить в зал, заполненный фашистским большинством, слова правды, разоблачающие чудовищную демагогию национал-социалистов, расизм и человеконенавистничество.

То был подвиг, но не последний бой, который Клара Цеткин дала фашизму. Она до последних дней жизни боролась за дело рабочего класса. Перед самой смертью Клара Цеткин продиктовала воззвание, посвященное Международной неделе помощи жертвам фашистского террора в Германии — массовой кампании, которую готовил МОПР. Клара звала: «Никто из нас не должен успокоиться до тех пор, пока не будет до конца разгромлен и сокрушен фашизм, несущий с собой кровавый гнет, террор, голод и войну».

Это завещание свято выполняла ее друг, ученица и помощница Стасова.

Елену Дмитриевну я назвал ученицей Клары Цеткин. По годам, по опыту политической борьбы так оно и было. Елена Дмитриевна глубоко уважала Клару, действительно гордилась ею и многому училась у нее. Думаю, широте взглядов и женской мягкости. Клара же бесспорно признавала первенство Стасовой в организационных вопросах, ее деловую хватку.

Да, учительницей и ученицей их можно назвать лишь весьма условно. Но безусловно, и Клара, которая была старше Владимира Ильича на тринадцать лет, и Елена Дмитриевна, которая была на три года его моложе,— верные ученицы Ленина. И это, конечно, тоже их объединяло.

В своих «Воспоминаниях» Стасова немало страниц уделила Кларе Цеткин.

«Хотелось бы сказать, что на жизни К. Цеткин молодежь всего мира будет учиться тому, как надо отдавать всего себя без остатка на службу пролетарской революции»,— писала Елена Дмитриевна.

Руководя МОПР, обе они работали дружно и творчески, конкретными делами все выше поднимая политическое значение и авторитет организации.

В Книге отзывов детской коммуны имени Дзержинского, той самой, которую организовали в Харькове чекисты и которой руководил Макаренко, можно прочитать такую запись:

«Эх, если бы наш Феликс мог посмотреть, как осуществляются его заветы переделки людей.

Елена Стасова. 1934. 15/III».

Да, в этом отношении Елене Дмитриевне посчастливилось больше, чем Феликсу Эдмундовичу. Она побывала в Интернациональном детском доме, носившем ее имя, и смогла увидеть, как осуществляются великие идеи интернациональной классовой солидарности.

В рабочем Иванове, в городе первого Совета рабочих депутатов, в городе славных революционных традиций, возник этот первый в нашей стране Интернациональный детский дом. Сама история организации его весьма знаменательна.

Инициатива в этом деле принадлежала ивановцам. Ее подхватили другие организации МОПР, поддержала печать. По всей стране прокатилась волна субботников, платных вечеров и целевых сборов, добровольных отчислений в фонд строительства. Колхозы засевали сверхплановые гектары, полученный урожай сдавали государству, а деньги перечисляли на стройку Интердома; на предприятиях из сэкономленных материалов в неурочное время готовили оборудование, школьные принадлежности и приборы.

Комплекс зданий старались построить как можно лучше, жилые комнаты и учебные помещения меблировать и оборудовать с наибольшим комфортом и тщательностью.

Не так просто было укомплектовать штат педагогов, подобрать весь персонал. А еще труднее — создать условия для счастливой жизни и плодотворной учебы будущих питомцев детского дома. Ведь он предназначался

для ребят, чьи родители пали в революционных боях, или томятся в фашистских тюрьмах, или ведут опасную борьбу в подполье. Надо не только накормить и обучить детей, но и приголубить, дать им ласку и теплоту домашнего очага. Создать атмосферу спокойствия, взаимоуважения, дружбы.

Дети борцов! Долгий путь проделали они, прежде чем попали в этот школьный интернат, что раскинулся у самой опушки соснового бора на краю Иванова.

Летом 1933 года первые группы ребят поселились в Интердоме, а 1 сентября торжественно праздновалось его официальное открытие. Из ближних и дальних республик и областей Советского Союза съехались гости. Быть может, точнее следовало бы их назвать хозяевами — приехали делегаты тех, кто столько сил положил, столько труда и нервов отдал, чтобы дом существовал и действовал! Ребята водили приезжих по комнатам и мастерским, показывали школьные кабинеты, спортивные сооружения и «живые уголки». Особую гордость детей, да и взрослых вызывала звуковая киноустановка (по тому времени редкость). Лица ребят озарились улыбками, а в глазах, проливших так много слез, зажглись веселые огоньки.

Корреспонденция об этом празднике, напечатанная в журнале «Интернациональный маяк», была озаглавлена: «Детский Интернационал». Так называлась стенгазета с заметками на нескольких языках, которую ребята выпустили ко дню открытия. Но так с полным правом можно было назвать весь этот дом, где дружной семьей жили сто сорок детей двадцати пяти национальностей.

Мне посчастливилось присутствовать на празднике открытия Интердома. Это поистине было торжество пролетарской солидарности!

Комсомольцы, пионеры и октябрята рапортовали старым большевикам и активистам МОПР, приехавшим на праздник, а те их напутствовали коротким призывом:

— Будьте готовы стать борцами!

— Всегда готовы! — прозвучал многоязыкий ответ. И пролетарский гимн «Интернационал» дети разных народов слаженно и с чувством пели на своих языках!

Стасова по каким-то причинам не смогла тогда приехать в Иваново. Выбралась примерно через год. Население детского дома к тому времени выросло: там было сто шестьдесят ребят двадцати семи национальностей. Но главное, жизнь вошла уже в колею, наладился учебный процесс, остались позади организационные трудности первых месяцев.

Елена Дмитриевна присутствовала на уроке гимнастики в группе дошкольников, слушала, как маленький негритенок Нили играет на скрипке, рассматривала рисунки юных художников. Побывала и на других уроках, и в мастерских.

У токарного станка стриженый мальчишка в пионерском галстуке под руководством инструктора усердно прилаживал какую-то деталь.

— Франц, Лютгенса сын,— шепнул ей директор дома, глазами показывая на паренька, склонившегося над станком.

...Немецкий рабочий-коммунист Август Лютгенс прожил героическую жизнь и принял геройскую смерть. На плахе, когда фашистский палач уже занес свой топор, Лютгенс воскликнул:

«Знайте все: я умираю за пролетарскую революцию! Да здравствует свободная Германия! Рот фронт!»

А потом всю мировую прогрессивную прессу обошло предсмертное письмо, которое отважный немецкий коммунист написал своим детям. Письмо это — трагический документ величайшей силы.

«Любимые дети! — писал Август Лютгенс.— Когда вы получите это письмо, вашего папы больше не будет, его казнят. Итак, мы больше не увидимся, но когда вы вырастете и начнете изучать мировую историю, то поймете, кем был ваш отец, за что он боролся и умер; вы также поймете, что ваш отец не мог действовать иначе. Будьте счастливы и продолжайте дело, которое я начал».

Стасова думала: как хорошо, что сын героя Лютгенса обрел здесь свою семью. И дочери другого павшего немецкого революционера, трое сироток Стенцер,— тоже. И юный болгарин Петро Каменев, чьи мать и отец погибли в боях за революцию. И многие, многие другие.

Шли годы. Революционная ситуация, спады и подъемы революционного движения, разгул белого террора в отдельных странах — все отражалось на составе воспитанников.

После поражения февральского восстания 1934 года в Австрии МОПР СССР приютил в нашей стране детей участников рабочих отрядов (так называемых шуцбундовцев). Интернациональный детский дом в Иванове стал родным для ребят из Австрии. Во время кровавых боев за республиканскую Испанию в школьных комнатах и спальнях ивановского дома зазвучали голоса маленьких испанцев.

А потом был построен и второй Интернациональный детский дом, под Москвой. Советские люди радушно принимали борцов революции всех континентов, давали им кров и работу, отдых и образование, ибо это — закон нашей жизни!

И воспитывали, учили, лелеяли ребят, нуждавшихся в опоре, в заботе, в ласке.

Ивановский Интердом живет и по сей день и попрежнему носит имя Е. Д. Стасовой. Он существует пятое десятилетие! У первых его воспитанников появились внуки. И сегодня здесь в ивановской школе-интернате дети получают кров, отеческую заботу и образование.

II Всесоюзный съезд МОПР, созванный вскоре после того, как Елена Дмитриевна стала председателем ЦК МОПР, принял решение:

«Ставя своей задачей помощь зарубежным борцам революции, МОПР, как массовая организация, должен принимать активное участие в социалистическом строительстве СССР и, в частности, в поднятии политического и культурного уровня масс. Эти основные задачи должны определить дальнейшую работу организаций МОПР».

Собственно говоря, вся работа МОПР Советского Союза — свидетельство пролетарского интернационализма в действии.

Формы и методы мопровской работы были весьма разнообразны. Это и создание на предприятиях ударных бригад и цехов, которые отчитывались в своих

свершениях перед политзаключенными капиталистических тюрем; и присвоение передовым коллективам славных имен героев и мучеников революции; и «интернациональные гектары» — так назывались дополнительные участки пашни, засеваемые колхозами сверх плана. Укрепление мощи первого в мире государства рабочих и крестьян, труд во славу пятилетки сочетался в нашей стране с интернационально-воспитательной работой.

Огромный размах приобрели массовые кампании, которые МОПР проводил по всему миру.

Как не вспомнить, к примеру, борьбу за спасение Сакко и Ванцетти, итальянских рабочих в США. По ложному обвинению им грозила казнь на электрическом стуле. Кампания в их защиту приняла массовый размах, тянулась не месяцы — годы. В борьбу за жизнь жертв капиталистического произвола были втянуты миллионы людей на всех континентах. Трагическая судьба Сакко и Ванцетти больно затронула миллионы сердец.

Другая массовая кампания — в защиту девяти негритянских юношей из Скоттсборо. Американская полиция арестовала юных бедняков, негров, предъявив им фальшивое обвинение. Молодым людям грозил электрический стул.

МОПР мобилизовал общественное мнение всего мира. Во многих странах возникли комитеты борьбы за жизнь узников Скоттсборо (в СССР такой комитет возглавил А. М. Горький). Крупнейшие прогрессивные адвокаты мира взяли на себя защиту подсудимых. Ада Райт, мать двоих из юных негров, на средства МОПР совершила поездку по Европе, разоблачая расистов, готовивших расправу. Организаторам процесса над юношами Скоттсборо пришлось посчитаться с протестом миллионов. Молодых негров удалось спасти.

Вот еще одно выигранное дело. Еще одна победа пролетарской солидарности. Большая победа.

Немецкие фашисты, стремясь захватить власть, спровоцировали поджог рейхстага, а после этого инсценировали судилище в Лейпциге, намереваясь учинить

кровавую расправу над коммунистами. На скамье подсудимых оказался замечательный болгарский революционер Георгий Димитров.

Весь аппарат фашистского государства фабриковал и поддерживал лживые обвинения, «сам» рейхсминистр Геринг давал суду свои клеветнические показания. Но этот грандиозный спектакль в Лейпциге, задуманный гитлеровцами, провалился с позором.

Международная кампания в защиту Димитрова и его товарищей приобрела невиданный дотоле размах. Все честное, мыслящее, все передовое человечество поднялось на защиту невинных жертв фашистского произвола.

Можно ли забыть фотомонтаж Джона Хартфильда: пигмей Геринг противостоит великану Димитрову! Выразительный фотомонтаж в миллионах плакатов и открыток был распространен МОПР по всему миру.

На многих языках вышла в свет «Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре» — сборник документов и неопровержимых свидетельств, обвинявших преступления фашизма. В кратком предисловии Стасова подчеркнула, что авторы и составители смогли дать потрясающую картину зверств фашизма. Факты, которые приводит книга, писала она, потрясают, вызывают гнев и ненависть к палачам, крах германского фашизма неизбежен!

Это было написано в сентябре 1933 года, когда гитлеровское государство только «набирало силу».

Елене Дмитриевне выпало счастье увидеть крах фашизма!

18 марта 1935 года в Колонном зале Дома Союзов торжественно отмечалась годовщина Парижской коммуны, традиционный день МОПР.

Помню, как за столом президиума появились Елена Дмитриевна Стасова в неизменно темном платье с белоснежным кружевным воротничком и председатель Московского комитета МОПР старый большевик Евгений Порфирьевич Первухин. Рядом с ними — коренастый, широколицый, с густыми бровями и пышной шевелюрой Георгий Димитров.

Помню овацию, которая долго-долго прокатывалась по залу, могучее пение «Интернационала», речь, произнесенную Димитровым.

Председательствующий Первухин предупредил, что товарищ Георгий не совсем здоров и поэтому ограничится лишь кратким словом.

— Товарищи,— сказал Димитров,— я, как один из фашистских узников, который спасен интернациональной пролетарской солидарностью, с этой трибуны таким же голосом, как в Лейпциге, когда я говорил, чтобы услышали миллионы людей, хочу сказать миллионам пролетариев, пролетарских женщин, молодежи, рабочим, крестьянам, трудящейся интеллигенции, учащимся всего мира: идите в ряды Международной организации помощи борцам революции, поддерживайте всячески дело МОПР, потому что это — дело всего трудового человечества!

Буря аплодисментов остановила оратора; переждав, он закончил:

— Поддерживайте дело МОПР, ибо в этом деле заложен дух Парижской коммуны, победившей через Октябрьскую революцию на одной шестой части земного шара.

Говорил Димитров негромко, мешал русские слова с болгарскими, но на это никто не обращал внимания.

Главное — вот он, легендарный Димитров, здесь, с нами и среди нас! Коллективная воля миллионов спасла его от фашистской плахи, вырвала из рук палачей. И то, что этот могучий, несгибаемый борец сказал о силе МОПР, о силе пролетарской солидарности, звучало особенно убедительно. Димитров показал всему миру — друзьям и врагам,— что пламенный дух настоящего революционера нельзя заковать ни в какие цепи!

Все, чего добился МОПР,— результаты будничной, черновой работы, которую каждодневно вели члены этой организации под руководством Е. Д. Стасовой.

Личного секретаря у председателя ЦК МОПР не было. Переписку, огромную, на многих языках, Елена Дмитриевна, как правило, вела сама.

Личного секретаря в какой-то мере заменял личный курьер.

Миниатюрная девушка с очень строгим лицом, бледная, гладко причесанная, в синем сатиновом халатике,

она быстро обегала коридоры и этажи служебного здания на улице Огарева. Звали ее Марусей, но с чьей-то легкой руки стали величать по имени-отчеству: Марья Петровна. Имя это закрепилось, вошло в быт, и иначе уже девушку не называли. Марью Петровну запомнили многие революционеры, вызволенные МОПР из фашистского плена и нашедшие приют в Советском Союзе...

Стучат каблучки, распахивается дверь редакционной комнаты — Марья Петровна явилась с очередной запиской Старухи (так все без исключения звали Елену Дмитриевну. Фамильярности не было в этом, скорее, чувствовался оттенок уважения. Называли, конечно, за глаза. Хотя, надо сказать, Стасова знала это свое прозвище, и оно вовсе ее не шокировало).

Марья Петровна всегда полна сознания важности выполняемой миссии, заставить ее улыбнуться не так-то легко. Она вручает записку председателя ЦК МОПР — листочек, где знакомым почерком написано несколько слов: поручение, или напоминание, или вопрос. И подпись: «Е. С.».

Бумажка эта — чаще всего «задняя стенка» или «язык» старого конверта. На заседаниях Елена Дмитриевна, слушая ораторов, подавая реплики, руководя, не расставалась с ножницами и, пододвинув пачку полученных «входящих», заготавливала себе впрок бумажное «сырье». Может быть, сказалась привычка к бережливости, идущая от бумажного голода первых трудных лет Советской власти. А может, и просто чудачество.

Но если получил записку от «Е. С.», не вздумай манкировать поручением. Проверка исполнения у Стасовой налажена отлично. Все на учете. Серьезные вопросы, важные задания вписаны ею в известную каждому работнику книжицу в красном переплете. И для контроля за всеми другими поручениями разработана четкая система. А сверх всего этого у Елены Дмитриевны великолепно натренированная память.

Нет, лучше не вынуждать Марью Петровну появляться вторично. Тогда уже безо всякой записки она бесстрастно приглашает:

— Пройдите к Елене Дмитриевне!

На неулыбчивом лице девушки не заметить отголосков бури, что бушует внизу, на первом этаже, в кабинете Стасовой. Но ты сам уже готов к грозе. И горе те-

бе, если позабыл, не выполнил поручения. Лучше не выкручивайся, не пытайся возражать. Помалкивай и признавай вину.

Крепко доставалось каждому, кто оказался нерадивым, без скидок на возраст, служебный пост, партийный стаж. Распекала вовсю. Но вот высокий резкий голос Елены Дмитриевны постепенно стихает,— значит, буря проходит...

Доставалось всегда за дело, по справедливости. Но ежели отругает зря, сгоряча — и так случалось! — не постесняется признать свою ошибку.

— Знаете ли, дорогой товарищ, ведь вчера-то вы были правы, а не я. Уж извините, пожалуйста.

Не обижались. Разносов ее боялись. Но Старуху не только уважали и ценили — любили.

Понимали, что нелегкий ее характер больше всего и прежде всего бьет по ней самой. Ведь она высказывалась с резкой прямотой, без обиняков, не взирая на лица. Но все — от самых высоких государственных деятелей до рядового работника аппарата — все знали принципиальность и справедливость Елены Дмитриевны, ее душевность.

Если нуждаешься в помощи, в совете, в поддержке, не робей, смело стучись в дверь стасовского кабинета: «Елена Дмитриевна, к вам можно?»

Она поднимет усталые глаза, отодвинет работу, разложенную на письменном столе:

— Можно. Что там у вас приключилось?

Семейные драмы, болезни, всяческие невзгоды — все, все выкладывай не таясь. Умела слушать и помогать.

Один из мемуаристов назвал Елену Дмитриевну «человеком ленинского воспитания». Быть может, сказано не очень-то складно, но совершенно верно.

Поддержка Стасовой всегда была действенной. Обещает — обязательно сделает. Особенно внимательна была к слабым, к больным. Узнав, что товарищ захворал, сама, не дожидаясь просьбы, приходила на помощь — раздобывала путевку, медикаменты, усиленное питание, деньги.

Легко, даже слишком легко делилась деньгами. Давала взаймы. А если своей зарплаты в данный момент

не хватало, чтобы выручить человека из беды, вовлекала в заботу о нем товарищей, сослуживцев.

Бывало и так. Вечером либо в выходной день на квартире раздается телефонный звонок. Знакомый «пронзительный» голос Елены Дмитриевны:

— Знаете ли вы, что болен такой-то? Хотим его послать в Крым, в санаторий. Путевка будет бесплатная, а на проезд нужны деньги. Сколько можете принести?

Согласия твоего не спрашивает — оно само собой разумеется. И надо сказать, что товарищи не только охотно участвовали в таких стасовских «акциях», но и гордились тем, что она обратилась именно к ним: значит, доверяет.

До последних дней жизни Елена Дмитриевна не изменила своему обыкновению помогать. Делилась пенсией. Отдавала все, чем располагала. Считала: раз человек просит, отказывать ему не следует.

Сердилась, когда товарищи пытались ее остановить.

И опять в неурочный час раздавался телефонный звонок, и уже слабый, но по-прежнему «пронзительный» стасовский голос предлагал участвовать в сборе денег на покупку сапог и куртки для...

— Помните, была у нас сотрудница (называет фамилию), так это ее сын, непутевый парень. Написал, жалуется, что раздет, разут. А я,— тут в голосе звучат какие-то извиняющиеся нотки,— сама сейчас временно на мели. Ну, в смысле финансов...

Чувствуется, что Елена Дмитриевна начинает раздражаться, хотя собеседник и не думал возражать. Ее утомлял длинный разговор, объяснения. Сама подводила черту:

— Ваша доля — столько-то. Согласны? — и не слушая ответа:— Завтра сможете занести? В котором часу?

Еще один маленький эпизод. Он связан непосредственно со мной и потому особенно остро запечатлелся в памяти.

Ноябрь 1932 года. В Москве, в Колонном зале Дома Союзов, заседает Всемирный конгресс МОПР. Грандиозный, представительный форум, приуроченный к пятнадцатой годовщине Октября. Делегаты и гости

съехались со всего света. Иные прибыли нелегально. Наряду с коммунистами — беспартийные, социал-демократы.

Конгрессом руководит президиум во главе со Стасовой. Нелегкое дело «управлять» такой махиной.

Надо сказать, что всех сотрудников Исполкома и ЦК МОПР привлекли к обслуживанию конгресса. В том числе и меня, ответственного секретаря журнала «Интернациональный маяк».

Работал я в оргкомитете конгресса, и по ходу одного из заседаний председательствовавшая Стасова предоставила мне слово, чтобы оповестить делегатов о дальнейшем распорядке дня. Сделав сообщение, сошел с трибуны. И тут настигает меня Марья Петровна с записочкой. Знакомый почерк, подпись: «Е. С.». А текст приблизительно таков: «Павел, вы хрипите и кашляете, обязательно выпейте на ночь горячего молока с боржомом!» Очень растрогало меня ее внимание: руководя огромным политическим делом, она не прошла мимо мелкого факта; мало того, заметив, тотчас же отреагировала.

...И мы не сердились, когда она ругала за то, что бумаги, принесенные ей на подпись, сколоты булавкой вместо скрепки. За мелочь могла распушить.

Выдающегося деятеля международного революционного движения, японского коммуниста, старого и мудрого Сен Катаяму поразили основательность и пунктуальность, с которыми Стасова разрабатывала поставленные перед ней проблемы, железная дисциплина, точность в ее работе, колоссальная сила убеждения, которой она обладает. «Эти свойства,— писал Сен Катаяма,— помогают ей вести действенное повседневное руководство и правильно разрешать бесчисленное количество разнохарактерных и трудных вопросов, возникающих в 70 секциях МОПР. Под повседневным руководством т. Стасовой Международная «Красная помощь» распространилась по всему миру, став огромной массовой организацией с миллионами членов».

Эти слова старый соратник Елены Дмитриевны по работе в Коминтерне и МОПР написал осенью 1933 года, приурочив к определенному рубежу жизни Стасовой, ко дню ее шестидесятилетия.

...Обычно она вставала очень рано, торопливо завтракала, бегло просматривала газеты — и за работу! Такой утренний режим сложился за многие годы самоотверженного труда. Только по воскресеньям позволяла себе небольшое послабление: с постели поднималась чуть попозже, не слишком спешила с завтраком, внимательнее читала газеты, не откладывая это на вечерние часы...

15 октября 1933 года, воскресенье. Раскрыв утром «Правду», Елена Дмитриевна на первой полосе, под передовой статьей увидала:

«Приветствие ЦК ВКП(б) тов. Стасовой».

Текст невелик, но как много заключено в этих строках:

«ЦК ВКП(б) шлет горячий привет в день шестидесятилетия тов. Елене Дмитриевне Стасовой — старому большевику, преданнейшему строителю нашей партии, одному из активнейших руководителей международного коммунистического движения».

Стасова знала, что товарищи собираются отметить ее «круглую дату», тем более что с шестидесятилетием совпадала еще одна дата: тридцать пять лет пребывания в партии. Но чтобы приветствие ЦК! И такие внушительные слова! Такого признания не ожидала.

Телефонные звонки, ворохи телеграмм и писем, цветы, приход товарищей, делегации пионеров — все это буквально затопило в тот день ее маленькую квартиру. Поначалу она ворчала, остужая пыл поздравителей: «Да полноте, товарищи, не по Сеньке шапка». Потом, поняв, что сопротивление тщетно, покорилась, окунувшись в этот поток приветственных слов и признаний.

Когда схлынула волна гостей, она смогла перевести дух и снова взялась за «Правду»; и тут уж не на шутку рассердилась на себя. Как это она раньше не увидела, что и почти вся вторая страница газеты посвящена ей, Стасовой.

Приветствие товарищей по Коминтерну, подписанное Куусиненом, Сен Катаямой, Пятницким, Геккертом, Бела Куном и другими, приветствие товарищей по руководству МОПР, Президиума и Партколлегии ЦКК, Московского комитета партии и Общества старых большевиков, ВЦСПС и деятельниц женского движения. И какой славный ее портрет нарисовал для «Правды» художник Дени!

Вроде бы она никогда ему не позировала — вообще всю жизнь терпеть не могла позировать художникам,— а тут в беглом штриховом рисунке уловлены ее настоящие черты.

Или настроение сегодня такое, что все по душе?..

А приветствия все шли да шли и в тот воскресный день, и в последующие.

Обрадовали приветствие Реввоенсовета СССР и телеграмма Сергея Мироновича Кирова, поздравившего ее от имени ленинградских большевиков.

Шахтеры сообщали, что в подарок Е. Д. Стасовой они подняли на-гора сверхплановые тонны угля.

На лирический лад настроили послания старых друзей.

Скульптор академик И. Я. Гинцбург писал: «Ваша прямота и Ваша вера в будущее и правоту социализма всегда меня заражали, и я чувствовал Ваше влияние. Горжусь тем, что дочь и племянницу моих лучших друзей теперь чествует вся мыслящая свободная Россия и социалисты всего мира».

Мостик в прошлое, во времена «могучей кучки», перекинуло письмо потомков великого Римского-Корсакова. Поздравив Елену Дмитриевну, они утверждали, что «никакой стасовский юбилей не может обойтись без Римских-Корсаковых!».

О днях их общей революционной юности напомнил Иван Иванович Радченко. С грустью признав, что теперь «мы оба в ногу шагаем к старости», он пожелал ей еще минимум двадцать лет работать современными темпами. А потом, «может этак лет через двадцать, когда, вероятно, мы оба уже станем партийными пенсионерами, мы совместно засядем за писание воспоминаний о далеком периоде завоевания «Искрой» всех разрозненных социал-демократических организаций России».

В свое время, «этак лет через двадцать», Елена Дмитриевна вспомнит письмо старого соратника и всерьез возьмется за воспоминания, исходя из бесспорной истины, что знание прошлого помогает новым поколениям больше ценить настоящее и энергичнее строить будущее.

...Маленькую квартирку Стасовой завалили подарками: вышитыми салфетками и атласными подушками, искусно выполненными аппликациями, рисунками, выжженными на дереве, всякого рода работами самодеятельных художников, юных и старых. Многие из этих подарков не отличались особенным мастерством, зато были сделаны от души.

Надо сказать, что Елена Дмитриевна очень ценила такие подарки и они долгие годы не столько украшали, сколько заполоняли ее жилье...

Пришло письмо от Горького.

«Дорогая Елена Дмитриевна! — писал Алексей Максимович.— Горячо поздравляю Вас!

Не часто встречались мы, но после каждой встречи с Вами у меня являлось все более яркое и глубокое впечатление: какой непоколебимый в силе своей революционер, какой крепкий, прекрасный человек эта Елена Стасова! Как проницательно чувствуете Вы врага, как прямолинейно, большевистски резко умеете говорить с ним и о нем!

Я запоздал сказать Вам это, но запоздал не по своей вине: не знал я, что Вы празднуете тридцатипятилетний юбилей революционной работы Вашей. Крепко жму руку».

Рукопожатие великого писателя несказанно обрадовало Елену Дмитриевну. И все же не смогла она воздержаться от критического комментария:

— Ну кто ему сказал, что я праздную юбилей? Да еще юбилей революционной работы?! Несовместимые слова!

Вскоре ей пришлось услышать еще много теплых слов об Абсолюте, Гуще, Дельте, Герте и других пламенных большевичках, которые за годы борьбы выковались в прекрасный и гордый образ непоколебимого в силе своей революционера Елены Стасовой!

По-учительски прямо, высоко держа тщательно причесанную седую голову, сидит она за столом президиума на вечере в Обществе старых большевиков, ласково разглядывает верных товарищей.

Слушает докладчика — Фридриха Ленгника. Слушает — и вспоминает его под видом «безъязыкого» баварского коммерсанта Артура Циглера.

Горячего Феликса Кона на трибуне сменяет спокойная Людмила Сталь, а ту — внешне флегматичный, медленно подыскивающий русские слова Джиовани Джерманетто. Отважный итальянский коммунист, знаменитый писатель, чьи «Записки цирюльника» изданы на многих языках.

Обращаясь к аудитории, он говорит, улыбаясь и комично коверкая язык:

— Не думайте, товарищи, что эта Елена только ваша. Ничего подобного, она и наша!..

Уловив какой-то шумок в зале, спрашивает:

— Нет? Не согласны?

И после паузы, подобрав нужное слово, улыбается:

— Хорошо, пусть будет общей!

Емельян Ярославский, председательствовавший на вечере, как бы подытожил выступления:

— Елена Дмитриевна прекрасно знает французский, немецкий, английский языки, говорит по-шведски, но лучше всех знаком ей язык русской революции!..

После обильных выступлений и не столь уж обильного застолья пели хором любимые старые песни. Затеяли и танцы. Музыка заиграла русского, кто-то из мужчин пустился в пляс, вызывая на танец Стасову. И Елена Дмитриевна приняла вызов — величаво и горделиво выплыла на середину круга. Как грациозно держала она платочек в руке, как плавно двигалась! Потом зазвучала жгучая, огневая лезгинка, и опять Елена Дмитриевна вошла в круг.

Миновал праздник, и наутро мы увидели Стасову снова деловито-серьезной и требовательной.

МОПР Советского Союза объединял десять миллионов человек. Эмблема МОПР — рука с красным платком, протянутая из-за решетки,— стала популярной не только в нашей стране. На всем земном шаре знали о большой работе МОПР по интернациональному воспитанию.

При этом платных работников МОПР и в центре, и на местах, и в Стране Советов, и в капиталистических

странах было мало. Центральной фигурой МОПР стал активист-общественник, доброволец.

И руководитель МОПР Стасова, отдавая организации массу сил, энергии и времени, несколько лет работала на общественных началах. Тогда основной для нее была работа в информационном бюро Секретариата ЦК партии.

На XVII съезде партии Елену Дмитриевну избрали членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б), а затем членом Партколлегии ЦКК. Она — член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. В 1933 году Стасова вошла в состав Всесоюзной комиссии по чистке партии, возглавляла эту работу в партийной организации Народного комиссариата обороны.

Несколько созывов ее избирали членом Московского комитета партии.

Она была членом Комиссии по выработке проекта Конституции СССР и, как делегат VIII Чрезвычайного съезда Советов, 5 декабря 1936 года голосовала за принятие Основного Закона СССР.

И такую колоссальную нагрузку несла женщина, которой шел седьмой десяток!

Руководитель Международной «Красной помощи» Елена Стасова закономерно стала в тридцатые годы одним из лидеров международного движения против войны и фашизма. На этом благородном поприще работала рука об руку с Анри Барбюсом и Максимом Горьким, Роменом Ролланом и Ланжевеном.

Ее имя по праву стоит в ряду славных имен, которые человечество помнит и чтит как последовательных и непреклонных борцов за мир, против войны, национального и расового угнетения, за гуманизм и свободу.

В августе 1932 года в Амстердаме состоялся Международный антивоенный конгресс: собралось 2300 делегатов от 57 стран.

Анри Барбюс так написал о целях конгресса: «Он будет образцом широкого единого фронта, созданного рабочими, крестьянами и интеллигенцией различных политических направлений, которые решили покончить с лицемерной пацифистской фразеологией и стать на путь активной борьбы против подготовки новой империалистической войны». Вот этого-то и страшились бур-

жуазные правительства, вот почему они всячески препятствовали созыву конгресса.

Сперва намечалось провести конгресс в Женеве, но швейцарское правительство воспротивилось. Конгресс нашел пристанище в Амстердаме. Однако правительство Нидерландов отказало в визах советской делегации, в составе которой были: Максим Горький, Николай Шверник, представлявший советские профсоюзы, Елена Стасова от МОПР, академик Абрам Иоффе — представитель научных работников, другие товарищи, делегированные коллективами крупнейших предприятий СССР.

А самый факт отказа в визах показал всей планете, кто друг, а кто враг мира. Альберт Эйнштейн и Генрих Манн, Ромен Роллан и Клара Цеткин обратились к участникам конгресса с приветственными письмами; Теодор Драйзер и многие, многие другие прогрессивные деятели литературы, науки, рабочего движения солидаризировались с идеями конгресса.

Не допущенная на заседания, советская делегация в телеграмме, адресованной президиуму, выразила надежду, что «ее отсутствие не помешает конгрессу исполнить долг перед трудящимися всего мира. Опыт мировой войны, опыт русской революции показал народным массам, где лежит спасение от войны».

Советская делегация не смогла участвовать в заседаниях, но ее интересы представляли Анри Барбюс и Сен Катаяма.

На конгрессе было произнесено много ярких речей. Но сильнее других прозвучали слова Сен Катаямы. Он напомнил, что двадцать восемь лет назад здесь же, в Амстердаме, выступал на Международном социалистическом конгрессе. Тогда, в разгар русско-японской войны, он, японский социалист, пожав руку русскому делегату, дал клятву бороться за международную пролетарскую солидарность.

Спокойно и тихо, без тени внешнего эффекта старый коммунист сказал, как он счастлив, сдержав свою клятву:

«И снова стою здесь. И снова клянусь. И снова зову».

Сен Катаяма напомнил, что двадцать восемь лет назад было мало борцов за мир.

— И как много их сейчас,— сказал он, взглянув в зал.— И главное: теперь есть СССР — оплот мира!

Горького, Стасову и Шверника заочно избрали в Постоянный Международный антивоенный комитет, образованный конгрессом.

Елена Дмитриевна потом несколько раз участвовала в заседаниях этого комитета, не без трудностей получая разрешение на въезд во Францию (комитет находился в Париже).

В те годы она очень подружилась с Анри Барбюсом.

«Мне посчастливилось не раз видеть их вместе,— вспоминал писатель Александр Исбах.— Чем-то они очень походили друг на друга. Оба высокие, сухощавые, темпераментные. Только у Барбюса этот темперамент всегда выявлялся внешне — в энергичных жестах, в беспрестанном курении, в горячем блеске глаз. Горячность Стасовой была скрыта под внешней пеленой спокойствия, молодой блеск ее глаз скрывали стекла старомодного пенсне».

Дружба эта, к несчастью, оказалась недолгой: в 1935 году Барбюс скончался в Москве, куда он приехал, чтобы написать книгу о Ленине.

Елене Дмитриевне выпала горькая доля провожать гроб с телом друга до советской границы. Потом Стасова хлопотала о памятнике на могилу Барбюса: в Париж для надгробия писателю на кладбище Пер-Лашез была отправлена глыба уральского розового гранита.

За год до смерти, в августе 1934-го, Анри Барбюс произнес горячую речь — приветствовал собравшийся в Париже Всемирный конгресс женщин против войны и фашизма. Одним из организаторов этого международного форума была Елена Дмитриевна. Свыше тысячи делегаток и множество гостей собрались в парижском дворце «Palais de la Mutualite». Конгресс приветствовали Максим Горький и Георгий Димитров.

На первом заседании председательствовала Стасова. Потом она сделала доклад о положении женщины в СССР и о мирной политике Советского государства. Доклад прочитала по-французски.

С волнением слушал зал испанскую коммунистку Долорес Ибаррури, прозванную Пасионарией, что по-испански означает Пламенная.

Потом выступили советские делегатки, запоздавшие на три дня из-за затруднений при получении фран-

цузской визы,—и участница арктической эпопеи «Челюскина», и активистка-башкирка, и женщина-профессор, специалист по детским болезням.

В январе 1937 года в Париже состоялась Международная конференция. На ней обсуждались вопросы помощи испанскому народу.

Председатель ЦК МОПР СССР Елена Стасова рассказала делегатам о братской солидарности граждан Страны Советов с борющимися испанскими трудящимися. О том, что ткачихи и прядильщицы московской «Трехгорной мануфактуры» имени Дзержинского выступили с призывом: все на помощь испанским братьям! И о том, как в ответ на этот призыв буквально за несколько дней удалось собрать в фонд помощи республиканской Испании три миллиона песет.

Клара Цеткин назвала Международную организацию помощи борцам революции «героической одой, созданной миллионами безымянных и безвестных в честь миллионов безымянных и безвестных», а Елену Стасову — «пламенной, страстно движущей вперед душой всей организации».

Скоро вспыхнут звезды...

Осень сорок первого года. Тревоги, бомбежки. Гитлеровцы рвутся к столице.

15 октября Елене Дмитриевне исполнилось шестьдесят восемь. И в этот день, к удивлению товарищей, она опоздала на работу. Вопреки обыкновению, пришла не раньше всех, а чуть позже.

Сослуживцы поздравили ее с днем рождения. И услышали в ответ:

— Спасибо, друзья! Меня уже поздравила бомба!..

Оказалось, что минувшей ночью фашистский бомбардировщик сбросил фугаску на одну из секций дома на улице Серафимовича; в соседней секции находилась квартира Стасовой.

Из Москвы эвакуируются предприятия и учреждения, мирные граждане. Стасовой предложено готовить к эвакуации на Восток редакцию «Интернациональной литературы» *.

...В то утро она особенно волновалась, тщательно оделась, машинально подошла к зеркалу, поправила прическу. Позвонила в редакцию, предупредила, что задержится, что пойдет в Московский комитет партии.

Ее принял секретарь МК. Он чисто выбрит, подтянут, только красные веки и набухшие подглазницы выдают хроническое недосыпание, страшнейшую усталость. Он очень занят, но разговаривает со Стасовой вежливо, неторопливо. Зато спешит Стасова:

— Я свободно владею немецким. Французский и английский знаю столь же хорошо. И польский знаю... Подумайте: разве целесообразно меня отправлять на Восток? — И не дав ему ответить, отчеканила: — Нецелесообразно!

— Как вас понять, Елена Дмитриевна?

— А вот так. Чрезвычайно просто. Я останусь! Буду полезна здесь, в Москве.

Волнуясь, Стасова говорит торопливо, сбивчиво. И все об одном: пусть ее оставят. Или даже направят за линию фронта. Она может выдать себя за врага Советской власти, за дворянку, княгиню, если хотите. Опыт подполья у нее немалый. Она будет полезна на специальной работе, не сомневайтесь...

— И не думаю сомневаться! — Собеседник повнимательней взглянул на Стасову. Попросил:— Уточните, Елена Дмитриевна, свой возраст и свой партстаж.

— Старухой себя не считаю. Лет — всего шестьдесят восемь. А в партии — с 1898-го!

— Ну вот. Мне это известно, но хотелось от вас самой услышать. Неужто вы думаете, что мы вправе рисковать таким ценным партийным имуществом? Ни в коем случае и ни под каким видом! Ведь вы — хранитель партийных традиций. В этом качестве еще понадобитесь нашему народу. Прошу, берегите себя.

---

* Еще в октябре 1938 года Елена Дмитриевна была назначена главным редактором журнала «Интернациональная литература» (французское издание).— *Авт.*

— Старая песня. Такие же слова — буквально такие! — я слышала от Михаила Степановича Ольминского в семнадцатом году, когда пришла на заседание VI съезда партии...

— Вот видите!

И она почувствовала, что все доводы напрасны.

С эшелоном Гослитиздата Елена Дмитриевна выехала из Москвы на Урал. В одном вагоне с ней оказалась Мария Моисеевна Эссен, старый товарищ по революционной работе.

На душе тяжело. Тяжко покидать родной город. Поезд шел медленно; подолгу стоял, пропуская встречные эшелоны, идущие на фронт. Ехали в трудных условиях. Наконец прибыли в Красноуфимск, небольшой уральский город. Началась нелегкая жизнь в эвакуации. Трудно с жильем. С продуктами. Нечем топить печку. Но никто никогда не слышал от Стасовой даже подобия жалобы, даже намека на недовольство. Никто, никогда! Напротив, она поддерживала бодрость у товарищей. Сама не склоняла головы и другим не давала раскисать.

В старомодных фетровых ботах, в слишком легком для уральских морозов пальто «на рыбьем меху», в толстой шали домашней вязки быстро шагала Елена Дмитриевна по красноуфимским, заметенным снегом улицам. Часто выступала в госпиталях и школах, вела кружки текущей политики, делала сообщения о положении на фронтах... Ездила в колхозы, мерзла ужасно, но не позволяла себе отказываться от поручений, вызовов и приглашений.

Переписывалась с товарищами, находившимися на фронте. В письмах спрашивала: не требуется ли помощь? Прислать посылку, связать с родными, находившимися в эвакуации, выполнить любое поручение — она всегда, всегда готова. Очень радовалась, когда получала фронтовой, наспех написанный треугольник.

Друг, работавший в армейской газете, рассказал мне, что однажды получил на фронте письмо от Елены Дмитриевны; она писала, что готова присылать в редакцию материалы о жизни и работе тыла.

Другой растроганно вспоминал: когда после победы, демобилизовавшись, вернулся в Москву и посетил

Стасову, та вручила ему письмо, написанное в военное время, но не отправленное, так как потеряла номер полевой почты. А письмо хранила, верила, что после войны оно непременно попадет к адресату.

Елена Дмитриевна, находясь в Красноуфимске, не раз писала в Москву, доказывала необходимость возобновить выпуск журнала «Интернациональная литература». Она считала, что английское и французское издания «Интернациональной литературы» в какой-то мере — ну пусть в самой малой — могут способствовать открытию второго фронта: «Мы так его ждем, а они медлят...» Журнал на немецком языке тоже будет сражаться за правое дело — попадет в гитлеровские части, в их тыл и уж наверняка в лагеря немецких военнопленных! Да и вообще, возобновление выхода журнала будет свидетельствовать о нашей силе!

Много наград получила Стасова за долгую свою жизнь. Цену наградам знала, гордилась этими знаками доверия и признания народного. И рядом с орденами, с Золотой Звездой Героя, с самыми дорогими грамотами и письмами бережно хранила Елена Дмитриевна маленький кусок полукартона с круглой печатью и подписью: «П. Чагин, директор Гослитиздата». Это — поздравление с праздником двадцатипятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Руководство издательства сообщало: за ударную, самоотверженную работу по выпуску художественной литературы решено премировать Е. Д. Стасову книгами.

Было это в ноябре 1942 года. Уже в Москве, когда редакция «Интернациональной литературы» вернулась в столицу.

Разместились в одной обширной, холодной и неуютной комнате на Кузнецком мосту.

Стасова — вместе со всеми сотрудниками редакции. Никаких льгот, никаких привилегий! Боже упаси! В плохо топленной комнате она простудилась, скрутил радикулит, обмотавшись шерстяными платками и шарфами, превозмогая боль, сидела столь же прямо, не расслабляясь, как всегда. На руках — старомодные перчатки с обрезанными пальцами (они чуть согревают руки, позволяя при этом держать перо), ноги в старых ботиках. Она работает.

Приходит раньше всех, уходит поздно.

Часами, не поднимая головы, читает рукописи, правит. Принимает авторов, переводчиков.

Особенно внимательно, даже придирчиво, относится к переводам: требует точности, полного соответствия оригиналу; с переводчиками, случалось, спорит ожесточенно, доказывая, что такое-то выражение звучит по-французски именно так, а не иначе. И чаще всего оказывается права. Чтобы повысить ответственность переводчиков, ввела правило: под каждым материалом, опубликованным в журнале, ставилась подпись того, кто переводил.

Хорошо знала основы полиграфии. Сотрудников редакции часто посылала в типографию «Искра революции», где печатался журнал, считала, что каждый должен пройти такой техминимум: «Очень полезно хоть немного подышать тем воздухом!»

Вслед за корректорами просматривала гранки, верстку. Дотошно следила за орфографией и пунктуацией.

Внешне очень строгая, даже подчас суровая, старалась помочь сотрудникам, чем могла.

У одной из сотрудниц стащили продовольственные карточки — потеря страшная по тем временам! Елена Дмитриевна делилась с женщиной своим пайком и делала это так деликатно, так естественно!

В то трудное время москвичей выручали огороды. Имели коллективный огород и сотрудники «Интернациональной литературы». Елена Дмитриевна возделывать землю уже, конечно, не могла, хотя и порывалась. Но пылко агитировала за огороды, высвобождала сотрудников для работы на выделенных участках. И летом на рабочем столе редактора журнала в стакане с водой можно было увидеть трогательный букетик бледно-фиолетовых цветков картофеля...

Еще один маленький эпизод. Одна ее знакомая, сотрудница редакции, жила в эвакуации в Алма-Ате. Возвратившись оттуда, привезла Елене Дмитриевне подарок: дюжину больших яблок, прославленный алма-атинский апорт. В несытой Москве сорок третьего года яблоки, да еще такие отборные, краснощекие, не только были редкостью,— невиданной роскошью, мечтой...

Елена Дмитриевна, взяв из кулька одно яблоко, обтерла его носовым платком. Спросила: «Наташе оста-

вила?» (Наташа — маленькая дочка приехавшей знакомой.) Получив утвердительный ответ, тотчас же надкусила яблоко. «Трудно удержаться»,— объяснила с виноватой улыбкой. Второе яблоко спрятала в стол. И тоже объяснила: «Отвезу домой. Ольге Алексеевне». (Сестра покойного мужа, Ольга Алексеевна Крестникова, долгие годы жила вместе с Еленой Дмитриевной.)

Оставшийся десяток дареных яблок принялась с превеликой серьезностью делить между сотрудниками редакции. Прежде всего тем, у кого ребята. И остальным. Делила скрупулезно: каждый должен получить хотя бы кусочек.

По понедельникам, за час до начала рабочего дня, собирался кружок по истории партии. Занятия вела Стасова. Очень серьезно готовилась к беседе — приносила книги с закладками, фотографии.

Явка на занятия была стопроцентной, и учились рьяно. Одна из работниц редакции вспоминала: «Стыдно было прийти на занятия, не изучив материала, рекомендованного руководителем».

Очень тщательно и продуманно формировала Стасова номера журнала. «Интернациональную литературу» предстояло выпускать на трех языках: английском, французском и немецком. Задача нелегкая, особенно в условиях прифронтовой Москвы.

Чтобы облегчить ее решение, некоторые товарищи предложили готовить только русский текст, а уж потом переводить на соответствующие языки. Это проще, втрое скорей, втрое меньше потребуется усилий.

— И будет втрое хуже! — возражала Стасова. Она объясняла, что в каждой стране есть свои традиции и специфика, свои требования к литературе и журналистике, и если не учитывать этого, то журнал не взволнует, не заинтересует читателя, оставит его равнодушным.

В этом Елена Дмитриевна получила поддержку руководителя Союза советских писателей Александра Александровича Фадеева.

Стасову, которая до войны редактировала только французское издание журнала, теперь назначили ответ-

ственным редактором «Интернациональной литературы» и на английском языке. В 1942 году увидел свет первый английский номер.

Работа в журнале сблизила Елену Дмитриевну со многими писателями — с Федором Гладковым, Юрием Либединским, Ильей Эренбургом, Всеволодом Вишневским, Александром Исбахом. Деловые взаимоотношения закрепились, перешли в дружеские.

В Союзе писателей к Стасовой относились с большим уважением. Тон в этом задавал Александр Фадеев. Он был подчеркнуто внимателен к Елене Дмитриевне, при всякого рода обсуждениях всегда интересовался ее мнением.

Когда Стасовой исполнилось семьдесят лет — 15 октября 1943 года,— она получила из Союза писателей СССР приветствие, подписанное А. Фадеевым, Л. Сейфуллиной, М. Зощенко, Н. Асеевым, П. Скосыревым, И. Груздевым, И. Эренбургом. Товарищи отмечали, что Стасова показывает пример большевистского отношения к делу, много любви и энергии вкладывает в литературную работу. «В дни Великой Отечественной войны Вы, горячий советский патриот-большевик, с честью продолжаете дело своей жизни»,— сказано в приветствии советских писателей.

Стасова очень дорожила этим письмом.

Сотрудники редакции подготовили ко дню рождения Старухи веселую стихотворную «Кантату». Это коллективное творение, носившее шутливо-дружеский характер, в основе своей содержало отнюдь не шуточные мысли:

Пусть цифра 70 твердит
Об опыте и стаже.
В нем юности огонь горит,
Он молодых кругом бодрит,
Хотя нередко их корит,
Поругивает даже.
Но самый молодой из нас
В тяжелый час,
В жестокий час,
Хотел бы подзанять не раз
Той юной бодрости запас
Для испытаний новых,
Опасных и суровых.

Поздний ночной час. Редакционная комната опустела — сотрудники давно разошлись по домам. Окна наглухо закрыты светомаскировкой, только на одном из столов горит неяркая настольная лампа. За столом старая женщина читает рукопись. Устала, глаза утомлены, пора бы прекратить работу, но она не может, не хочет себе этого позволить — еще не окончен «урок», который она себе задала на сегодня...

— Ну, хватит, Герта! — слышится негромкий голос. Она поднимает голову, протирает глаза. Конечно же это Иоганнес Бехер, ответственный редактор немецкого издания «Интернациональной литературы». Тоже задержался. Только он один зовет ее здесь Гертой, по старой памяти, словно тогда, в Берлине.

Стасова смеется:

— О, старый товарищ. Вы, я вижу, тоже потеряли счет времени. Ну хорошо, на сегодня действительно хватит. Пошли, пожалуй...

Вместе выходят на Кузнецкий мост, спускаются вниз по Неглинной.

Темно, безлюдно. Их останавливает комендантский патруль. Пожилой сержант, подсвечивая себе электрическим фонариком, проверяет ночные пропуска.

Берет под козырек:

— Можете следовать дальше!

И добавляет неофициально:

— Опять вы так поздно, товарищ Елена Дмитриевна!

— Что поделаешь, работы много, дорогой товарищ!

Они знают друг друга — его пост здесь, на перекрестке; она часто возвращается домой в ночную пору...

Расставшись с Бехером, Стасова идет по Моховой, мимо Ленинской библиотеки, к мосту через Москву-реку. Слева во мгле угадываются знакомые очертания кремлевских стен, кремлевских башен. Она думает о том счастливом, мирном вечере, когда на башнях снова вспыхнут рубиновые звезды.

Теперь, наверно, уже ждать недолго.

Зову живых!

«Надо обратить внимание на то, что нас, старых большевиков, с каждым годом все меньше становится, и нужно успеть из нас все «выжать» — все, что мы помним, знаем: для поколений, для истории это очень важно!» — писала Стасова, обращаясь к литераторам и историкам.

И она была в этом примером: старалась «выжать» из себя все, что помнила, знала.

В конце 1946 года Елена Дмитриевна ушла на пенсию — настояли врачи — и, как написала потом в «Воспоминаниях», «занялась литературным трудом и общественной деятельностью».

Годы шли, силы слабели, одолевали болезни, и, что самое страшное, надвигалась слепота. Но она продолжала работать: не отказывалась от докладов и бесед, редактировала, писала собственные книги и помогала рождению книг товарищей.

Еще раньше, до ухода с поста редактора «Интернациональной литературы», Стасова в одном из писем к Коллонтай, оправдываясь в долгом молчании, объясняла причину: «...совсем замоталась за это время. Кроме обычной работы мне пришлось прочитать целую серию докладов — и о Н. К. Крупской, и о 8 Марта, и о Парижской коммуне, и это взяло у меня все наличные силы. Частенько мне говорят, что я напрасно беру такую нагрузку. Смешные люди! Они никак не хотят понять, что эти доклады дают такое огромное удовлетворение, создают такой подъем, который заставляет забывать все невзгоды. Люди никак не хотят понять, что доклады — это настоящая жизнь, так как чувствуешь общение с массой; это тот пульс живой, творческой жизни, который и дает новый прилив сил, хотя и уносит их».

К каждому выступлению долго готовилась.

Вот, к примеру, выдержка из письма Елены Дмитриевны от 4 декабря 1954 года: «У меня 1 декабря был доклад о С. М. Кирове, и потому кроме личных воспоминаний надо было перечитать (вернее, прослушать) уйму материала о нем, чтобы дать яркую его характеристику».

Другое письмо: «...было выступление в Институте текстилей, что всегда берет у меня много сил, а сама подготовка требует большого напряжения».

Да, отказывать не в ее правилах. Даже когда это вредит здоровью. 11 ноября 1955 года пожаловалась в письме: «...я страдала от Телецентра, который затащил меня на снимок с воспоминаниями о Баумане. Отчаянный свет при этом очень плохо повлиял на мой единственный глаз и общее состояние».

Нет, она не привыкла щадить себя. Еще один отрывок из ее письма (от 30 декабря 1956 года):

«Свою глазную операцию я отложила на вторую половину января, т. к. 4-го уеду в Ленинград, там в Доме офицера выступлю с докладом о В. И. Ленине. Этот Дом мне очень памятен, т. к. в 1917—18 годах я там организовывала всю культурную работу».

Летом 1947 года впервые после войны попала в Ленинград, город своей юности, город-герой, восстанавливаемый после жестокого артиллерийского обстрела, бомбежек и блокады. Для Елены Дмитриевны здесь все связано с воспоминаниями о близких, о семье и друзьях, о революции.

Позабыв про возраст и болезни, часами вышагивала по ленинградским улицам, встречалась со старыми товарищами, спешила побывать в Музее Ленина, Музее обороны города, в Русском музее.

Выступала часто и охотно. Однажды, как говорилось в ее письме от 19 августа, «случился весьма курьезный случай: вчера я делала доклад в одном военном училище, а сегодня они мне в виде благодарности прислали «презент». Как бы вы думали что? Целый ящик зелени (капуста, морковь, свекла, укроп), мяса кусок и банку варенья».

Этот «курьезный случай» растрогал ее до слез!

Особенно важным считала выступать в молодежной аудитории. Она говорила: «Думаю, что нам, старикам, надо много рассказывать о своей прошлой жизни, чтобы ребята учились, как воспитывать себя!» «По просьбе комсомола» написала статью о Надежде Константиновне — боевой подруге Ильича. Статья обошла всю комсомольскую печать, Елене Дмитриевне присылали вырезки из газет. Случилось мне тогда навестить ее. Помню, с какой гордостью показывала кипу вырезок:

— Повсюду напечатали: от Читы и до Ленинграда, от Мурманска и до Тбилиси.

Радовалась широте газетной «географии» и массовости аудитории!

Строки из ее письма: «Я вот получила из Алтайского края почетную грамоту и пионерский галстук из одной школы, а так как в марте я была членом комсомольской конференции, то чувствую себя одновременно членом трех поколений нашего большевистского отечества».

Очень ей нравилось чувствовать себя связанной со всеми поколениями советских людей!

Хочется мне, сделав небольшое отступление, вернуться в тридцатые годы. Одну из старых знакомых Стасовой, при царизме отбывавшую вместе с ней ссылку в Енисейской губернии, недруги оклеветали, обвинив в разного рода грехах, в том числе и в аморальном поведении. Стасова горячо встала на защиту этой женщины. В официальном послании, направленном в президиум Общества старых большевиков, она писала: «Не согласна и с тем, что (она) тип «аморальный», т. к. не думаю, что склонность увлекаться и влюбляться является «аморальностью». Не нам, старикам, ставить так вопрос. Это дело не большевиков, а старых бабушек «доброго старого времени»».

Да, Старухой быть соглашалась, а «старой бабушкой» — ни за что!

Глаза видели все хуже, но Елена Дмитриевна не прекращала чтения, очень интересовалась современной литературой.

Переписываясь с товарищами, высказывалась о только что прочитанных книгах:

«Избранное» Вяч. Шишкова... Понравилось, советовала обязательно взять в библиотеке.

«Зарево» Ю. Либединского... Не только порекомендовала друзьям книгу, но и написала о ней большую рецензию «Летопись славных дел» в «Литературную газету». Роман хвалила, но сделала меткие замечания, указала места, где автор грешит против правды истории; а ведь в книгах на историко-революционную тему все должно быть правдивым, поскольку даже мелкая погрешность может вызвать недоверие читателя к произведению в целом. Еще строже относилась Стасова к собственным выступлениям в печати.

Обещав написать статью о деятельности А. М. Коллонтай, постаралась прочитать все, что могла найти в библиотеках, в архиве: воспоминания самой Александры Михайловны, напечатанные в журнале «Октябрь», неопубликованные материалы из фондов Института марксизма-ленинизма, статьи о Коллонтай француженки Дюшен, книжку испанки Изабел Паленци, вышедшую на английском языке. И только после этого начала писать сама.

Елена Дмитриевна отредактировала сборник «Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России» и предпослала ему большую статью «Как мы получали и распространяли нелегальную литературу».

С особой ответственностью подходила к статьям и воспоминаниям о Владимире Ильиче и Надежде Константиновне.

Вместе с Ц. С. Бобровской и А. М. Иткиной Елена Дмитриевна подготовила и отредактировала сборник «Славные большевички», вышедший в свет в 1958 году; написала для него очерк «Женщины семьи Ульяновых».

«Оглядываясь на прошлое,— писала Стасова в этом очерке,— вспоминая встречи с замечательными женщинами семьи Ульяновых, жалею об одном: о том, что не вела дневника и потому не могу воспроизвести всех встреч, которые всегда оставляли в душе хорошее, теплое ощущение чуткости, ума и женской ласки».

К сороковой годовщине Октября вышла книга воспоминаний Елены Дмитриевны «Страницы жизни и борьбы», в приложении к которой дана переписка автора с К. Т. Новгородцевой (Свердловой), относящаяся к 1918 году.

«Страницы жизни и борьбы» легли в основу «Воспоминаний» Стасовой, увидевших свет уже после кончины автора, в 1969 году.

Елена Дмитриевна считала своим долгом поддерживать выпуск литературы и кинофильмов на историко-революционные темы, охотно беседовала с писателями, с режиссерами и актерами, давала советы. Писала предисловия к историко-партийным книгам...

Их много, предисловий Стасовой. К сборнику «У истоков партии», положившему, по ее мысли, начало

«своеобразной антологии», которая создана советскими литераторами о старой гвардии коммунистов-ленинцев, и к «Памятным годам» — воспоминаниям ее старого друга Николая Евгеньевича Буренина, к книге А. Иткиной о Коллонтай «Революционер, трибун, дипломат», к книге о большевичке Ольге Пилацкой.

И моя повесть об Инессе Арманд «Товарищ Инесса» удостоилась стасовского вступительного слова.

Елена Дмитриевна не раз называла себя человеком «неписучим». Но последние десятилетия сложились так, что на практике она сама опровергла свое утверждение. Если собрать статьи Стасовой в периодической печати и рассыпанные по многим книгам ее предисловия, получится объемистый сборник.

В последние годы жизни много сил отдала Елена Дмитриевна подготовке капитального труда — писем Владимира Васильевича Стасова к родным. Они составили пять объемистых томов, явившись ярким памятником культуры и передовой общественной мысли России середины прошлого — начала нынешнего столетия.

Над отбором писем и подготовкой их к публикации Стасова начала работать еще в конце сороковых годов. Для этого ей пришлось приехать в Ленинград. Долгие часы просиживала она в архиве Пушкинского дома (Института русской литературы Академии наук), где хранится эпистолярное наследие Стасова. Работа осложнялась еще и тем, что Владимир Васильевич обычно писал очень мелко, а на старости лет особенно. Даже вполне зрячий человек не сразу разберется в почерке выдающегося критика. Зрение же Елены Дмитриевны уже тогда, в начале работы над письмами, было очень слабым.

— И все же,— поражался профессор М. О. Янковский, редактор этих томов,— она самолично прочитала все, то есть тысячи писем, и тщательно отобрала из них наиболее значительное. Огромный труд! А до каких мельчайших деталей она доходила, разрабатывая комментарии, сколько ценнейших сведений, освещающих реальный фон стасовских писем, сообщила, сколько сотен фактов, дат, имен лично ею «поставлено на место», как педантично добивалась предельной точности и обстоятельности научного аппарата.

Можно уверенно сказать, что завершить издание удалось лишь благодаря энергии, настойчивости и авторитету Елены Дмитриевны, которая была душой издания и которой ко времени выхода в свет последней книги исполнилось восемьдесят лет!

Ежедневно в десять утра она появлялась в читальном зале архива и до пяти вечера просиживала за разбором писем. «Конечно, устаю,— признавалась Елена Дмитриевна,— но иначе сделать нельзя, так как материал огромный, почерк мелкий...» В письме к товарищу сокрушалась, что за пять дней сумела прочесть лишь 192 страницы. Потом дело пошло быстрее.

Поначалу ее несколько волновала мысль: созвучен ли Стасов современности, не устарели ли его воззрения, его острый полемический задор? Но убедилась: звучит и сегодня, да еще как звучит! «Работа еще интереснее, чем я думала, и дает такую фигуру, которая целиком соответствует современности»,— призналась она.

Воротившись из архива, Елена Дмитриевна, усталая донельзя, часа два лежала в темноте, чтобы, как она объясняла, отдохнули глаза и голова. Вечером читала только газеты, писала письма да иногда раскладывала пасьянс.

В личном архиве М. О. Янковского сохранилось несколько писем Елены Дмитриевны, относящихся к периоду их совместной работы над наследием В. В. Стасова. Письма посылались из Москвы в Ленинград. Вот выдержки из них.

«...Я нисколько не сомневаюсь, что посторонний глаз лучше моего купирует кое-что в письмах В. В., так как я все же слишком близкий человек, а потому, наверное, сняла не все, что надо, хотя и старалась это делать».

«...Думаю, что вы преувеличиваете достоинство моей работы по подборке писем В. В. Что касается примечаний, то, конечно, вы правы, если их дополните. Я не искусствовед и не научный исследователь и, конечно, могла многого недоделать».

«...Жду от вас критики примечаний, чтобы продолжение уже делать по вашей указке. Все сокращения, о которых мы с вами столковались, перенесла на экземпляр».

Зимой 1960 года у Елены Дмитриевны побывал писатель Симон Дрейден. Хозяйка просматривала верстку

очередного тома стасовских писем. Речь зашла о значении серьезной музыки для того, чтобы приобщить к искусству все более широкие слои советских людей. О том, что еще не все понимают и любят классику. Есть люди, которые выключают репродуктор, едва диктор объявит симфонию или оперу. Стасова очень горячо стала говорить о необходимости слушать и слышать такую музыку. Надо привить интерес к ней, увлечь, раскрыть ее «тайны!» Владимир Васильевич умел это делать.

И она задумалась, замолчала. Потом продолжала, словно размышляя вслух:

— Кое-кому из моих знакомых кажется, что в том, что на склоне лет я столько сил и времени отдаю изданию литературного наследия Владимира Васильевича, есть какой-то «уход от жизни», будто это занятие сугубо академическое или... дань фамильной гордости. Конечно, у меня есть все основания гордиться своей фамилией... Дело, однако, не в ней. Владимир Васильевич так писал об искусстве и музыке, что это само было искусством, способным заряжать читателя всей красотой, борьбой идей, живой душой произведения. А это сегодня, может быть, еще важнее, чем когда-либо...

Она опять задумалась. Потом, словно бы подведя итог, добавила:

— Нет, издание стасовских писем дело отнюдь не частное, а государственное.

В декабре 1958 года на пленуме Союза композиторов Стасова выступила с интересной речью. Вспоминала о прошлом. Говорила о необходимости пропаганды хорошей музыки. Выступление понравилось. Участники пленума окружили ее, стали благодарить, а она бросила не без лукавства: «Все-таки Стасова...»

Когда в Ленинграде хор ветеранов революции отмечал свое пятилетие, Елена Дмитриевна откликнулась приветственным письмом. «Чувство коллективизма, эстетическое удовлетворение и сознание полезности того, что несет людям хоровое искусство, да еще из уст старой гвардии коммунистов,— писала она,— сами по себе замечательны и дороги каждому участнику и вместе с тем вызывают у слушателей хорошие чувства — благодарности и признательности...»

Хочется хоть вскользь сказать еще об одном музыкальном увлечении Елены Дмитриевны — о духовой

музыке, о военных оркестрах. Если только позволяло здоровье, посещала концерты духовых оркестров, взяла даже своеобразное шефство над ними.

У восьмидесятилетней Стасовой зрение становилось все хуже, все меньше ей удавалось «прочесть самой», как говорилось теперь в ее записках.

От художественной литературы пришлось отказаться; с трудом и напряжением читала только самое необходимое для текущей работы, газеты и общественно-политические журналы. Пока могла...

Потом случилось неотвратимое.

1 ноября 1960 года Елена Дмитриевна, продиктовав письмо критику Корнелию Зелинскому, поблагодарила за присланную им книгу о Фадееве, которую «с огромным удовольствием получила». Далее в письме сказано: «Обязательно ее прочту, вернее, прослушаю, потому что с глазами у меня плохо и сама я не читаю».

Послав в 1961 году Елене Дмитриевне свою книжку о большевике Иване Русакове, я очень быстро получил ответ: «Обязательно дам кому-либо из товарищей почитать и рассказать содержание, т. к. сама по состоянию зрения читать уже не могу». С грустью увидел, что письмецо написано чужой рукой, лишь подпись: «Ваша Елена Стасова» — выведена знакомым почерком, потерявшим, к сожалению, былую четкость.

Скоро я убедился, что обещание Стасовой — поручить кому-либо из товарищей прочитать книжку и рассказать ей о содержании — не было простой данью вежливости. При личной встрече она высказала существенные замечания. Ясно было, что с книжкой знакома. Как всегда, слов на ветер не бросала.

Почти совсем потеряв зрение, продолжала интенсивно работать. Не нарушала все тот же железный распорядок дня. С десяти и до двух часов труд с секретарем над текущей почтой. А почта у Стасовой обильная и разнообразная. Каждое письмо выслушивала, тотчас же диктовала ответ, а при необходимости и сопроводительное письмо. Если предстояло ждать решения по письму, его брали на контроль. После обеда работа продолжалась. В предвечерние часы ей читали вслух газеты. Несколько товарищей взяли на себя эту добровольную обязанность: каждый приходил в «свой» день и час.

В чтении тоже была своя строгая система — начинали с передовой «Правды», затем телеграммы из-за рубежа, теоретические статьи... Памятью Елена Дмитриевна обладала цепкой, часто связывала сегодняшнее сообщение с предыдущей информацией, порой просила вернуться к ранее напечатанному материалу.

Рада бывала посещениям товарищей, но раздражалась, ежели гость, пытаясь ее развлечь, заводил пустопорожние разговоры (одно из излюбленных словечек Елены Дмитриевны). Берегла время — свое и чужое. С годами слабела, но сдаваться не хотела. Продолжала «давать себе задания», больше всего боялась расслабиться, потерять вкус к работе, отстать от общего движения вперед.

Октябрь 1961 года. Коммунисты столицы избрали Елену Дмитриевну делегатом XXII съезда партии.

Восьмидесятивосьмилетняя большевичка не пропускала заседаний. Высокая, подтянутая, тщательно причесанная, в строгом темном жакете поверх светлой кофточки, у воротничка — массивная гранатовая брошь. Со звездой Героя Социалистического Труда и длинной орденской планкой. В перерывах между заседаниями к ней подходили, знакомились, спрашивали о здоровье, жали руку. В тот момент, когда она разговаривала с космонавтом Германом Титовым, их «схватил» объектив фотоаппарата. Несгибаемый Абсолют и отважный покоритель космоса!

А через два года, тоже в октябре, ей исполнилось девяносто лет. В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялось торжественное заседание. В президиуме — именинница, как всегда, стройная, прямая, может быть, лишь еще более похудевшая, еще более бледная. Встает, благодарит за поздравления. И вместе со всем залом поет «Интернационал».

«Я была и останусь до конца своей жизни солдатом великой ленинской партии. Я обязана ей всем своим существом и превыше всего ставлю исполнение своего долга перед ней»,— писала Елена Дмитриевна, узнав о награждении пятым орденом Ленина в связи с девяностолетием.

Летом 1965 года Елену Дмитриевну навестил итальянский сенатор-коммунист — ее старый боевой товарищ

Витторио Видали. То была их последняя встреча. Стасова очень слаба, с трудом передвигается по комнате. Но полны оптимизма ее слова:

«Ты видишь, у нас все налаживается, все становится на свое место. И этим мы обязаны мудрости нашего народа и нашей партии».

...Когда Видали, прощаясь, пожал ее руку, Стасова сказала, что жизнь теряет ценность, если не можешь работать и приносить пользу.

И она работала до последних минут своей жизни.

...Елена Дмитриевна Стасова — ей шел девяносто четвертый год,— собрав последние силы, диктует статью для «Правды». Тяжело больна, но ум ясен, мысль логична. Елена Дмитриевна сердится на свою слабость. Торопится диктовать. Сказать последнее слово-завещание, обратиться к тем, кому предстоит жить и строить. К единомышленникам и соотечественникам. К потомкам.

Скончалась Елена Дмитриевна Стасова 31 декабря 1966 года, вечером, под Новый год. Ее статья опубликована в газете «Правда» 21 января 1967 года. В годовщину смерти Ленина. Заглавие: «Счастье быть первыми».

Да, ей выпало большое счастье: быть среди первых! Среди тех, кто расшатывал устои самодержавия, кто готовил революцию, добился ее победы и начал новую эпоху мировой истории. Кто вместе с Лениным устанавливал Советскую власть. Кто крепил мощь Советской державы. Кто распространял ленинские идеи по всему миру.

Почти семьдесят лет Елена Стасова боролась в рядах ленинской партии, не отклоняясь от курса, проложенного Владимиром Ильичем. И последнее слово Герой Социалистического Труда, кавалер пяти орденов Ленина, старейшая большевичка обращала к грядущим поколениям. Она звала детей и внуков продолжать и умножать дело, начатое Лениным и его соратниками.

Она писала:

«Каждое новое поколение революционеров решает новые исторические задачи. Но важно перенять страстность закаленных революцией борцов, их глубокую коммунистическую убежденность, беззаветную преданность

партии и жгучую ненависть к врагам революции. Ибо начатая нами революция продолжается, и ее иносказательными баррикадами, где закаляется революционная сталь, где проходят школу борьбы за счастье народа, являются сегодня заводские цехи, шахты, стройки, колхозные и совхозные поля и фермы, лаборатории научно-исследовательских институтов, вузы и техникумы, все участки деятельности, на которых властвует созидательный труд во имя коммунизма. Труд упорный, творческий, во имя постоянного укрепления социалистической Родины — вот что такое революция сегодня».

Статью свою Елена Дмитриевна закончила словами любимой песни:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!

Стасова похоронена на Красной площади, у Кремлевской стены, вблизи Мавзолея Ленина.

Именем ее назвали московскую улицу, что выходит на Ленинский проспект.

Закончить рассказ о долгой и прекрасной жизни Абсолюта хочется выдержкой из письма Елены Дмитриевны к «дорогой Шуриньке», А. М. Коллонтай:

«Да, друг юности и друг до старых лет, как хорошо, что мы можем с Вами спокойно оглядываться на прожитые годы и смело смотреть вперед и радоваться тем достижениям и успехам, которые ведут вперед нашу страну, и думать, что в этих успехах есть и нашего меду капля».

Горький писал о Владимире Васильевиче Стасове:

«Когда он умер — я подумал: — Вот человек, который делал все, что мог, и все, что мог,— сделал».

Сказанное великим писателем о дяде можно с полным правом отнести и к племяннице — Елене Дмитриевне Стасовой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, 5, 9, 21, 30, 41, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 54.

Ленинские сборники V, VIII, XV, XVI, XXI, XXXVII, XXXVIII.

«Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 1. М., 1970; т. 2. М., 1971; т. 4. М., 1973.

«Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России», т. 2. М., 1969; т. 3. М., 1970.

«Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», т. VII. М., 1972.

«Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2. М., 1969.

«Старая гвардия». Сборник. М.—Л., 1926.

«Славные большевички». Сборник. М., 1958.

«Листовки петербургских большевиков», т. 1. М., 1939.

«Партия в революции 1905 г.». Сборник. М., 1934.

«У истоков партии. Рассказы о соратниках В. И. Ленина». М., 1963.

«Из истории международной пролетарской солидарности». Сборники 1—6. М., 1958—1962.

«Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России». Сборник. М., 1956.

«Коричневая книга». Сборник. М., 1933.

«МОПР — школа интернационального воспитания». Сборник. Изд. 1-е, 1933; изд. 2-е, 1935; изд. 3-е, 1937.

«Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову». Сборник. СПБ., 1908.

Бать Л. Незабываемые встречи. М., 1972.

Буренин Н. Е. Памятные годы. Л., 1967.

Горький А. М. Полное собрание сочинений, т.т. 5, 30.

Дрейден Сим. Музыка — революции. Изд. 2-е. М., 1970.

Исбах Александр. Товарищ Абсолют. М., 1963; М., 1973.

Кровицкий Г. А. Путь старого большевика. М., 1933.

Крупская Н. К. Педагогические сочинения, т. 1. М., 1957.

Лебедев А. К. и *Солодовников А. В.* Владимир Васильевич Стасов. Жизнь и творчество. М., 1976.

Левидова С. М., Салита Е. Г. Елена Дмитриевна Стасова. Л., 1969.

Лепешинский П. Н. На повороте. М., 1955.

Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, т. I. М., 1956.
Петропавловская Л. Люсик Лисинова. М., 1968.
Соркин Г. З. Первый съезд народов Востока. М., 1961.
Спандарян С. Статьи, письма, документы. Ереван, 1940.
Стасов В. В. Письма к родным, т. 1—3. М., 1958.
Фофанова М. В. Решающие дни. М., 1957.
Шотман А. В. Записки старого большевика. Л., 1963.

Книги и брошюры Е. Д. Стасовой

Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1957.
Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969.
Стасова Е. Д. Учитель и друг. М., 1972.
Стасова Е. Д. МОПР за рубежом. М., 1934.

Журналы

«Былое», 1906, № 4.
«Вопросы истории», 1973, № 12.
«Вопросы истории КПСС», 1967, № 12.
«Женский журнал», 1927, № 11.
«За рубежом», 1932, № 2.
«Звезда», 1974, № 11.
«Интернациональный маяк», 1931, № 19; 1933, № 19, 20; 1934, № 10, 24; 1935, № 7.
«Исторический архив», 1955, № 2; 1957, № 1; 1961, № 5.
«Коммунистический Интернационал», 1933, № 29—30.
«Красная летопись», 1926, № 2.
«Народы Востока», 1920, № 1.
«Новая и новейшая история», 1959, № 2.
«Огонек», 1958, № 17.
«Пролетарская революция», 1924. № 7.
«Работница», 1964, № 7; 1973, № 10.
«Сибирские огни», 1963, № 11.
«Спутник агитатора», 1936, № 5.

Газеты

«Правда», 29. VII (11. VIII). 1912; IV, V.1913; 10.X.1920; 2.IV.1926; X.1933; 5.VII.1936; 29.III, 15.X.1973.
«Пролетарий». Женева, 17(3). VI.1905.
«Бакинский рабочий», 12.IV. 1960.
«Комсомольская правда», 14.I.1960; 6.V.1937; 14.X.1973.

«Красная газета». Петроград, 1918, 1919.
«Красная звезда», 16.IX.1965.
«Литературная газета», 23.VI.1953; 26.XII.1959.
«Петроградская правда», 24.IV.1920.
«Советская Хакасия», 11.VII.1962.
«Учительская газета», 13.X.1973.
«Кавказ» (Тифлис), 22.VIII.1913.

Фонды архивов и музеев

Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР.

Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (Берлин).

Центрального государственного архива литературы и искусства СССР.

Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР.

Ленинградского государственного архива кинофотодокументов.

Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

Государственного архива Красноярского края.

Музея Революции СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Подляшук П. И.

П44 Богатырская симфония. (Докум. повесть о Е. Д. Стасовой). М., Политиздат, 1977.

254 с. с ил.

Автор, писатель Павел Подляшук, использовал богатый архивный материал, прессу прошлых лет, свидетельства друзей и соратников Е. Д. Стасовой. В повесть включены также личные воспоминания писателя, хорошо знавшего Елену Дмитриевну.

Написанная в увлекательной форме, книга создает яркий, впечатляющий образ несгибаемого большевика, бесстрашного и последовательного борца за дело партии. Издание рассчитано на массового читателя.

П $\frac{10202-237}{079(02)-77}$ 115—77 3КП1(092)

Павел Исаакович Подляшук

Богатырская симфония

Документальная повесть
о Е. Д. Стасовой

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*
Редактор *Г. П. Шкаренкова*
Младший редактор *Г. А. Карликова*
Художественный редактор *С. Д. Алексеев*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 920
Сдано в набор 15 апреля 1977 г. Подписано в печать 27 июля 1977 г. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 14,07. Учетно-изд. л. 13,87. Тираж 200 тыс. экз. А 00094. Заказ № 1722. Цена 60 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

60 коп.

БОГАТЫРСКАЯ СИМФОНИЯ
П. Подляшук